

ОСНОВАНИЯ
ЛОГИКИ
ОЦЕНОК

А. А. ИВИН

ОСНОВАНИЯ ЛОГИКИ ОЦЕНОК

А. А. ИВИН

Иванов

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
1970

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

В развитии формальной логики можно выделить два основных этапа. Первый из них начался с построения Аристотелем теории категорического силлогизма и продолжался более двух тысяч лет. В течение этого времени формальная логика развивалась очень медленно и обсуждавшиеся в ней проблемы мало чем отличались от проблем, поставленных Аристотелем. Аристотелевская теория силлогизма нередко рассматривалась при этом как полное описание всех тех приемов, с помощью которых из одних истин могут быть выведены другие. Это дало Канту повод утверждать, что формальная логика является завершенной наукой, не продвинувшейся со времени Аристотеля ни на один шаг и не имеющей собственной истории.

Ошибочность представления о формальной логике как о науке, в которой не следует надеяться на значительные открытия, была ясно показана во второй период ее развития, охватывающий последние сто лет. Сформировавшаяся в это время *современная* формальная логика разработала целый ряд разделов, отсутствовавших в *традиционной* логике, уточнила и систематизировала основные результаты последней и указала их место в более общей и более фундаментальной теории правильного мышления. Традиционная логика оказалась в итоге одним из фрагментов современной логики.

Совпадая по предмету, традиционная и современная логика различаются своими методами. Первая пользовалась для характеристики мышления обычным языком, не имеющим ясной структуры и четко определенных правил придания значений выражениям. Вторая использует в качестве моделей содержательных рассуждений искусственные языки, строящиеся по точно сформулированным и эффективным правилам. Эти языки позволяют дать различным сторонам мышления строго научное описание, исключаящее пропуск существенных звеньев, не содержащее формулировок с более чем одним значением и не требующее использования не указанной явно информации.

Отображая реальное мышление в абстрактных знаковых моделях, логика отвлекается от определенных его особенностей, разлагает сложные рассуждения на отдельные элементы и уста-

навливают правила, по которым эти элементы соединяются между собой. Каждая логическая модель основывается на определенной совокупности абстракций и допущений, касающихся мышления, и выделяет в качестве объекта своего анализа только определенные его аспекты. При этом действительный процесс рассуждения упрощается и не находит полного описания в отдельной модели. Такое огрубление является неизбежным следствием применяемого логикой метода искусственных или формализованных языков. По мере совершенствования представлений о мышлении его огрубление становится все меньшим и меньшим, а даваемое логикой описание все более приближается к реальному мышлению.

Современная формальная логика является весьма разветвленной отраслью знания. В первые десятилетия этого века она развивалась прежде всего с целью предоставления средств, необходимых для обоснования математики, и нередко называлась поэтому «метаматематикой» или «теорией математического доказательства». Участие в обосновании математики и сейчас остается одной из главных ее задач. Вместе с тем в последнее время сложился ряд новых разделов логики, связанных непосредственно не с математикой, а с проблемами иных наук, и в частности, с проблемами этики, теории права, политической экономии, социологии, философии и других гуманитарных наук. К числу этих разделов относятся и логическая теория оценочного рассуждения.

Под логикой понимались и понимаются самые разнообразные и разнородные доктрины, нередко несовместимые друг с другом. К логике относят и теорию, изложенную Аристотелем в «Аналитиках», и мысли, высказанные Бэконом в «Новом органоне», и декартовские правила для руководства ума, и кантовскую трансцендентальную логику, и гегелевскую диалектику, и различные версии так называемой «содержательной логики», противопоставляемые формальной логике и не имеющие ясного содержания, и многие иные теории.

Выражение «логика оценок» («логика добра», «формальная теория ценностей», «формальная аксиология»), введенное гораздо позднее слова «логика», только немногим менее многозначно. На формальный анализ ценностей претендует и этика Канта, и формальные аксиологии Э. Гуссерля и Р. Гартмана, и концептуальное исследование ценностей Г. фон Райта, и системы, излагаемые в этой книге, и некоторые иные теории.

Под логикой, или *формальной логикой*, мы понимаем науку, основным содержанием которой является теория формального вывода. Обоснованность вывода определяется его формой, исследование формы или структуры мысли дает логике возможность отделить необоснованные выводы от обоснованных и систематизировать последние.

Под логикой оценок, или *формальной аксиологией*, мы понимаем раздел логики, занимающийся анализом выводов, посылок или заключениями которых являются оценки. Исследуя форму

этих выводов, логика оценок отделяет необоснованные выводы от обоснованных и систематизирует последние. Эта логика является, таким образом, приложением к рассуждениям, включающим оценки, идеи и методов, применяемых обычно в формальной логике.

Если быть формальным значит интересоваться формой, то категорический императив Канта не является формальным, так как он не имеет никакого отношения к структуре мысли. Попытка Канта построить завершённую теорию ценностей на чисто формальном фундаменте не соприкасается непосредственно с тем, что мы понимаем под логической теорией оценочного рассуждения. Сходным образом обстоит дело с формальными аксиологиями Гуссерля и Гартмана, с концептуальным анализом «добра» и «зла» фон Райта и с работами ряда современных метаэтиков¹.

Построение логики оценок является предметом большого философского и методологического интереса. Знание законов, которым подчиняется моральное, правовое и иное рассуждение, содержащее оценки, сделает более ясными представления об объектах и методах наук, подобных теориям морали и права, окажет значительную помощь в их систематизации. Оно даст также возможность более конкретно и плодотворно бороться с распространёнными в современной буржуазной философии утверждениями об алогичности или иррациональности оценочного рассуждения, с концепциями, отстаивающими невозможность убедительного обоснования морали и права².

Логическая теория оценок должна включать логику сравнительных оценок и логику абсолютных оценок. В настоящее время первая из них представляет собой совокупность существенно различных систем. Отношения между ними не исследовались сколь-нибудь полно. Сами системы строились без достаточного внима-

¹ Это не говорит, конечно, о том, что работы авторов, занимавшихся содержательным анализом ценностей, не представляют интереса с точки зрения построения логики оценок. Не являясь формальнологическими и не будучи прямо связаны с этим разделом логики, они содержат, как мы покажем на примере работ Гуссерля и фон Райта, большое число разрозненных замечаний, касающихся логического поведения оценочных понятий. С другой стороны, логическое исследование этих понятий зависит от глубины предварительного неформального их изучения. Последнее должно представить достаточно ясную картину той области, которую намереваются формализовать. Содержательное исследование ценностей не безразлично поэтому для логической теории оценок.

² Интересно отметить, что мнение о невозможности строгого обоснования этики и противопоставление ее естественным наукам, допускающим такое обоснование, противоречит многовековой философской традиции. Еще не так давно, а именно в конце XVII века, столь же распространённым было скорее противоположное убеждение. Наиболее яркое выражение оно нашло в философии Спинозы, предпринявшего грандиозную попытку построить этику по образцу геометрии. Современник Спинозы Джон Локк никогда не сомневался в возможности научной этики, столь же очевидной и точной, как и математика. Отстаивая реальность строгой и точной этики, Спиноза и Локк поддерживали и продолжали философскую традицию, у истоков которой стоят Сократ и Платон.

6
гия к интерпретации их исходных символов и к сложным общим проблемам логики оценок. Логика сравнительных оценок фрагментарна, почти все ее основные положения являются предметом серьезных разногласий. Можно тем не менее сказать, что эта логика существует и успешно развивается³.

Иначе обстоит дело с логикой абсолютных оценок. Она не подвергалась пока специальному исследованию и для многих логиков и этиков не очевидна сама возможность ее существования.

Основной задачей настоящей книги является обсуждение общих проблем логики оценочного рассуждения и построение логической теории абсолютных оценок.

Автор благодарен своему учителю профессору А. А. Зиновьеву, влияние которого сказалось на всех разделах этой книги.

³ Из многочисленных работ, прямо или косвенно относящихся к логике сравнительных оценок, следует упомянуть работы [30], [31], [50], [51], [76], [77], [84], [108], [111], [124], [178], [198].

1. Логика оценок, основания которой будут обсуждаться в этой книге, является совсем юной ветвью формальной логики.

Теория ценностей — предмет оживленных философских споров. Отсутствие согласия в решении основных ее проблем конечно же не способствовало исследованию формальнологических свойств утверждений о ценностях. Другой причиной, препятствовавшей этому исследованию, являлась широкая распространенность мнения, что суждения о ценностях «алогичны» по своей природе и не могут успешно трактоваться с помощью научного метода и, в частности, метода формальной логики¹. Если учесть к тому же, что математическая логика долгое время не находила признания в определенных философских средах, причем именно в тех средах, которые наиболее интенсивно занимались теорией ценностей, то станет отчасти понятно, почему формальнологическую теорию оценок можно без преувеличения назвать зарождающимся разделом формальной логики.

Имеется еще одна причина, объясняющая, почему в отличие от логики норм, столкнувшейся в своем развитии со сходными трудностями, логика оценок стала исследоваться только в последнее время. Эта причина состоит в кажущейся простоте формальных свойств таких оценочных понятий, как «лучше», «хуже», «рав-

¹ Л. Витгенштейн говорил, например, в своей «Лекции по этике»: «Когда я задумываюсь над тем, чем действительно являлась бы этика, если бы существовала такая наука, результат кажется мне совершенно очевидным. Мне кажется несомненным, что она не была бы тем, о чем мы могли бы подумать или высказаться... Единственное, что мы можем, — это выразить свои чувства с помощью метафоры: если бы кто-то смог написать книгу по этике, которая на самом деле была бы книгой по этике, эта книга, взорвавшись, разрушила бы все иные книги мира. Наши слова, как они используются нами в науке, являются исключительно сосудами, способными вместить и перенести значение и смысл, естественные значение и смысл. Этика, если она вообще чем-то является, сверхъестественна, наши же слова выражают только факты» [193, стр. 7]. Мнение, что методы формальной логики не применимы для исследования рассуждений, включающих оценки и нормы, и в частности, для исследования моральных рассуждений, отстаивалось в 30-е и 40-е годы В. Дубиславом [57], А. Айером [38, гл. 6], Р. Карнапом [44, стр. 24 и др.], Ч. Стивенсоном [173, гл. 7], [174, essay I и др.], Р. Рэнд [145], А. Россом [151] и др. Критический анализ выдвигавшихся ими аргументов содержится в [4], [5], [9], [10].

ноценно». Принято считать, что «лучше», подобно «больше», асимметрично и транзитивно и что «лучше» и «хуже», подобно «больше» и «меньше», являются конверсиями друг друга. Этими свойствами, как кажется на первый взгляд, исчерпываются формальные свойства указанных оценочных понятий, и то, что можно было бы назвать «логикой оценок», оказывается тривиальностью.

Еще одна заслуживающая упоминания причина сравнительно позднего возникновения и медленного развития логики оценок состоит в распространенности опять-таки ошибочного мнения, что не существует никакой логики оценок, которая чем-либо отличалась бы от обычной логики. Слова «лучше», «хуже», «хорошо», «плохо», «добро», «зло», «безразличное», «равноценное» и т. п. не относятся якобы к логической форме высказываний, не оказывают в силу этого влияния на поведение этих высказываний в выводах и не являются, следовательно, объектом исследования формальной логики.

Мы не будем останавливаться специально на разборе каждой из упомянутых причин. Последующее обсуждение проблем логики оценок явится одновременно и ответом на эти возражения. Отметим лишь, что отсутствие согласия в решении основных проблем теории ценностей не является непреодолимым препятствием на пути исследования логических свойств утверждений о ценностях. С другой стороны, даже скромный прогресс формальной теории оценок дает возможность приблизиться к решению этих проблем.

2. Логика оценок является продуктом развития формальной логики за последние десять—пятнадцать лет. Разрозненные замечания о логических свойствах оценочных предикатов встречались и ранее, но более или менее систематическое обсуждение данной темы в рамках формальной логики началось в совсем недавнее время.

Понятие предпочтения («*A* предпочитается *B*» или «*A* лучше *B*») играет важную роль в экономической науке.

В работах экономистов содержится много интересных идей, касающихся логических характеристик предпочтений. Предпочтения рассматриваются здесь, однако, в отрыве от оценок иных видов, оценочные понятия обсуждаются только в контексте проблем, не имеющих прямого отношения к логике оценок, и в тесной связи с иными понятиями (такими, как «полезность», «вероятность», «риск» и т. п.). Экономистами не исследуются также предпочтения между сложными состояниями (такими, как «состояние *A* и *B* предпочитается состоянию *C* или *D*», «отсутствие состояния *A* предпочитается его наличию» и т. п.); в их работах не затрагиваются вопросы, связанные с построением теории структуры оценок, с выявлением формальных связей между оценками разных видов, не обсуждаются общие проблемы логической теории оценок (такие, как проблема истинности оценок, проблема обоснованности оценочного вывода и т. п.).

3. Абсолютные оценки, выражаемые обычно с помощью терминов «хорошее», «плохое», «безразличное», «добро», «зло» и т. п., изучались в рамках этики и метаэтики. Задачей последней считается концептуальное исследование основных этических понятий, исследование значений данных понятий и связей этих значений. Нельзя, однако, сказать, что современная метаэтика достигла значительных успехов в решении этой задачи.

Метаэтика обычно неявно основывается на предположении о наличии у «добра», «зла» и «долга» особого морального смысла, являющегося собственным объектом ее исследования. «Моральные понятия» отрываются ею от соответствующих понятий из других областей. Сфера концептуального исследования всяких оценок и всякого долга оказывается резко суженной, при этом связи так называемых моральных оценок и норм с оценками и нормами других видов или искажаются, или вообще игнорируются.

Современная метаэтика отягощена также целым рядом предположений, неприемлемых с точки зрения чисто концептуального исследования языка морали. В частности, многие ее представители считают метаэтику особым направлением в этике, противопоставляя ее как описательной, так и нормативной этике. Нередко сверх того утверждается, что изучение значений основных моральных понятий исчерпывает область философии морали. Источником этих мнений не может быть само концептуальное исследование. Расширительное истолкование задач метаэтики связано с тем, что она не ограничивается анализом значений и включает большое число суждений, основанных не на этом анализе, а на представлениях о природе морали и ее связях с иными социальными явлениями.

Большинство работ по метаэтике написано английскими аналитиками, придерживающимися своеобразных представлений о задачах и методах формальной логики.

Согласно обычному пониманию задачи формальнологического анализа языка научной теории состоят в уточнении значений терминов данной теории с помощью определений, в выявлении дедуктивных связей ее утверждений (с восстановлением, если это необходимо, неявных посылок и сведением всех предложений к схемам, предлагаемым формальной логикой), в построении, если это оказывается возможным, формализованной версии исходной теории. Иными словами, эти задачи заключаются в логической реконструкции научной теории, улучшающей ее язык, заменяющей неясный по своей структуре и значениям естественный язык более совершенным в логическом отношении формализованным языком.

Согласно позднему Витгенштейну и его последователям, существующие методы формальной логики применимы лишь к искусственным языкам, имеющим ясные синтаксические и семантические правила, но непригодны в случае естественных языков с их аморфными правилами построения и придания значений выражениям. В соответствии с этим целью логического анализа считается не

логическое усовершенствование языка, а исследование действительных способов его функционирования, не логическая реконструкция, а наиболее полное описание свойств различных выражений, проявляемых ими в самых разнообразных контекстах. Скрупулезное описание множеств фактических значений таких оборотов, как «знает, что», «полагает, что», «должно быть так, что», «существует», «истинно» и т. п., противопоставляется при этом всяким попыткам систематизации логических характеристик этих оборотов².

Представления о задачах и методах логики, отстаиваемые сторонниками лингвистической философии, тесно связаны с одной из основных идей этой философии, а именно с идеей, что философские проблемы обычно возникают из-за путаницы в употреблении слов, из-за отступлений от их обычных значений и должны разрешаться путем указания правильного их употребления.

Иногда одно из достижений лингвистической философии видят в том, что она дала логический анализ языка морали, позволивший по-новому взглянуть на ряд этических проблем. Так, М. Корнфорт пишет, что эта философия связала воедино вопросы логики и этики «способом, который я считаю плодотворным, показав, что выяснение вопросов логики может пролить свет на вопросы этики» [16, стр. 11].

Однако без выяснения того, что именно лингвистические философы понимают под «логикой», невозможно правильно оценить их вклад в исследование языка морали. Он состоит отнюдь не в выявлении формальнологической структуры морального рассуждения, не в реконструкции этого рассуждения с помощью средств логики, а в описании тех множеств значений (употреблений, функций), которыми обладают такие предикаты, как «должен», «имеет право», «разрешено», «не должен» и т. п., в различных фактически встречающихся контекстах. Описание этих значений является «логикой» в смысле лингвистической философии, но не в обычном смысле слова «логика». Собственно формальнологический анализ морального рассуждения стоит вне поля зрения этой философии. Результаты, даваемые ею, являются чаще всего только сырым материалом для такого анализа.

Характерный для современных метаэтиков отказ от концептуального исследования значений с помощью метода формализованных языков определенно препятствует повышению ценности результатов метаэтики. Смещение концептуального исследования с иными применимыми в области морали методами анализа заставляет многих философов настороженно относиться к самому концептуальному исследованию и не способствует популярности его результатов. Современная метаэтика нуждается, таким образом, в очищении от изродных предположений и идей, в усилении

² Более подробно различие между двумя указанными концепциями формальной логики обсуждается Я. Котарбиньской в [101].

используемых ею методов анализа и в расширении сферы их приложения.

4. Логика оценок является теорией форм и формальных связей оценок. Для проведения различия между оценками и тем, что ими не является, нередко используется «противоположность» «описывать — оценивать». *Дескриптивное*, или *описывающее*, рассуждение (называемое также «информативным», «фактическим», «познавательным», «индикативным» и т. п.) противопоставляется при этом *оценочному* рассуждению. Иногда противопоставление принимает форму деления предложений с точки зрения того, что они выражают, или с точки зрения основной их функции, на *теоретические* (дескриптивные, индикативные, декларативные, асерторические и т. п.) предложения и *оценочные* (аксиологические). *Теоретические* — это предложения, говорящие о действительности, указывающие, какой она является и какой не является, дающие ее описание. *Оценочные* — это предложения, говорящие о том, что человек считает ценным, что он считает плохим и что безразличным, предложения, выражающие убеждения людей о том, что есть добро и что есть зло.

Используя это противопоставление, можно с удовлетворительной для многих целей точностью обрисовать границы слова «оценка». Например, законы природы являются дескриптивными. Они описывают регулярности, которые человек открывает в природе, и именно поэтому не являются оценками. Моральные суждения, такие, как «блаженны плачущие, ибо они утешатся» и «всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем», являются оценочными. Они не описывают существующее, но говорят о том, что должно или не должно быть, одобряют одно поведение и порицают другое.

Противопоставление описательной и оценочной функций языковых выражений не решает, однако, полностью проблему отличия оценок от того, что не является ими. Прежде всего «описательный» и «оценочный» — слова с недостаточно ясными значениями. Они должны быть уточнены для того, чтобы быть полезными. Описание и оценка не являются, далее, единственными возможными функциями языка. С его помощью можно не только указывать, что имеет место, хвалить или порицать, но и предписывать, определять поведение людей. Прескриптивная функция языка не может быть отождествлена ни с его описательной, ни с его оценочной функцией.

Использование языка для целей описания, оценки и предписания не исчерпывает всех возможных употреблений языковых выражений. Проведение различия между указанными тремя функциями осложняется, кроме того, тем, что они не являются жестко закрепленными за отдельными выражениями языка.

Процесс коммуникации с помощью (звукового) языка включает помимо языкового выражения три элемента: говорящего, слушателя и предмет, о котором идет речь. В зависимости от отноше-

ния, в котором находится языковое выражение к указанным трем элементам, можно выделить три основных употребления языка: информативное, экспрессивное и эвкативное. В случае первого язык используется для формулировки истинных или ложных суждений; при втором — для выражения состояний сознания говорящего; при третьем — для оказания влияния на слушателя, для возбуждения у него определенных мыслей, оценок, стремлений к некоторым действиям. Каждое языковое выражение выполняет одновременно информативную, экспрессивную и эвкативную функции. Различие между указанными тремя его употреблениями определяется тем, какая из данных функций является доминирующей. Так, основная функция команды (являющейся типичным примером эвкативного употребления языка) — вызвать действие слушателя, но команда предоставляет также сведения о предписываемой деятельности и выражает желание или волю говорящего, чтобы эта деятельность была выполнена данным слушателем. Фактическое утверждение непосредственно информирует о положении дел в действительности, а косвенно выражает переживание говорящим его опыта и вызывает определенные мысли и чувства у слушающего. Восклицание (являющееся типичным примером экспрессивного употребления языка) непосредственно выражает эмоции говорящего, а косвенно оказывает влияние на слушающего и дает ему информацию о состоянии сознания говорящего.

Многофункциональность языковых выражений во многих случаях имеет такой характер, что невозможно решить, какая из нескольких функций некоторого языкового выражения является главной, и невозможно в соответствии с этим определить, имеем ли мы дело с описательным, оценочным, прескриптивным или каким-либо иным употреблением языка.

5. Оценки принято считать высказываниями о ценностях. Под ценностью при этом понимается всякий предмет любого интереса, желания, стремления и т. п.

Слово «ценность» иногда употребляется в том же смысле, что и термины «положительная ценность» или «добро». Выражение «данный предмет является ценностью» означает в этом случае, что указанный предмет является добром некоторого вида, объектом положительного интереса, желания или стремления. Такое употребление характерно для обычного языка. Иногда же термину «ценность» придается более широкий смысл, чем термину «добро». В этом случае проводится различие между позитивными (положительными) и негативными (отрицательными) ценностями. Первые совпадают с добром, вторые — со злом, первые являются предметом положительного интереса, желания и т. п., вторые — отрицательного. Это употребление характерно для работ по этике и теории ценностей³.

³ См., например, [3], [14], [22]. В [23] высказывается мнение, что «отрицательные ценности» невозможны: «Следует четко различать ценность и оценку. Ценностью может быть как явление внешнего мира (предмет, вещь, вещество,

Мы будем употреблять термин «ценность» таким образом, что он будет охватывать не только положительные и отрицательные ценности, но и нулевые. Такое расширение смысла этого термина полезно во многих отношениях и аналогично употреблению слова «действие» в качестве общего имени не только для собственно действия, но и для воздержания, слова «изменение» как общего имени для собственно изменения (исчезновения или наступления чего-либо) и для сохранения и т. п. Выражение или приписывание ценности (оценивание) является установлением определенного отношения между субъектом или субъектами оценки и ее предметом. Очевидно, что это ценностное отношение имеет место как в том случае, когда предмет оказывается объектом положительного или отрицательного интереса субъекта, так и в том, когда данный предмет исключается субъектом из сферы своих интересов, когда ему приписывается субъектом нулевая ценность.

6. Логика оценок является ветвью современной модальной логики.

Слова «модус» и «модальность» иногда используются для обозначения только понятий «необходимо», «возможно», «невозможно» и т. п. В других случаях первым двум понятиям придается более широкий смысл. К модальным относятся при этом также такие понятия, как «знает», «полагает», «доказуемо», «обязательно» и т. п. В современной логике наметилась устойчивая тенденция понимать под модальной логикой не только логическую теорию необходимости, возможности и т. п., но включать в число модальных систем также логические теории эпистемических, деонтических, временных и даже экзистенциальных понятий⁴. Логика необходи-

событие, поступок), так и факт мысли (идея, образ, научная концепция). Ценность есть то, что мы оцениваем, предмет оценки. Оценка же есть умственный акт, являющийся результатом нашего оценочного отношения к этому предмету. Найдя предмет (или его свойство) полезным, приятным, добрым, красивым и т. п., я совершаю оценку. Оценка, следовательно, зависит от свойств оцениваемого предмета. В отличие от ценности, которая, как сказано, имеет только положительный знак (не может быть «отрицательных ценностей»), оценка может быть как положительной, так и отрицательной. Я могу найти этот предмет (или его свойство) не полезным, а вредным, осудить этот поступок как плохой, безнравственный, осудить этот роман как пустой, бессодержательный, пошлый и т. п. Все такие суждения суть оценки. Мнения некоторых товарищей о существовании «отрицательных ценностей» связаны или с поклоном математической терминологии («отрицательные числа»), либо со смешением ценности с оценкой» [23, стр. 13]. Автор этого отрывка определяет ценность как то, что мы оцениваем, как предмет оценки, и вместе с тем утверждает, что ценности могут быть только положительными, а оценки как положительными, так и отрицательными. Очевидно, что эти два утверждения несовместимы друг с другом. Можно, конечно, договориться употреблять слово «ценность» только для обозначения положительно ценного, но такая терминологическая конвенция не даст никаких особых преимуществ. С другой стороны, употребление термина «ценность» для обозначения как положительно, так и отрицательно ценного, являясь более удобным, не предвещает, разумеется, никаких проблем теории ценностей и не основывается на смешении ценностей и оценок.

⁴ См. об этом [143, стр. 215—217]. Экзистенциальные понятия включаются в число модальных Г. фон Райтом [195].

мости, возможности и т. п. рассматривается при этом как один из разделов модальной логики; она называется «алетической модальной логикой», а ее исходные понятия — «алетическими модальностями».

Это более широкое употребление терминов «модус» и «модальность» хорошо согласуется с традицией.

Так, Петр Испанец использует слово «модус» в широком смысле для обозначения любого вида квалификации способа связи между субъектом и предикатом, независимо от того, достигается она с помощью наречия или же с помощью прилагательного. Взятое в более узком смысле, это слово обозначает у него квалификацию посредством наречия; в наиболее узком — квалификацию, достигаемую с помощью слов «необходимо», «возможно» и т. п. К «модальным» им относятся, в частности, временные различия, выражаемые словами «было», «есть» и «будет», и различия между императивными и индикативными предложениями⁵.

Логик XVIII в. Исаак Уоттс после обсуждения необходимого, невозможного, случайного говорит: «Следует заметить, что эта четверка модальных понятий является перечислением только естественных модусов или способов, какими предикат может быть связан с субъектом. Мы можем описать также некоторые моральные и гражданские модусы связи двух идей, а именно законность и незаконность, выгодность и невыгодность и т. д., следовательно, мы можем образовывать такие модальные суждения, как: «незаконно для любого человека убивать невинного», «законо христианам есть мясо в великий пост», «невыгодно говорить все, что думаем», «быть приветливым в отношении ближних очень выгодно для человека» и т. д. Имеются различные другие модусы речи, посредством которых предикат связывается с субъектом, такие, как: «определенно», «сомнительно», «доказуемо», «недоказуемо», «согласуется», «является самим собою разумеющимся», «сказано древними», «написано» и т. д., все из которых будут образовывать другие виды модальных суждений» [188, стр. 162—163].

Согласно этим характеристикам модальностей не только логика норм, но и логика оценок относится к модальной логике⁶.

А. Прайор приводит в [143, стр. 217 и далее] в качестве примеров «модусов», предложенных в недавнее время разными авторами, моральные модусы, теологические модусы («это есть *de fide*», «является еретическим, что»), эпистемические и экзистенциальные модусы; он отмечает также предложения включить в число модальных операторов «написано, что», «предполагается, что», «древние утверждали, что» и т. п. Прайор полагает, что предметом особого внимания логиков должна быть прежде всего общая

⁵ См. об этом [143, стр. 215].

⁶ Следует отметить, что сам Уоттс включает модальные характеристики в предикат и рассматривает модальные суждения как чистые (ассерторические) суждения сложной природы. С этой точки зрения нет большой нужды в выделении различных видов модальностей (см. [188, стр. 163]).

модальная форма «это есть Φ , что p » сама по себе (как особая пропозициональная форма) и формы, родственные ей. Надо, далее, исследовать ограниченный круг специфических терминов, которые могут быть подставлены вместо « Φ » (например, «необходимо», «возможно»). И нужно, наконец, классифицировать операторы формы «это есть Φ , что» по наличию или отсутствию у них определенных логических свойств, подобных транзитивности, симметричности и т. д., и анализировать логические следствия такого наличия или отсутствия. Он утверждает, что изучение Г. фон Райтом деонтических и эпистемических модусов, а также исследование И. Томасом и И. Бохенским теологических модусов может рассматриваться как исследование логических следствий такого рода, разрабатываемое применительно к определенным специфическим ислогоическим операторам. Сходным образом можно было бы представить исследование транзитивности под видом «логики» отношения последовательности поколений (см. [143, стр. 220]).

Это понимание задач, стоящих перед модальной логикой, нуждается в следующем важном уточнении. Вопрос о том, какие именно частные случаи общей пропозициональной формы «это есть Φ , что p » должны исследоваться, не является чисто логическим. Это вопрос приложения логики.

Формальная логика является одним из типов концептуального исследования. Предметом такого исследования служат значения определенных слов и выражений, а не сами вещи и состояния, о которых мы говорим, когда используем эти слова и выражения. Свообразие концептуального исследования, применяемого в логике, определяется используемым ею методом формализованных языков. Именно этот метод отличает формальнологическое концептуальное исследование от типов концептуального исследования, используемых, например, в этике или в философии.

Результаты логического исследования зависят не только от применяемого метода, но и от того, к каким объектам, т. е. к каким словам и выражениям, он прилагается. В случае, если предметом такого исследования являются значения слов «необходимо», «возможно» и т. п., о его результате говорят как об алетической модальной логике; если таким предметом являются значения выражений «знает, что», «оспаривается, что» и т. п., то речь идет об эпистемической логике, и т. д.

Выбор объекта логического исследования не является совершенно произвольным. Он определяется прежде всего той отраслью знания, для выявления логической структуры которой применяется метод формальной логики. Применение этого метода для анализа рассуждений, включающих оценки, вводит в круг специфических терминов (которые могут быть подставлены вместо « Φ » в форму «это есть Φ , что p ») такие понятия, как «добро» («хорошо»), «зло» («плохо») и т. п. О результате этого исследования можно говорить как о «логике оценок», саму эту логику относить к мо-

дальной логике, а указанные понятия именовать оценочными или аксиологическими модальностями. Об этих понятиях можно сказать, используя выражение Петра Испанца, что они квалифицируют способ связи субъекта и предиката.

Мы не будем останавливаться на связях аксиологических модальных понятий с модальными понятиями иных видов. Отметим лишь, что наиболее существенное различие аксиологических и алетических модальностей состоит в том, что первые не имеют логической связи с соответствующими им фактическими утверждениями (с истиной или ложью)⁷. В этом аспекте аксиологические понятия отличаются также от эпистемических и экзистенциальных.

Если высказывание истинно, то оно возможно и не является фальсифицируемым; если свойство принадлежит вещи, то это свойство существует. Но из истинности некоторого высказывания не следует, что описываемая этим высказыванием ситуация является добром или что противоположная ей ситуация не является добром. Из истинности высказывания не следует также ни то, что описываемая им ситуация является злом, ни то, что ситуация, противоположная ей, может быть злом. И, наконец, истинность высказывания не влечет безразличия описываемой этим высказыванием ситуации и не влечет отрицания безразличия противоположной ситуации.

Если высказывание необходимо, то оно истинно, т. е. описываемая им ситуация имеет место. Но из того, что нечто есть добро, не следует, что оно существует, и из того, что что-то является злом, не вытекает еще, что оно не существует. Иными словами, знание фактически существующих вещей не позволяет перейти логически к знанию аксиологических статусов каждой из этих вещей; знание аксиологических статусов тех или иных вещей не позволяет логически перейти к знанию о том, существуют эти вещи или нет.

7. Логика оценок является разделом логической теории практического рассуждения.

Идея о том, что наряду с теоретическим рассуждением имеется также практическое рассуждение, принадлежит Аристотелю. Он понимал под последним рассуждение, ведущее к действию и предоставляющее разумные основания для него⁸.

Аристотель проводил также различие между теоретическим и практическим силлогизмами и утверждал, что если в случае теоретического рассуждения соединение двух посылок принуждает ум утверждать заключение, то принятие двух практических посылок ведет нас к действию. Практические посылки выступают в рассуждении в двух видах: добра и возможного, т. е. в этих посылках устанавливаются наши нужды, желания, обязанности, ценности, с одной стороны, и возможности, открытые для нас фактической ситуацией, с другой. Заключение практического силлогизма является действием.

Аристотель был, таким образом, осведомлен об особом характере практического рассуждения. Однако его трактовка практического разума, практичности, их отношения к теоретическому разуму и рассудительности не была достаточно ясной. Приводимые им примеры «умозаключений, содержащих в себе принцип действий», весьма редки и не подвергаются детальной разработке. Незрелость аристотелевской теории практического силлогизма является одним из факторов, объясняющих тенденцию последующих логиков игнорировать или неправильно интерпретировать эту теорию.

Интерес к логической теории практического рассуждения возродился совсем недавно. Очевидно, что формальная логика может быть использована не только для выяснения того, что имеет место, но и для указания того, что мы должны делать. В практическом умозаключении, так же как и в теоретическом, мы выводим заключение из посылок. Примеры обоснованных практических умозаключений:

Разрешено делать *p*.

Если делается *p*, то не должно остаться невыполненным *q*.

Следовательно, разрешено делать *q*.

Все преступники должны наказываться.

Этот человек преступник.

Следовательно, этот человек должен быть наказан.

Вы хотите *q*.

До тех пор, пока вы не сделаете *p*, вы не получите *q*.

Следовательно, вы должны сделать *p*.

В первом из этих примеров обе посылки и заключение являются нормами, во втором — фактическая и нормативная посылки дают нормативное заключение. Первая посылка третьего умозаключения есть утверждение о желании, вторая устанавливает причинную связь *p* и *q*, заключение является утверждением «практической необходимости». Последнее умозаключение может быть проведено также в первом лице («я хочу *q*; если я не сделаю *p*, то я не получу *q*; следовательно, я должен сделать *p*»). В этом случае желание и определенная каузальная связь налагают на умозаключающего практическую необходимость действовать определенным образом. Термин «практический силлогизм» иногда употребляется таким образом, что он покрывает все приведенные в качестве примеров формы вывода, иногда же «практическими силлогизмами»

⁷ Последнее утверждение должно отличаться от «принципа Юма». Данным принципом отрицается возможность выведения суждения долженствования из любых фактических суждений; вместе с тем он ничего не говорит о обоснованности перехода от суждений долженствования к фактическим суждениям. Принимаемое нами утверждение отказывает в обоснованности переходу от фактических суждений определенного вида (какого именно, будет ясно из дальнейшего) к аксиологическим суждениям; им отрицается также возможность обратного перехода.

⁸ В «Этике (к Никомаху)» «практичность» таким образом сопоставляется Аристотелем с «рассудительностью»: «...практичность приказывает; цель ее определить, что следует делать и чего не следует. Рассудительность только критикует» [1, стр. 117]. «Хорошим советчиком» здесь же называется тот, кто размышлением умеет найти лучшее из доступного осуществлению человека (стр. 113).

называются только умозаключения последнего из указанных видов (см. [199]).

Некоторые разделы логической теории практического рассуждения к настоящему времени сравнительно хорошо развиты или по меньшей мере привлекают внимание логиков. Другие же упоминаются только мимоходом и сколь-нибудь систематизированные их теории отсутствуют.

Нередко для того, чтобы подчеркнуть успехи, достигнутые формальной логикой за последние сто лет, ссылаются на высказывание Канта, согласно которому логика представляет собой нечто завершенное. Действительно, Кант ошибался, считая формальную логику наукой, в которой не следует надеяться на какие-либо фундаментальные открытия. Но если иметь в виду только логическую теорию практического рассуждения, то до совсем недавнего времени можно было бы вместе с Кантом утверждать, что в течение столетий она имела такой же вид, как и у ее основателя — Аристотеля. И в настоящее время единая логическая теория практического рассуждения все еще отсутствует, большинство ее фрагментов только сейчас начинает складываться.

В настоящей работе не будут рассматриваться все типы практического рассуждения. В центре нашего внимания будет оценочное рассуждение — рассуждение, среди посылок или заключений которого имеются оценки. Однако многие проблемы, обсуждаемые в логике оценок, являются общими для всякого типа практического рассуждения.

8. В заключение этой главы сделаем несколько замечаний о возможных приложениях логики оценок.

Логика оценок является результатом применения идей и методов современной формальной логики к моральному, правовому, экономическому, политическому и т. п. рассуждению. Хорошо известна роль, играемая формальной логикой в исследовании оснований математики. Естественно ожидать, что и в обосновании этики, теории права, экономики и других гуманитарных наук формальная логика будет играть со временем столь же важную роль⁹.

⁹ Философы и этики неоднократно подчеркивали возможность и целесообразность применения методов формальной логики для исследования моральных и иных ценностей. Э. Гуссерль: «Формальная логика может быть расширена таким образом, что будет включать *формальную аксиологию* и *метод*. Это будет означать возникновение формальной логики добра или ценностей. Каждая пропозициональная сфера имеет свои «синтаксические» категории, свои особые основные модальности, свои дедуктивные формы; она имеет, следовательно, свою собственную «формальную логику» или свое «аналитическое» [89, стр. 121]. А. Уайтхед: «...Когда в отдаленном будущем символическая логика будет расширена настолько, что будут исследоваться образцы, зависящие от связей, отличных от пространственных и количественных, когда это расширение будет достигнуто, я думаю, что символическая логика, т. е. символическое исследование образцов с использованием действительных переменных, станет основанием эстетики. И затем она перейдет к покорению этики и теологии» [191, стр. 186]. Ф. Фитч: «Единственным способом, каким человечество может развить этику и философию в степени, соизмеримой с созданием им атомной бомбы, является самое широкое использование символической логики для критики и исправления

Построение логической теории оценочного рассуждения позволяет распространить формальные критерии рациональности на область суждений о ценностях и показать ошибочность мнения, что рассуждения о ценностях выходят за рамки рациональных рассуждений и являются алогичными или иррациональными.

Многие виды оценок стоят вне категории истины. Построение логической теории оценок этих видов означает выход логики за пределы выражений, имеющих истинностное значение. Понимание логики как науки о приемах получения истинных следствий из истинных посылок должно в связи с этим уступить место некоторой более широкой концепции логики. Обсуждение логиками этих и целого ряда иных общих проблем логики оценок не может не привлекать внимания философов.

Формальная теория оценок является концептуальной схемой, которая может быть использована для постановки и решения вопросов о совокупностях оценок индивидов и групп. Она может использоваться экономистами, социологами и другими для предсказания поведения отдельных лиц и групп в определенных областях. Понятие предпочтения играет важную роль в экономической теории и теории решений. До недавних пор логические свойства предпочтений исследовались исключительно в рамках этих теорий; само это исследование сводилось, в сущности, к обсуждению только двух черт предпочтений — их асимметричности и транзитивности. Логика оценок дает развитую и обоснованную теорию предпочтений, которая может быть использована в качестве отправного пункта в обсуждении таких понятий, как «выбор», «полезность», «вероятность» и т. п.

Ясное представление о логических свойствах оценок может оказаться полезным при решении вопроса о месте и роли оценок в научном знании и вопроса о связях оценок и норм. Широко рас-

прошлых систем этики и философия и для построения новых и лучших систем. Пытаться ограничиться меньшим — это почти то же, что пытаться заниматься современной физикой, пользуясь только старой римской арифметикой, в которой нет даже нуля» [63, стр. 545]. А. Эвин: «Из трех недавних попыток постичь природу «добра»: интуитивного подхода Мура, семантического подхода оксфордских этиков и синтаксического подхода формальной логики, последний, как кажется, обещает не только раскрыть полное значение этого слова, но и выявить более полно смысл двух других подходов. Основанием этой силы формального метода является его более высокая абстрактность. Если естественная наука развивается с помощью все более и более высокой абстракции, то нет причин думать, что наука о морали не должна развиваться так же... Так как добро является не дескриптивным, а логическим свойством, оно не может быть схвачено чувствами. Пытаться уловить его с помощью натуралистических методов — это все равно, что пытаться наблюдать электрон. Нереальность или недескриптивность добра напоминает соотношение неопределенностей. Добро можно узреть только мысленным взглядом, только с помощью *Gedankenexperiment* в смысле Планка, интуиции в смысле Мура. Тем, что должно быть при этом схвачено, является *формальная структура добра*» [60, стр. 145].

Интересно отметить также предсказание Льва Толстого, что во второй половине XX в. этика будет перестроена на основе использования символизма и наступит эра этики (см. [67, стр. 254]).

пространено убеждение, что наука не должна содержать оценок, ибо она вправе говорить о том, что *есть*, но не о том, что *должно* быть, и не о том, чему *лучше* быть. Иногда высказывается более слабое утверждение, что ученый вправе делать оценки, но должен ясно отделять их от фактических утверждений¹⁰. Обсуждение обеих этих форм исключения оценок из языка науки определенно требует участия логики оценок.

Проблема связи оценок и норм особенно существенна для этики и теории права. Нередко утверждается, что всякая ценность содержит в себе обязанность или является в своей сущности обязанностью и что суждение о долге опирается как на свое основание на некоторое суждение о ценности. Отношение норм к оценкам иногда делается основанием деления норм¹¹.

Эти утверждения о связях оценок и норм не особенно ясны. Логика оценок не может, конечно, ответить на все вопросы, касающиеся взаимных отношений оценок и норм, но она должна внести ясность в проблему логических связей этих двух форм практического рассуждения.

Задачи логики оценок иногда трактуются очень расширительно. Полагается, в частности, что формальнологическое исследование оценок даст научную теорию ценностей¹², что это исследование совместно с логическим анализом норм исчерпывает проблематику научной теории морали¹³.

В действительности же логика, в том числе и ее раздел, занимающийся оценками, не подменяет ни философию, ни этику, точно так же, как она не делает излишней ни экономическую, ни социологическую, ни какую-либо иную теорию. Логика только предоставляет средства, позволяющие этим наукам с большей строгостью и убедительностью решать свои проблемы.

¹⁰ Постулат о допустимости в науках об обществе явных оценок был выдвинут Г. Мюрдалем. Он писал: «Для устранения пристрастности в общественных науках нельзя предложить ничего, кроме совета открыто признавать факт оценивания и вводить явно сформулированные оценки в качестве специфических и надлежащим образом уточненных оценочных посылок» [122, стр. 1043]. И в другом месте: «Мы можем сделать наше мышление строго рациональным, но только путем выявления оценок, а не с помощью уклонения от них» (там же, стр. 1064). Постулат Мюрдала характеризуется М. Оссовской как позиция, не зависящая от исхода спора о роли оценок в науке [130].

¹¹ См., например, [206, стр. 15 и далее]. Согласно Г. фон Райту, «о нормах можно сказать, что они логически предполагают оценки, но оценки могут существовать независимо от норм» [196, стр. 96].

¹² Эта идея высказывается Р. Гартманом [81], предпринявшим попытку построить формальную аксиологию, являющуюся для гуманитарных наук тем же, чем является математика для естественных наук.

¹³ В книге «Язык морали» Р. Хейр утверждает, например, что «этика является логическим исследованием языка морали» [79, стр. V]; в другой своей книге он пишет: «Функция философии морали — или во всяком случае надежда, с которой я занимаюсь ею, — состоит в том, чтобы помогать нам лучше размышлять о моральных проблемах, выявляя логическую структуру языка, в котором выражается это размышление» [80, стр. 1]. Несводимость философского исследования морали к ее логическому исследованию отстаивается в [4, гл. 3], [5], [11], [16].

1. Мы будем проводить различие между следующими четырьмя «компонентами» или «частями» оценок: *субъектом*, *предметом*, *характером* и *основанием*. Можно предположить, что эти «части» являются структурой, характерной для всех (выраженных в языке) оценок, и что, соответственно, всякое полное выражение оценки позволяет определить, какова каждая из четырех указанных ее частей.

Под субъектом (субъектами) некоторой оценки понимается лицо (или группа лиц), приписывающее ценность некоторому предмету путем выражения данной оценки.

Принято считать, что оценка всегда является чьей-то оценкой¹. Нет, например, домов, пригодных или хороших вообще, а есть только пригодные для кого-то, подходящие кому-то, одному человеку или многим, или может быть даже всем, или почти всем, людям, которые их оценивают (мы не будем обсуждать вопрос о том, сводимы ли оценки группы лиц к оценкам отдельных лиц, составляющих эту группу).

В символизме логики оценок обычно не указываются субъекты оценок. Это не означает, конечно, что исследуются «бес-субъектные» оценки, ибо субъекты всегда неявно подразумеваются и причем таким образом, что на всем протяжении рассуждения (формулы, вывода) фигурирует один и тот же оценивающий субъект.

Необходимость отнесения каждой оценки к субъекту или, как иногда еще называют эту операцию, релятивизации оценки, не должна рассматриваться как довод в пользу идеи относительности оценок или релятивизма в оценивании. Обычная формулировка релятивизма говорит, что являющееся хорошим для одного может не быть хорошим для другого, и поэтому следует всегда указывать, для кого именно нечто хорошо, т. е. релятивизировать оценку

¹ Например, З. Зембинский пишет: «...всякая оценка должна быть релятивизирована путем указания оценивающего лица. Без этого предложение «роза красива» является точно так же неполным, как и предложение «Ян выше»; ни первое, ни второе из этих предложений не будет ни истинным, ни ложным до тех пор, пока не укажем, что роза красива для Петра, а Ян выше Адама» [203, стр. 11].

путем указания лица, высказывающего ее. В более точной интерпретации концепция релятивности истинности оценок гласит: суждение субъекта *X*, согласно которому нечто является хорошим, и суждение субъекта *Y*, согласно которому это же является плохим, могут быть одновременно истинными². Очевидно, что она точно так же связана с наличием субъекта у каждой оценки, как и попытка показать относительность истины и лжи в их традиционном понимании с заявлением, что каждое утверждение является чьим-то утверждением.

2. Под предметами оценок мы понимаем, грубо говоря, те объекты, которым приписываются ценности, или объекты, ценности которых сопоставляются³. Иными словами, предмет оценки — это оцениваемый предмет. Это не является, конечно, определением, а есть лишь попытка пояснить, что именно имеется в виду.

Полезно воспользоваться в этой ситуации примерами. Предметом оценки «нож хорош» является нож, оценки «удовольствие есть добро» — удовольствие, оценки «здоровье лучше болезни» — здоровье и болезнь, оценки «лучше ехать поездом, чем автобусом» — способы достижения некоторого пункта, и т. п.

Значение примеров для прояснения сложной проблемы предмета оценки не должно переоцениваться. Чему именно приписывается положительная ценность в оценке, выраженной словами «это яблоко является хорошим»? Яблоко обладает многими свойствами и каждое из них может стать предметом оценки. Высказанная некоторым субъектом положительная оценка яблока может не находиться в конфликте с оценкой другого субъекта, согласно которой это же яблоко является плохим, в частности, именно в силу того, что, говоря о яблоке, они в действительности имеют в виду разные его свойства. Один и тот же субъект может с основанием назвать данное яблоко и хорошим и плохим одновременно, приписывая эти характеристики различным его свойствам. В этих случаях собственным предметом оценок является не само яблоко, а его отдельные свойства или совокупности свойств, что может, однако, не находить выражения в формулировках оценок.

Но допустим, что в оценке «это яблоко хорошее» яблоко оценивается со стороны его вкуса. Мыслимы два ответа на вопрос о том, чему именно приписывается в этом случае положительная ценность. С одной стороны, можно утверждать, что она приписывается самому яблоку или определенной совокупности его свойств, делающей это яблоко вкусным. Можно заявить, с другой стороны, что оценивается в данном случае в первую очередь вкус этого

² И. Лазари-Павловская говорит в [104] о множественности и разнообразии позиций, относимых обычно к релятивизму. Упомянутая нами перспектива релятивизма имсцается ею «аксиологическим релятивизмом» и противопоставляется социологическому, культурному, методологическому и другим типам релятивизма.

³ Это не означает, конечно, что оценки, приписывающие ценность, логически предполагаются оценками, сопоставляющими ценности различных объектов.

яблока, т. е. те ощущения, которые оно вызывает у нас, а уже затем само яблоко или его отдельные свойства. При этом более адекватной формулировкой исходной оценки была бы такая: «вкус этого яблока является хорошим», или «это яблоко имеет хороший вкус». И эта идея первичного и вторичного приписывания ценности и связанная с нею идея наличия двух предметов у одной и той же оценки не просто абстрактная возможность.

В «Разновидностях добра» фон Райт утверждает, например, что первичным предметом гедонистического оценочного утверждения (т. е. утверждения, в котором «хороший» означает примерно то же, что и «доставляющий удовольствие») являются именно ощущения, а предмет, вызывающий эти ощущения, как бы «соучаствует» в ценности этих ощущений. Фон Райт не утверждает, однако, что оценка «яблоко является хорошим», взятая в гедонистическом смысле, имеет два предмета: ощущения и яблоко, вызывающее их. Оценку этого типа он считает совокупностью двух оценок: первичной — ее предметом являются ощущения, и вторичной, предметом которой являются события или вещи физического мира. Вторая из этих оценок может быть проанализирована в терминах первой и некоторого утверждения о причинной связи по такому образцу: вторичная оценка «*A* является хорошим» имеет примерно то же самое значение, что и «*A* производит или имеет тенденцию производить хорошие (доставляющие удовольствие) ощущения такого-то вида» [197, стр. 66—67, 71—72].

Перейдем от так называемых гедонистических оценок к оценкам других типов. Что именно оценивается в случае оценки «*A* хорошо, так как оно позволяет достичь *B*»? По-видимому, не само по себе *A*, а *A* как средство достижения *B*. Но возможность достижения *B* с помощью *A* определяется каузальной связью между *A* и *B*. И если оценивается *только A* в качестве средства, то рассматриваемое утверждение не является оценкой в собственном смысле этого слова. Оно равносильно фактическому утверждению о наличии причинной связи между *A* и *B*. Очевидно, что с оценкой мы будем иметь дело только в том случае, если достижение *B* само является добром некоторого вида. *A* оценивается, таким образом, не просто как средство реализации *B*, а как средство реализации хорошего *B*. Оказывается в итоге, что в предложении «*A* хорошо как средство достижения *B*» речь идет прежде всего не об оценке *A* и не только об оценке *A*, а об оценке *B*, а *A* оказывается хорошим настолько, поскольку хорошо *B* и поскольку *A* позволяет его получить.

Сложнее обстоит дело с вопросом о предмете моральных оценок. Неясно прежде всего, являются ли все моральные оценки, как это утверждали некоторые философы морали, оценками вещей одного и того же вида или одной и той же категории. Являются ли эти оценки оценками только действий, или оценками исключительно решений, или же единственно оценками намерений? Или, быть может, в одном случае приписывается моральное добро или

зло действиям, в другом — намерениям, в третьем — характерам? Если верно, что все моральные оценки относятся к вещам одного и того же вида, то вещи какого именно вида выступают в качестве *собственных* предметов⁴ морального одобрения или порицания?

На роль предмета моральной оценки претендовали у разных авторов действия, мотивы, намерения, решения, чувства, характеры и, наконец, люди, переживающие определенные акты воли и совершающие определенные действия.

Остается несомненным, тем не менее, что каждая оценка имеет определенный предмет, хотя иногда бывает сложно его установить.

3. Все оценки могут быть разделены на две группы. В первую из них входят абсолютные оценки, в формулировках которых используются такие термины, как «хороший», «плохой», «добро», «зло», «безразличное». Во вторую — сравнительные оценки, выражаемые с помощью таких терминов, как «лучше», «хуже», «равноценно».

Характер абсолютной оценки определяется тем, квалифицирует ли она свой предмет как «хороший», или как «плохой», или же как «безразличный»⁵.

Характер сравнительной оценки зависит от того, устанавливает ли она превосходство в ценности одного предмета над другим, или она говорит о том, что один из сравниваемых предметов обладает меньшей ценностью, чем другой, или же она характеризует сопоставляемые предметы как равноценные⁶.

Как абсолютные, так и сравнительные оценочные понятия образуют триплеты:

хорошо — безразлично — плохо
лучше — равноценно — хуже.

Это справедливо и для случая эстетических оценок, которые приписывают своим предметам эстетические ценности и обычно формулируются с помощью таких терминов, как «прекрасно», «безобразно», «имеет большую эстетическую ценность» и т. п. Триплеты абсолютных и сравнительных эстетических оценочных понятий таковы:

прекрасное — безразличное — безобразное
более эстетически ценное — имеющее такую же эстетическую ценность — менее эстетически ценное.

⁴ О «собственных», или «подлинных», предметах этих оценок уместно говорить в этом случае потому, что обычные моральные оценки относятся к самым разнообразным вещам. И те, кто пожелал бы утверждать, что имеются подлинные объекты моральной похвалы и порицания и ими являются, например, действия, должны были бы указать способ «перевода» оценок, формулируемых в обычной жизни, на язык оценок действий.

⁵ Предметом абсолютной оценки может быть другая абсолютная или сравнительная оценка: «я нехорошо поступил, осудив это», «хорошо, что добро лучше зла» и т. п.

⁶ Предметами сравнительной оценки могут быть и некоторые оценки: «добро лучше зла», «предпочтительнее осудить данное действие, чем похвалить его» и т. п.

Можно предположить, что формальные свойства этих понятий не отличаются от соответствующих свойств таких понятий, как «хорошо», «плохо», «лучше», «хуже» и т. п.⁷

Слово «оценка» употребляется обычно для обозначения (выраженного в языке) установления ценностного отношения между субъектом и предметом. Под ценностью, или добром, принято понимать все, что является объектом желания, нужды, стремления, интереса и т. д.

Временные оценки и оценки величин не являются оценками в указанном смысле. Они не устанавливают ценностных отношений. Их можно назвать, однако, оценками в более широком смысле, в смысле сопоставления, сравнения нескольких предметов между собой в определенном отношении или сопоставления некоторого предмета с избранным образцом.

Временные оценки и оценки величин, подобно собственно оценкам, могут быть сравнительными и абсолютными. Оценочные понятия, используемые для выражения временных оценок и оценок величин, аналогично собственно оценочным понятиям, образуют системы из трех понятий:

было — есть — будет
раньше — одновременно — позже
большой — ни малый, ни большой — малый
больше — равно — меньше.

Формальные отношения между элементами этих систем понятий во многом сходны с отношениями между элементами таких триплетов, как «хорошо — безразлично — плохо» и «лучше — равноценно — хуже».

Оценочные понятия образуют также триплеты, составленные из двух абсолютных оценочных понятий и одного сравнительного:

хорошо — лучше — плохо
прекрасно — имеет большую эстетическую ценность — безобразно
большой — больше — малый
было — раньше — будет.

Формальные отношения между элементами этих триплетов во многом сходны.

⁷ Употребление в эстетических оценках особых оценочных терминов, не используемых в оценках иных типов, можно объяснить желанием обозначить область, в которой производится оценивание. Слово «прекрасно» означает «эстетически хорошо», или «хорошо в эстетическом смысле», или же, если область рассуждения подразумевается, просто «хорошо». Этот термин «хорошо» с точки зрения формальной логики ничем не отличается от слова «хорошо» в оценках других типов.

Предположение о полном или частичном совпадении формальных свойств «хорошего» и «прекрасного» не означает, конечно, что добро и красота тождественны и этика совпадает с эстетикой (см. [58], [193]).

«Лучше» и «хуже» являются конверсиями друг друга: сказать, что *A* лучше *B*, значит сказать, что *B* хуже *A*, и наоборот. Сходным образом определимы в терминах друг друга и такие оценочные понятия, как «больше» и «меньше», «раньше» и «позже». Отношение «иметь большую эстетическую ценность» является конверсией отношения «иметь меньшую эстетическую ценность».

В сравнительных эстетических оценках не используются (в русском языке) специальные слова, которые находились бы к терминам «прекрасное» и «безобразное» в таком же отношении, в каком «лучше» и «хуже» находятся к «хорошему» и «плохому». Такие оценки выражаются иногда с помощью оборотов «иметь большую эстетическую ценность», «быть менее эстетически ценным», «быть лучше», «быть хуже» и т. п. И чаще они формулируются с использованием таких оборотов, как «быть более прекрасным» и «быть более безобразным». Обозначаемые последними двумя оборотами отношения не являются, однако, конверсиями друг друга. Сказать, что *A* более прекрасно, чем *B*, не значит утверждать, что *B* более безобразно, чем *A*. Конверсией отношения «более прекрасный» является отношение «менее прекрасный», конверсией «более безобразного» является «менее безобразное».

Слова «лучше» и «хуже» иногда используются таким образом, что они не обозначают отношение и его конверсию. «Лучше» иногда означает то же самое, что и «более хорошо» или «хорошо в более высокой степени», а «хуже» — «более плохо» или «плохо в большей степени». В этом случае конверсией «лучше» («более хорошо») является «менее хорошо», конверсией «хуже» («более плохо») — «менее плохо». Особенностью такого употребления «лучше» и «хуже» является то, что нельзя говорить о двух хороших, но неравноценных вещах, что одна из них хуже другой, и о двух плохих и неравноценных вещах, что одна из них лучше другой. Плохие вещи могут быть только более плохими и менее плохими и, соответственно, хорошие вещи — только более хорошими и менее хорошими. И плохие, и хорошие вещи могут быть также равноценными. Но если «быть равноценными» в случае обычного употребления «лучше» и «хуже» означает «не быть ни лучше, ни хуже», то в случае рассматриваемого употребления равноценность означает или «быть таким же хорошим», или «быть в такой же степени плохим».

Логические отношения таких оценочных понятий, как «хорошо», «плохо», «лучше», «хуже», «безразлично», «более хорошо», «столь же плохо» и т. п. являются центральной проблемой логики оценок. Мы отметили, что «лучше» и «хуже» определимы в терминах друг друга. Можно ли определить сходным образом абсолютные оценочные понятия «хорошо» и «плохо»? И если они не определимы в терминах друг друга, то можно ли определить их, оставаясь в рамках триплета абсолютных оценочных понятий? Кажется обоснованным предположение, что всякая вещь является либо хорошей, либо плохой, либо безразличной. Каковы последствия

принятия такого определения «хорошего» в терминах «плохого», «безразличного» и логических связей: предмет является хорошим, если и только если он не является ни плохим, ни безразличным? Каковы логические связи между «безразличным» и «равноценным»? Эти и сходные с ними вопросы пока еще не нашли успешного решения.

4. Четвертым компонентом оценки является ее основание, т. е. то, с точки зрения чего производится оценивание⁸.

Например, основанием оценки «сочувствие является добром, так как оно способствует равенству людей» является убеждение субъекта, высказывающего эту оценку, в том, что сочувствие способствует равенству. Основанием оценки «это хороший генерал, так как он никогда не отступал» является уверенность субъекта оценки в том, что никогда не отступавший генерал обладает свойствами, которые делают генералов хорошими. В случае оценки «*X* лучше *Y*, потому что *X* выше ростом» основанием является суждение о превосходстве в росте.

Этот перечень примеров можно было бы продолжить. Но уже в настоящем виде он достаточно ясно показывает, что под основанием оценки мы понимаем ту позицию или те доводы, которые склоняют субъектов к одобрению, порицанию или выражению безразличия в связи с разными вещами. Он показывает, с другой стороны, неопределенность такого разъяснения понятия основания оценки.

Мы проводили различие между предметом оценки и тем объектом, которого она касается грамматически, но который тем не менее не является ее предметом, различие между собственным или действительным предметом оценки и кажущимся ее предметом. Сходное различие может быть проведено и в случае оснований оценок.

Основанием оценки сочувствия как добра мы назвали убеждение субъекта этой оценки в том, что сочувствие способствует

⁸ Гераклит утверждал, что одна и та же вещь может находиться в противоположных отношениях к различным иным вещам, и в частности, что одна и та же морская вода является полезной для рыб и вредной для человека. В этом его высказывании можно усмотреть зародыш идеи о наличии основания у всякой оценки.

Из современных авторов, включающих в число «компонентов» или «частей» оценок основания, отметим М. Оссовскую и Р. Мартина. По мысли Мартина, рациональное предпочтение является отношением, имеющим место в определенный момент времени между субъектом, двумя высказываниями и основанием [11]. Оссовская утверждение о наличии оснований у оценок распространяет на все оценки: «...каждая оценка является не только оценкой чего-то, но и оценкой, принимающей что-то во внимание» [128, стр. 195]. Ею анализируются также некоторые трудности, связанные с проведением различия между предметом оценки и ее основанием.

Можно было бы указать и другие случаи выделения оснований оценок. Общей чертой и общим недостатком имеющихся утверждений об основаниях оценок является то, что они делаются мимоходом, вне рамок общей теории структуры оценок, и различие между предметом оценки и ее основанием не придается при этом того значения, которое оно заслуживает.

равенству. Но можно было бы утверждать, что приведенная формулировка не является полной и что более адекватным выражением этой же оценки была бы такая формулировка: «сочувствие является добром, потому что оно способствует равенству, а равенство есть добро». Основанием в этом случае оказалось бы не просто убеждение в том, что сочувствие способствует равенству, а более сложное убеждение, включающее и оценку равенства как добра. Различие этих оснований существенно. Первое из них является фактическим суждением, второе — конъюнкцией фактического суждения с оценкой.

Сходным образом можно расширить и основание третьей из приведенных в качестве примера оценок: « X лучше Y , потому что X выше Y , а более высокий человек способен достичь больших успехов в баскетболе, являющихся объектом нашего интереса (добротом)».

Тенденция приведенных уточнений оснований оценок очевидна — основания расширяются до тех пор, пока не оказывается, что они включают некоторую новую оценку. Исходная оценка при этом становится вторичной или производной, ее предмет ценен уже лишь постольку, поскольку с его помощью может быть достигнута иная предмет, являющийся добром. Доводом за такое расширение основания оценки может быть ссылка на то, что, например, в оценке « X лучше Y , потому что X выше Y » часть « X лучше Y » означает то же самое, что и « X выше Y », если не указывается, почему превосходство в росте является одновременно превосходством в ценности. А выражение « X выше Y » — это не оценка в собственном смысле этого слова.

Действительно ли основанием оценки может быть только некоторая иная оценка (возможно в совокупности с некоторыми фактическими утверждениями)? Мы оставим этот вопрос без ответа до момента обсуждения разных типов оснований.

Другая трудность выявления оснований оценок связана с тем, что чаще всего эти основания не находят явного выражения. Мы говорим о хороших и плохих действиях, намерениях, мыслях, привычках и т. п., не указывая обычно ту позицию или те доводы, которые склоняют нас к выражению похвалы или порицания. Эллиптичность большинства оценок не должна, однако, рассматриваться как свидетельство отсутствия какого бы то ни было основания у большей части наших оценок.

Особое внимание должно быть обращено на трудности, связанные с проведением различия между предметом оценки и ее основанием⁹. То, с точки зрения чего производится оценка, перед-

⁹ На эти трудности не обращалось до сих пор почти никакого внимания. Это связано с тем, что само различие между предметом оценки и ее основанием не является обычным в работах, касающихся оценок. Принято считать, что полная формулировка оценки выглядит так: «во время t вещь A (вещь типа A) является положительно (или отрицательно) ценной для лица X » (см., например, [203, стр. 12]). При этом предполагается, по-видимому, что описание основания оценки входит в описание ее предмета.

ко претендует на роль того, что оценивается. Этому отчасти способствует неоднозначность оборота «то, с точки зрения чего оценивается», на которую обратила внимание М. Оссовская в [128, стр. 195—196]. Вопрос, с точки зрения чего мы порицаем поведение некоторого лица, может пониматься двояко: как вопрос о том, какие особенности этого поведения мы принимали во внимание, высказывая свое неодобрение, и как вопрос о том, с какими именно образцами или идеалами мы сопоставляем осуждаемое поведение. Эти два понимания не должны отождествляться. Не всегда мотивами, руководящими нашим оцениванием, являются те или иные знания о свойствах оцениваемого предмета. Принято говорить об оценках, продиктованных недоброжелательством, завистью, обидой и т. п., а эти психические состояния определенно характеризуют только позицию оценивающего, а не свойства оцениваемого объекта.

Что именно подвергается оценке, когда утверждается, что определенный поступок плох? Споры, имевшие место в связи с этим вопросом, являются, как кажется, хорошим примером того, насколько сложна проблема проведения различия между предметом оценки и ее основанием.

Плохой поступок является определенным действием, и можно предположить, что оценке подвергается само это действие. С другой стороны, можно привести доводы в пользу того, что, называя поступок плохим, мы не имеем в виду прежде всего конституирующее его действие. Такое же действие, но выполненное с иным намерением, может быть оценено уже положительно. Предметами оценок оказываются, таким образом, уже не действия, а намерения или намерения, взятые совместно с действиями.

Но можно аргументировать также, что оцениваются в самом деле не намерение, не действие и не намерение вместе с действием («намеренное действие»), а следствия этого действия. В самом деле, если человек руководствуется хорошими намерениями, но действие, выполняемое им, приносит, возможно, неожиданно для него, дурные следствия, то принято говорить, что этот человек сделал зло. Понятие непреднамеренного зла не содержит в себе ничего противоречивого. Но, с другой стороны, если человек выполнил определенное действие с дурными намерениями, и оно в силу стечения обстоятельств принесло хорошие следствия, то можно ли утверждать на этом основании, что он совершил хороший поступок?

Принимая во внимание все новые факторы, оказывающие влияние на характер оценок, можно все более расширительно истолковывать предмет оценки «такой-то поступок является плохим». Иногда предел этого расширения видят в намеревающемся, действующем, переживающем и т. д. человеку. В этом случае утверждается, что собственный предмет таких оценок, как «данный поступок является злом», есть человек, совершивший этот посту-

Вопросы философии

пок¹⁰. Трудно понять, почему следует остановиться именно здесь, а не взять человека в связи с определенными внешними обстоятельствами, оказывающими влияние на его поведение, и, в частности, если все взаимообусловлено, то во взаимосвязи со всей вселенной.

Решение проблемы состоит в том, что все перечисленные оценки, претендующие на уточнение исходной оценки некоторого поступка как плохого, являются в действительности разными оценками. Оценки, имеющие один и тот же предмет, но разные основания, не могут быть отождествлены.

Рассмотрим теперь проблему различения предмета оценки и ее основания на примере оценок другого типа. Обратимся с этой целью еще раз к анализу фон Райтом гедонистической оценки «это яблоко хорошее». По мысли фон Райта, предметом этой оценки является прежде всего вкус яблока, т. е. те ощущения, которые оно вызывает у нас. Само яблоко, способное вызвать эти ощущения, является хорошим уже во «вторичном», производном смысле.

Эту же оценку можно проанализировать и иначе. Ее предметом, и причем единственным предметом, является само яблоко (точнее было бы сказать определенная совокупность свойств этого яблока), а основанием — те ощущения, которые это яблоко вызывает у нас. Если оценка «это яблоко хорошее» понимается в гедонистическом смысле, то ее естественно развернуть, делая явным ее основание, таким образом: «это яблоко хорошее, потому что оно доставляет удовольствие таким-то и таким-то вкусом». Характеризуя этот вкус, мы можем назвать его «приятным», «сладким» и т. п. В частности, мы можем назвать его «хорошим». Именно этот последний случай и имеет в виду фон Райт в своем анализе. Он разлагает одну оценку на две: на оценку основания исходной оценки и оценку предмета исходной оценки. Причем то, что было исходной оценкой, становится у него оценкой, производной от

¹⁰ Мнение, что собственным предметом моральных оценок является человек, отстаивал Э. Вестермарк: «...моральные суждения касаются не самом деле действующих и переживающих определенные акты воли людей, а не действий и актов воли» [190, т. I, стр. 209]. Он ссылался при этом на некоторые наблюдения, касающиеся практики морального оценивания. Если не принять, что в моральных оценках речь идет о характеристике человека, то трудно объяснить, почему, высказывая моральную оценку, мы принимаем во внимание такие факторы, как намерения этого человека, состояние его сознания, интересуются, действовал ли он по принуждению или нет, и т. п. Встречающиеся иногда моральные оценки действий человека являются производными от генетически первичных оценок самого человека.

Сходного мнения придерживается и М. Оссовская: «При теперешнем уровне знаний о практике морального оценивания и при понимании предмета моральной оценки как того, что люди на самом деле имеют в виду, когда высказывают такую оценку, мы склонны присоединиться к тем, кто, говоря о моральных ценностях, видит в них личностные ценности, что на нашем языке означает поддержку мнения, согласно которому моральные оценки являются оценками людей. Намерения, наставления и т. п. мы склонны, как это уже отмечалось, считать не тем, что оценивается, а тем, с точки зрения чего производится оценивание» [128, стр. 201].

оценки основания. Основание какой-либо оценки само может стать предметом новой оценки. Но было бы неверным считать, что гедонистическая оценка, как ее определяет фон Райт, складывается из оценки своего основания и вторичной оценки своего предмета.

Основания оценок можно разделить на несколько типов. Допустимо также говорить о делении самих оценок в зависимости от типов их оснований.

Большая группа оценок имеет в качестве своего основания некоторое *чувство или ощущение*. Характерным примером оценки этого вида является оценка «я люблю это». Она обычно понимается как являющаяся выражением чистого чувства и всякая примесь «рассудочности» рассматривается в случае этой оценки как неискренность оценивающего. Другим примером может служить такая оценка, как «этот предмет хорош, так как он доставляет мне удовольствие». Оценки, являющиеся выражениями чувства симпатии, антипатии, склонности, безразличия и т. п., можно было бы назвать внутренними.

Нет оснований полагать, как это делали некоторые представители неопозитивизма, что все (моральные) оценки являются внутренними. Нет также оснований считать, как это делали сторонники гедонистической этики, что действительными или конечными основаниями всех (моральных) оценок являются удовольствие и страдание.

Основанием оценки может быть не только чувство, но и некоторый *образец, идеал, стандарт*. Обычно, когда мы говорим о некотором ноже, что он хорош, без всякой дальнейшей квалификации, мы оцениваем его именно с точки зрения некоторого стандарта, которому, как мы думаем, должен удовлетворять всякий нож, чтобы оцениваться положительно. «Хороший певец», «хороший генерал» и т. п. означают в случае таких оценок примерно то же, что и «такой певец, генерал и т. п., каким он должен быть». Слово «должен» используется здесь не в нормативном смысле. Оно указывает на существование определенных стандартов, касающихся певцов и генералов. Имеется, однако, у этого употребления слова «должен» и некоторый нормативный оттенок. Он состоит не в указании певцам и генералам, какими они должны быть, а в указании того, какими вещами следует руководствоваться при оценках певцов и генералов.

Основанием оценки может быть некоторая *иная оценка*. Некоторые из оценок этого типа принято называть внешними или утилитарными: рассматриваемому предмету приписывается положительная, отрицательная или нулевая ценность не самому по себе, а как средству достижения или устранения некоторых вещей, оцениваемых положительно или отрицательно.

Возможны и другие виды оснований оценок, но мы не будем здесь останавливаться на них. Обратимся теперь к классификации логических теорий оценок и к характеристике каждого из типов этих теорий.

5. Логика оценок складывается из двух разделов: логики абсолютных и логики сравнительных оценок. Операторами первой являются «хорошо» («добро»), «плохо» («зло») и «безразлично»; операторами второй — «лучше», «хуже» и «равноценно». Дальнейшие подразделения в рамках этих разделов определяются тем, какие именно возможные различия компонентов оценок явно принимаются во внимание при построении логики оценок.

Неразумно отвлекаться от различий в предметах оценок, так как в этом случае логика оценок теряет всякий интерес. Но можно отвлекаться от того, что разные оценки могут иметь разных субъектов и разные основания, т. е. рассматривать все оценки, входящие в рассуждение (формулу, вывод), как принадлежащие одному и тому же субъекту и имеющие одно и то же основание. Если субъект и основание идентичны на всем протяжении рассуждения, то явное указание этих компонентов оценок становится излишним, так как они не оказывают влияния на логические характеристики рассуждения. Операторы логики абсолютных оценок являются в этом случае одноаргументными, логики сравнительных оценок — двухаргументными; их аргументами являются имена или описания оцениваемых предметов (или высказывания, говорящие об оцениваемых вещах, состояниях и т. п.). Можно отвлекаться также только от различий субъектов оценок, принимая во внимание различия в основаниях этих оценок. Получаемые при этом логики абсолютных и сравнительных оценок окажутся обобщениями логических теорий, построенных исходя из предположения о тождественности оснований рассматриваемых оценок. Из утверждений первых теорий будут получаться утверждения вторых путем отождествления переменных, представляющих основания оценок. Сходным образом обстоит дело и в случае отвлечения от различий оснований оценок с одновременным предположением неидентичности их субъектов.

Символический аппарат наиболее общих и вместе с тем наименее абстрактных логик сравнительных и абсолютных оценок должен обладать средствами, позволяющими фиксировать различия во всех четырех компонентах оценок. В нем должны иметься операторы, соответствующие тройкам оценочных понятий, переменные для предметов оценок, переменные для субъектов оценок и переменные, представляющие основания оценок (предметы оценок и основания оценок могут представляться переменными одного и того же типа). Операторы наиболее общей логики абсолютных оценок являются, таким образом, трехаргументными; операторы наиболее общей логики сравнительных оценок — четырехаргументными. Из этих общих логических теорий могут быть получены менее общие теории путем отождествления переменных, представляющих субъекты оценок, или переменных, представляющих основания оценок, или тех и других переменных одновременно.

Логика оценок в том виде, в каком она существует сейчас, является совокупностью систем, в которых выявляются только ло-

гические связи сравнительных оценок. Логика абсолютных оценок пока не исследовалась сколько-нибудь систематически.

Во всех имеющихся логических теориях сравнительных оценок принимаются во внимание лишь различия между предметами оценок. Логические отношения сравнительных оценок с разными субъектами и разными основаниями также не были до настоящего времени объектом исследования. В существующих логиках сравнительных оценок предполагается, что все входящие в рассуждение оценки принадлежат одному и тому же неспецифицированному субъекту. При этом различия в основаниях оценок могут рассматриваться как различия предметов оценок¹¹.

6. Оценки изменяются не только от человека к человеку, но и у одного и того же человека с течением времени. Вещь, оцениваемая некоторым субъектом положительно, может стать через некоторое время безразличной для него или даже оцениваемой отрицательно; порицаемое может со временем представиться достойным похвалы и т. д. Временные различия оценок не включались нами в число их структурных различий. ИмPLICITное указание времени высказывания оценки предполагалось входящим в описание ее предмета или в описание ее основания, или, наконец, в описание ее субъекта.

Оценка «предмет A оценивался положительно лицом X во время t с точки зрения B » понималась в соответствии с этим как не вполне адекватная формулировка одной из следующих оценок: «предмет A , каким он являлся во время t , оценивался положительно лицом X с точки зрения B », «предмет A оценивался положительно лицом X времени t с точки зрения B », «предмет A оценивался положительно лицом X с точки зрения B , какую она была во время t ». В первой из трех последних оценок предполагается, что с течением времени изменяется оцениваемый предмет, а оценивающий субъект и основание оценки остаются тождественными самим себе, во второй предполагается изменение самого субъекта оценки, в третьей — изменение ее основания. Возможна ситуация, когда изменяется со временем не один какой-либо элемент оценки, а все три рассматриваемых ее элемента. В этом случае исходная оценка «предмет A оценивался положительно лицом X во время t с точки зрения B » означает, что предмет A , каким он был во время t , оценивался лицом X времени t положительно с точки зрения основания B того вида, который оно имело в это время.

Время не существует независимо от вещей, существующих во времени. С этой точки зрения является обоснованным истолкова-

¹¹ Последнее означает, что оценки «субъект X предпочитает предмет A предмету B в отношении C » и « X предпочитает предмет A предмету B с точки зрения D » могут представляться в форме: « E предпочитается F » и « G предпочитается H », где под E понимается предмет A , рассматриваемый в отношении C , под G — этот же предмет, но уже взятый в отношении D , под F — предмет B , рассматриваемый с точки зрения C , и под H — этот же предмет, взятый в отношении D .

ние изменения оценок с течением времени как изменения предметов, субъектов или оснований этих оценок и отказ от выделения указания времени высказывания оценки в качестве особого элемента ее структуры.

Взгляд, что время само по себе не является вещью, способной изменять оценки, может быть совмещен, однако, с явным указанием временного компонента оценки. Для этого достаточно оценку формы «предмет *A* оценивался положительно лицом *X* во время *t* с точки зрения *B*» понимать как означающую, что предмет *A* времени *t* (если этот предмет существует во времени) оценивался положительно лицом *X* времени *t* с точки зрения основания *B* того вида, какой оно имело во время *t* (если данное основание изменяется со временем).

1. Анализ значений оценочных терминов — важная и благодарная задача философской семантики. Нельзя, однако, сказать, что в решении этой задачи она добилась больших успехов. Причина этого отчасти в том, что систематическое семантическое исследование оценочного рассуждения началось только недавно, а частично в том, что оценочные термины ставят перед семантикой проблемы, принципиально отличные от тех, с которыми она сталкивалась раньше.

Мы рассмотрим два связанных между собой вопроса: вопрос о значении или значениях «добра»¹ и вопрос об истинности оценок и обоснованности выводов, содержащих в качестве своих посылок или заключений оценки. Мы будем говорить, как это делается обычно, главным образом о значениях «добра», но рассуждения о «добре» нетрудно обобщить на случай других оценочных понятий².

О чем идет речь в высказывании «*A* является добром», чему именно приписывается в нем положительная ценность?

Одно время довольно распространенным было убеждение, что оценки являются простыми выражениями внутренних переживаний, подобными произвольным выкрикам, и ничего не говорят ни о предметах, которых они грамматически касаются, ни о психических состояниях людей, высказывающих оценки. Это убеждение всерьез отстаивалось, например, А. Айером³, Р. Карнапом и другими неопозитивистами.

Другим ответом на вопрос о предмете оценок является мнение, что они представляют собой высказывания людей о собственных психических состояниях (эмоциональных, волевых или интеллек-

¹ В нашем употреблении слово «добро» означает примерно то же, что и выражения «хорошее», «положительно ценное». Это употребление отличается от употребления данного слова в естественном языке и может быть названо «политехническим».

² Семантика «добра» обсуждается в вышедших недавно работах К. Веллмана [189], Д. Остина [36, § 7], Г. фон Райта [197], Ч. Стивенсона [174], П. Зиффа [204], Д. Катца [96], Э. Вендлера [186, гл. 7] и Р. Гартмана [81]. Из более ранних работ особого упоминания заслуживают [119], [121], [126], [128].

³ «...Говоря, что какой-то тип действия является хорошим или дурным, — писал Айер, — я не высказываю никакого утверждения... даже о моем умонастроении. Я просто выражаю определенные моральные чувства» [38, стр. 159].

туальных), интроспективные суждения, не касающиеся каких-либо внешних объектов.

Еще одна распространенная позиция сводится к утверждению, что субъект, положительно оценивающий *A*, не вполне адекватно выражает мысль о том, что *A* считается определенной, достаточно устойчивой группой людей добром⁴.

В других случаях положительная ценность объявляется свойством самих вещей, не зависящим (подобно весу и химическому составу) или зависящим (подобно цвету) от оценивающего субъекта. При этом иногда утверждается, что свойство предмета быть положительно ценным познается так же, как и все иные свойства, данные в чувственном опыте, а иногда говорится, что оно постигается интуицией. Сама интуиция истолковывается опять-таки по-разному: одними она уподобляется интуиции, открывающей нам математические истины, другими объявляется особой интуицией, служащей специально для усмотрения ценностей.

Этот перечень мнений о том, что выступает в качестве «собственного» предмета оценки «*A* есть добро», не является исчерпывающим. Но он достаточно наглядно показывает, что философы и этики, обсуждавшие проблему предмета оценки, как правило, игнорировали многообразие форм реальных оценок, сосредоточивали свое внимание на оценках отдельных видов, а выводы, сделанные при этом, некритически распространяли на все оценки⁵. Достаточно, однако, обратить внимание на разнообразие функций, выполняемых такими словами, как «хороший», «плохой», «добро» и «зло», на различия контекстов, в которых могут встречаться эти слова, чтобы понять, что поиски «собственного» предмета всех оценок не способны привести к успеху. Могут оцениваться и фактически сцениваются самые разнородные вещи, и нет оснований думать, что всякая оценка обязательно касается только вещей строго определенного типа.

2. Слово «хороший» и многочисленные его заместители в разных контекстах выполняют разные функции. нас будут интересовать две из них: функция *выражения* и функция *замещения*.

Обычное употребление предложений типа «это вкусное яблоко», «мне нравится эта картина», «я люблю музыку Баха», «поведение этих людей возмущает меня», «розы неприятно пахнут» и т. п. — это употребление их для выражения определенных психических состояний. Чувства удовольствия и неудовольствия, наслаждения и страдания, желания, стремления, предпочтения и т. д. могут выражаться не только с помощью таких слов, как «нравится», «люблю», «возмущен», «ненавижу» и т. п., но и с помощью наиболее общих оценочных понятий. Человек может утверждать о яблоке, что оно является хорошим, подразумевая, что яблоко доставляет ему удовольствие своим вкусом; он может назвать по-

⁴ Одним из сторонников этой позиции являлся М. Шлик [157, стр. 78].

⁵ На это обращала внимание М. Оссовская в [128, стр. 68].

ведение некоторых людей плохим, желая выразить чувство возмущения, вызываемое у него этим поведением, и т. д. С другой стороны, психические состояния могут выражаться и с помощью предложений, вообще не содержащих оценочных терминов. Одобренные и порицанные, положительная и отрицательная психическая реакция на ту или иную вещь или событие нередко могут быть выражены даже жестами, мимикой, восклицаниями и т. п.

Оценочные термины могут использоваться не только для выражения разнообразных психических состояний, но и для замещения тех или иных совокупностей эмпирических свойств. Обычное употребление предложений типа «это хороший нож», «автомобили такой-то марки являются плохими», «в олимпиадах участвуют хорошие бегуны», «вещество *A* — прекрасное лекарство» и т. п. — это употребление их с намерением указать, что рассматриваемые предметы обладают вполне определенными свойствами: являются острыми, имеют малую или большую скорость, быстро излечивают какието болезни и т. д.

Множества свойств, которые могут представляться словами «хороший», «плохой», «безразличный» и т. п., очень разнородны. Когда мы говорим, что Александр Македонский был блестящим полководцем, мы приписываем ему такие свойства, как умение одержать победу над численно превосходящим противником, нестандартность решений, принимаемых в ходе сражения, способность выделить главное направление борьбы и т. п. Утверждая о Чехове, что он являлся хорошим врачом, мы подразумеваем, что он умел поставить правильный диагноз, назначить необходимые лекарства, всегда был готов отправиться на помощь больному и т. д. В высказывании «Абебе Бикила был прекрасным марафонцем» мы приписываем Бикиле способность пробегать марафонскую дистанцию со скоростью, с какой ее не пробегал, возможно, никто другой из его современников. Говоря об автомобиле, что он хорош, мы указываем, что данный автомобиль имеет все признаки, свойственные автомобилям (т. е. имеет колеса, руль, мотор, кузов и т. д.), и, сверх того, превосходит в каких-то своих характеристиках иные автомобили. Оценка «это хороший нож» означает, что данный нож имеет определенные части и успешно справляется со своими задачами.

Термины «хороший» и «плохой», высказываемые о вещах разных типов, говорят о наличии у этих вещей разных свойств. Более того, «хороший» и «плохой», высказываемые о вещах одного и того же типа, но в разное время, иногда замещают разные или даже несовместимые друг с другом множества свойств.

Современники Александра Македонского, называвшие его «хорошим восначальником», имели, конечно, в виду и то, что Александр Македонский отличался незаурядной личной отвагой. Но уже ко времени Наполеона характер войны настолько изменился, что личная смелость перестала быть необходимым достоинством крупного военачальника. Наполеон мог бы быть назван «хорошим

полководцем» даже в том случае, если бы он старательно избегал грозившей ему лично опасности.

С другой стороны, неотъемлемой чертой хорошего современного военачальника является умение ввести противника в заблуждение, нанести ему неожиданный удар и т. п. Хороший римский полководец отличался, однако, как раз обратными свойствами: он не устраивал притворного бегства, не наносил неожиданных ударов и т. д.⁶

3. Слова «хороший», «плохой», «лучший», «худший» и т. п., выполняющие функцию замещения, характеризуют отношение оцениваемых вещей к определенным образцам или стандартам. В этих складывающихся стихийно стандартах указываются совокупности эмпирических свойств, которые, как считается, должны быть присущи вещам. Для вещей разных типов существуют разные стандарты: свойства, требуемые от хороших молотков, не совпадают со свойствами, ожидаемыми у хороших полководцев, и т. п. Стандартные представления о том, какими должны быть вещи определенного типа, не остаются неизменными с течением времени: хороший римский военачальник вполне может оказаться плохим современным полководцем, и наоборот.

Для отдельных типов вещей имеются очень ясные стандарты. Это позволяет однозначно указать, какие именно свойства должна иметь вещь данного типа, чтобы ее можно было назвать хорошей⁷. В случае других вещей стандарты расплывчаты и трудно определить, какие именно эмпирические свойства приписываются этим вещам, когда утверждается, что они хороши. Легко сказать, например, какие свойства имеет хороший нож для рубки мяса или хорошая корова, сложнее определить, что человек понимает под

⁶ Интересный пример различия представлений о хорошем полководце приводит в своих «Опытах» М. Монтень. Люций Марций, римский легат, во время войны с македонским царем Персеем, стремясь выиграть время, затеял переговоры о мире. Царь согласился заключить перемирие на несколько дней, предоставив таким образом неприятелю возможность и время вооружиться и подготовиться, что и привело к окончательному разгрому Персея. Римские сенаторы осудили, однако, хитрость Марция и нашли, что его действия противоречили древним установлениям, заключавшимся в том, чтобы побеждать доблестью, а не хитростью, не засадами и не ночными схватками, не притворным бегством и неожиданным ударом по неприятелю. Монтень замечает в связи с этим, что «это были правила подлинно римские, не имеющие ничего общего с греческой изворотливостью и пуническим вероломством, у каковых народов считалось, что меньше славы и чести в том, чтобы побеждать силою, а не хитростью и уловками» [20, стр. 32].

⁷ М. Оссовская указывает в [128, стр. 57—58], что иногда приближение некоторого предмета к образцу так явно зависит от наличия у этого предмета определенных свойств, что высказываемое о нем слово «хороший» прямо означает эти свойства. Например, способность давать высокий урожай столь очевидно относится к условиям, которым должна удовлетворять хорошая земля, что выражение «хорошая земля» попросту означает то же, что и «урожайная земля». Сходно, «хорошая семья» означает обычно то же, что и «семья, живущая в согласии», «хороший друг» — то же, что и «друг, на которого можно положиться», и т. д.

хорошим домом или хорошим автомобилем, и совсем трудно вне контекста решить, какой смысл вкладывается в выражение «хороший поступок» или «хорошая шутка».

Для вещей отдельных видов вообще не существует сколь-нибудь определенных стандартов. С пожарами, адвокатами, докторами и шутками приходится сталкиваться довольно часто, их функции сравнительно ясны и сложились устойчивые представления о том, чего следует ожидать от хорошего ножа, доктора и т. д. Хороший нож — это такой нож, каким он должен быть. Для пояснения того, каким должен быть нож, можно назвать несколько свойств, из числа входящих в устоявшееся представление о хорошем ноже. Но что представляет собой хорошая планета? Сказать, что это такая планета, какой она должна быть, значит ничего не сказать. Для планет не существует стандарта или образца, сопоставление с которым помогло бы решить, является ли рассматриваемая планета хорошей или нет.

Две функции, характерные для оценочных терминов (функция выражения и функция замещения), независимы друг от друга. Слова «хороший», «плохой», «лучший» и т. п. могут иногда использоваться лишь для выражения определенных состояний сознания оцениваемого субъекта, а иногда только для указания отношения оцениваемого предмета к некоторому стандарту. Нередко, однако, эти слова употребляются таким образом, что ими выполняются обе указанные функции.

Высказываниями, подобными «X является грубым человеком», «У — хороший отец», «Z — наглый лгун», не только описывается поведение людей X, Y и Z, но и выражаются определенные чувства, вызываемые этим поведением. Большим упрощением было бы объявлять эти высказывания чистыми описаниями и отождествлять их с фактическими утверждениями. Ошибкой было бы и заключение, что эти и подобные им высказывания только выражают субъективные чувства и ничего не описывают⁸. Предложение «Z — лжец», как оно употребляется обычно, является описательным в двояком смысле: оно указывает, что высказывания субъекта Z, как правило, не соответствуют фактам; оно говорит, кроме того, что это несоответствие можно квалифицировать, пользуясь существующими стандартами, как ложь, а Z назвать лжецом. Этим же предложением выражается также осуждение двоякого рода: субъективное неодобрение поведения Z человеком, называющим Z лжецом, и порицание поведения Z группой людей, к которой относится говорящий и которой принадлежат используемые им стандарты.

Возможность употребления оценочных понятий для указания степени приближения рассматриваемой вещи к определенному

⁸ Э. Томас пишет в [181, стр. 401], что, называя человека сильным, мы прежде всего описываем его; этого сильного человека мы можем оценить, а можем и не оценивать. Но если мы говорим о человеке, что он груб, то ни описание, ни оценка не являются строго первичными, «„грубый“ — это оценочное слово с фактической ссылкой».

стандарту допускалась многими этиками. Она упоминалась, в частности, Л. Витгенштейном [193], У. Россом [153], М. Оссовской [128], Г. фон Райтом [197, гл. 2]⁹. Нужно признать, тем не менее, что этики, увлеченные поисками таинственного собственно морального смысла «хорошего», «плохого» и подобных понятий, постоянно недооценивали способность этих понятий замещать множества эмпирических свойств и не придавали должного значения исследованию ее роли в моральном рассуждении. Те же, кто считал все оценки только выражениями чувств, просто игнорировали функцию замещения.

Одним из следствий недооценки функции замещения является почти полная неисследованность необходимого для анализа этой функции понятия образа или стандарта. Для наших целей важно отметить, что стандарт, касающийся предметов определенного типа, обычно учитывает типичную функцию предметов этого типа. Помимо функциональных характеристик стандарт может включать также некоторые морфологические характеристики. Например, никакой молоток не может быть назван хорошим, если с его помощью нельзя забивать гвозди, т. е. если он не способен справиться с одной из тех задач, ради выполнения которых он был создан. Молоток не будет также хорошим, если он, позволяя забивать гвозди, не имеет все-таки рукоятки. Стандарты для вещей других

⁹ Витгенштейн проводил различие между двумя смыслами слова «хороший»: относительным и абсолютным (он называл их также обыденным и этическим соответственно). Быть хорошим в относительном смысле значит приближаться к определенному существующему стандарту. Например, стул является хорошим, если он служит заранее определенной цели, и слово «хороший» в выражении «хороший стул» осмысленно постольку, поскольку эта цель предварительно зафиксирована. Хороший пианист — это пианист, способный исполнять отрывки определенной трудности; правильная дорога — это дорога, ведущая к заданной цели, и т. п. Высказывания об относительных ценностях являются, по мысли Витгенштейна, фактическими. Их можно сформулировать так, что они потеряют всякую видимость оценочных суждений. Например, высказывание «этот человек хороший бегун» можно заменить утверждением, что данный человек пробегает определенную дистанцию за определенное время. Иначе обстоит дело с высказываниями об абсолютных ценностях, или с этическими высказываниями. Они не являются фактическими и не следуют из фактических высказываний. «Если бы кто-то оказался всеведущим и изложил в одной книге все свои знания о движущихся всех тел во вселенной и состояниях умов всех людей, то в этой книге не было бы ничего, что можно было бы назвать этическим суждением или что имплицитировало бы этическое суждение» [193, стр. 6].

М. Оссовская пишет, что когда мы говорим о ком-то, что он является хорошим врачом, хорошим теннисистом, хорошим судьей, лучшим, чем кто-то иной, шашкистом или скрипачом, мы имеем в виду приближение этого человека к определенному образцу: образцу врача, скрипача и т. д. Такое употребление слов «хороший» и «плохой» не ограничивается людьми, оно относится также к животным, орудиям труда и т. д. (об этом говорят также, например, высказывания: «хороший дворовый пес должен быть злым», «хороший доклад должен быть коротким», «хороший нож должен быть острым» и т. п.) [128, стр. 57—58]. Оссовская отмечает также, что когда мы хвалим некоторое орудие труда, значение слова «хороший» сливается со значением оборота «служит для такой-то цели»: орудие соответствует своему образцу, только если оно справляется с целью, для выполнения которой оно было создано [128, стр. 389].

типов могут не содержать морфологических характеристик (таковы, в частности, стандарты, имеющиеся для врачей, адвокатов и т. п.).

4. Проведение ясного различия между разными функциями оценочных понятий позволяет объяснить многие странные на первый взгляд особенности употребления этих понятий.

Слово «хороший» может высказываться об очень широком круге вещей: хорошими могут быть и ножи, и адвокаты, и доктора, и шутки и т. д. Разнородность класса хороших вещей заметил еще Аристотель [1, гл. 6]. Он использовал ее как довод против утверждения Платона о существовании общей идеи добра. Хорошими могут быть вещи столь широкого и столь неоднородного класса, что трудно ожидать наличия у каждой из них некоторого общего качества, обозначаемого словом «хорошее».

Факт необычайной широты множества хороших вещей несомненен¹⁰. Понятие функции замещения дает возможность объяснить оба типа разнообразия: разнообразие вещей, которые могут оказываться хорошими, и разнообразие смыслов, которые может иметь слово «хороший». Идея фон Райта, что многообразие смыслов «хорошего» первично в отношении многообразия хороших вещей, близка нашему утверждению, что универсальность множества хороших вещей объясняется своеобразием функций, выполняемых словом «хороший». Оно не обозначает никакого фиксированного эмпирического свойства (или свойств). Им представляются совокупности таких свойств и при этом таким образом, что в случае разных типов вещей эти совокупности являются разными. Ссылаясь на это обстоятельство, можно было бы сказать, что качества, дающие право называть вещи «хорошими», являются разными в случае разных вещей. «Красным», «тяжелым» и т. п. может быть названо лишь то, что имеет вполне определенные свойства; приложимость «хорошего» не ограничена никакими конкретными свойствами. Все это справедливо и для другой функции слова «хороший» — функции выражения.

¹⁰ Ему придется важное значение как семантиками (см. [36, стр. 64—65] и [186, гл. 7]), так и этиками (см. [60, стр. 67] и [197, стр. 12—13]). Иногда проводится различие между разнообразием вещей, о которых можно сказать, что они хороши, и разнообразием смыслов, которые имеет слово «хороший», когда оно высказывается о разных вещах. Г. фон Райт пишет в этой связи: «То, что и лина, и плотники, и голоса могут быть хорошими, является примером того, сколь разными могут быть хорошие вещи. То, что «хороший» иногда означает «приятный на вкус», иногда «искусный», а иногда «целебный», является примером того, как разнообразны формы «добра». Аристотель не проводил ясного различия между этими двумя видами разнообразия. Его довод против общей идеи добра основывается на разнообразии хороших вещей, а не на разнообразии форм слова «хороший». Очевидно, однако, что первое разнообразие является производным относительно второго. Не разнородность множества хороших вещей является причиной того, что существует много разных форм слова «хороший», а многообразие форм «хорошего» обуславливает то, что крайне несходные по своему типу вещи могут быть хорошими» [197, стр. 12—13].

Утверждению об универсальной приложимости термина «хороший» и нефиксированности замещаемых им свойств придавались самые разнообразные формулировки. Аристотель говорил об омонимичности этого термина, схоласты — о его трансцендентальной природе, Е. Холл называл его «псевдопредикатом»¹¹, Д. Эрмсон — «ярлыком»¹², Р. Гартман — «универсальным аксиологическим квантором»¹³, семантики — «синкатегорематическим термином»¹⁴ и т. д. Введение понятия функции замещения позволяет придать ясный смысл всем этим характеристикам свойств термина «хороший».

Б. Д. Мур считал, что слово «хороший» (good), в отличие от слов, подобных слову «желтый», указывает на наличие у хороших вещей некоторого «внесущественного» (non-natural) свойства. Это свойство не существует ни фактически, наряду с естественными свойствами, ни в какой-то сверхчувственной реальности. Оно постигается не обычными чувствами, а интуицией, результаты которой являются обоснованными, но не допускают доказательства. Мур полагал также, что все утверждения о добре истинны независимо от природы мира¹⁵.

Если пренебречь тем, что Мур говорит о некотором специфическом употреблении «хорошего» и «добра», характерном, по его мнению, для моральных суждений, то приведенные положения о внесущественности и т. п. добра можно истолковать таким образом.

Свойство «быть хорошим» является внесущественным в том отношении, что оно не существует наряду с иными естественными

¹¹ «Ценность, — писал Холл, — не есть ни простое, ни сложное качество. Она не является даже отношением. Она вообще не является свойством. Сама по себе она, в отличие от желтизны и одновременности, не имеет никакой положительной природы. Ценность есть способ, каким могут быть связаны вместе свойства в мире. Лингвистически она не является десигнатом предиката какой угодно степени» [73, стр. 337]. И в другом месте: «...термин «хороший» не отсылает к некоторому свойству. Этот термин представляет собой псевдопредикат, и содержащие его предложения должны преобразовываться в оценки, имеющие в качестве своих предикатов свойства, служащие специфическим объектом оценки» [73, стр. 342].

¹² «Слово «хороший» является сортирующим ярлыком, применимым во многих разных типах контекстов, но с разными критериями его употребления в каждом контексте» [184, стр. 159].

¹³ Логическую природу «хорошего» Гартман видит в том, что это слово является переменной [81, стр. 99, 105].

¹⁴ «Значение «хорошего», — говорит Катц, — является функцией, определенной на других значениях, а не на независимом свойстве. Вне связи с концептуальным содержанием других слов и выражений значение «хорошего» не имеет смысла. Так как оно, взятое само по себе, не может выступать в качестве полного понятия, мы будем говорить, что это значение является синкатегорематическим» [96, стр. 761]. Катц отмечает также, что значение «хорошего» не может быть описано теми семантическими теориями значения, которые (подобно теориям Г. Фреге, Р. Карнапа и У. Куайна) ограничиваются характеристиками значений, взятых в изоляции друг от друга слов и выражений.

¹⁵ Таких представлений о добре Мур придерживался в [119] и [120]. Рассматривая эти представления, мы принимаем во внимание только одну функцию слова «хороший», а именно — функцию замещения.

свойствами. Вещи являются хорошими не потому, что они имеют особое свойство «добро», а в силу того, что этим вещам присущи определенные естественные свойства и существуют социальные по своему происхождению стандарты того, какими именно свойствами должны обладать вещи. Слово «хороший» является заместителем имен естественных свойств, но не именем особого естественно-го свойства.

Свойство «быть добром» не относится к какой-то сверхчувственной реальности. Смысл, в котором оно существует, отличается от смысла, в каком существуют свойства, подобные весу и химическому составу тел. Но можно тем не менее утверждать, что добро является фактическим свойством. Оно познается обычными чувствами и его познание сводится к установлению соответствия между свойствами реальных вещей и свойствами, требуемыми от этих вещей относящимися к ним стандартами. Невысказанным поэтому является как утверждение Мура об интуитивном характере постижения добра, так и его положение об аналитической истинности высказываний о добре. И, наконец, Мур ошибался, допуская, что неопределимое качество добра является одним и тем же в случае всех хороших вещей.

В более поздних своих работах [121, стр. 273] и [135]¹⁶, Мур высказывает следующие два положения о добре:

(1) добро зависит только от внутренних (естественных) свойств вещи,

(2) но само оно не является внутренним свойством.

Иными словами, является ли определенная вещь хорошей, зависит исключительно от естественных или описательных свойств вещи, но слово «хороший» не описывает эту вещь.

Эти положения кажутся на первый взгляд парадоксальными¹⁷, но в действительности они дают довольно точную характеристику «добра» («хорошего»). Слово «хороший» ничего не описывает в том смысле, в каком описывают такие слова, как «желтый», «тяжелый» и т. п. Но то, что та или иная конкретная вещь является хорошей, определяется ее фактическими или описательными свойствами. Д. Мур, однако, не вполне прав, утверждая, что добро зависит *только* от естественных свойств вещи; оно зависит в равной мере и от существования стандартов, касающихся вещей рассматриваемого типа.

6. Вопрос о том, приложимы к оценкам термины «истинно» и «ложно» или нет, был и остается предметом оживленных споров¹⁸.

¹⁶ Мы имеем в виду его статью «Ответ моим критикам», помещенную в этой книге.

¹⁷ Р. Гартман называет утверждение, что ценность вещи определяется ее фактическими свойствами, но сама не является таким свойством, «парадоксом Мура» [81, стр. 104].

¹⁸ Наличие у (моральных) оценок истинностного значения отрицали А. Хэгерстрём [72], Ч. Огден и А. Ричардс [126], Б. Рассел [155], У. Банес [41], В. Дубислав [57], А. Айер [38], Ч. Стивенсон [173], Г. Рейхенбах [146] и др. Банес писал, например: «Все попытки убедить других в истинности оценочного утверждения»

Его решение не входит в задачи формальной логики. Но оно важно с точки зрения проблемы обоснованности оценочных выводов и полезно предварить ее обсуждение несколькими замечаниями об истинностном значении оценок.

Оценки, в которых термины «хорошо», «плохо», «лучше», «хуже» и т. п. выполняют только функцию замещения, могут быть истинными или ложными. Процесс установления их истинностного значения состоит в сопоставлении свойств оцениваемого предмета со стандартом, касающимся вещей этого типа.

Например, рассказывание «это хороший нож» истинно в том случае, когда рассматриваемый нож имеет морфологические и функциональные характеристики, требуемые стандартом ножей данного типа. Высказывание «X — хороший адвокат» истинно, если X является адвокатом и успешно справляется с требованиями, предъявляемыми обычно к адвокатам.

В стандартном представлении о том, какими должны быть предметы определенного типа, указываются морфологические, функциональные или иные признаки, ожидаемые от предметов данного типа. Стандарт, стоящий за тем или иным употреблением слов «хороший», «плохой» и т. п., может не быть ясным. В этом случае оценочные слова не имеют ясного значения и трудно решить, какая именно совокупность признаков замещается ими.

Для вещей многих типов не существует стандартов. Утверждения, что эти вещи являются хорошими или что они являются плохими, не имеют смысла. Естественно, что эти утверждения не имеют также истинностного значения. Мы отвлекаемся здесь от того, что слова «хороший», «плохой» и т. п. могут использоваться также для выражения определенных чувств. Очевидно, что отсутствие стандарта для вещей того типа, к которому принадлежит предмет А, не препятствует выражению чувства одобрения или порицания А. Кроме того, А может быть объектом оценки с точки зрения стандарта вещей иного типа. Например, высказывание «Нептун — хорошая планета», не выражающее одобрения, бессмысленно, если не существует устоявшихся представлений о том,

денция являются в действительности попытками заставить других одобрять те же вещи, которые мы сами одобряем» [41, стр. 46]. Дубислав утверждал, что альтернатива «истинно-ложно» не приложима к императивам в такой же степени, как альтернатива «здоровый-больной» к числам. «Этические аксиомы, — писал Рейхенбах, — не являются необходимыми истинами потому, что они вообще не являются истинами какого-либо рода. Истина есть предикат утверждений, а лингвистические выражения этики не являются утверждениями. Они представляют собой директивы» [146, стр. 280]. Мнение, что оценки не стоят вне категории истины, отстаивалось Д. Муром [119], Д. Россом [152], К. Льюисом [107], Д. Финдлсом [62], Т. Котарбиньским [102], Е. Калиновским [93] и многими другими авторами. Мур полагал, что истинностное значение оценок интуитивно очевидно и не допускает доказательства. По мысли Росса, предложения наблюдения и оценки различаются с точки зрения своей истинности только численностью группы людей, способных согласиться с ними. Льюис утверждал, что оценочные суждения могут в принципе претендовать на такого же рода достоверность, как и эмпирические суждения.

какими должны быть планеты. Но высказывания «Нептун — хорошая для астрономических наблюдений планета» и «Нептун — хорошая планета для посадки космических кораблей» имеют определенный смысл и являются истинными или ложными. В них Нептун оценивается не с точки зрения несуществующего стандарта планет, а с точки зрения имеющихся представлений о том, каким должен быть объект астрономического наблюдения и каким должно быть место посадки космических кораблей.

Неясность многих стандартов и отсутствие устоявшихся представлений о том, какими должны быть вещи некоторых типов, не означает, конечно, что все оценки с точки зрения стандартов лишены истинностного значения.

Оценки, в которых слова «хороший», «плохой», «лучший», «худший» и т. п. выполняют только функцию выражения, не являются ни истинными, ни ложными. Они ничего не описывают и ничего не утверждают, являясь всего лишь словесными выражениями определенных психических состояний.

Иногда утверждается, что оценки не могут быть истинными или ложными в силу того, что ими выполняются задачи, отличные от задач дескриптивных суждений. Основной функцией дескриптивных суждений является описание, и эти суждения истинны, поскольку они описывают и поскольку даваемые ими описания соответствуют действительности. Основной же функцией высказываний, содержащих понятия «хороший», «плохой» и т. п., является оценивание (или рекомендация, совет и т. п.). Описание, если оно вообще дается такими высказываниями, является вторичной их функцией и не может служить основанием для утверждения, что они, подобно дескриптивным суждениям, имеют истинностное значение.

Сторонники взгляда, что оценки являются истинными или ложными, нередко отвечают на это возражение отождествлением оценок с описаниями. Оценочные высказывания, утверждают они, ничем не отличаются от дескриптивных высказываний, и различие между оценкой и описанием столь же искусственно и метафизично, как и различие между описанием и предписанием.

Это решение не может быть признано удовлетворительным. Различие между оценочной, дескриптивной и прескриптивной функциями языковых выражений фундаментально, и теория, пренебрегающая им, противоречит очевидным фактам.

Утверждение о наличии у отдельных видов оценок истинностного значения вполне может быть совмещено с допущением, что основная функция оценок отличается от основной функции фактических высказываний. Противоположный взгляд основывается на неоправданном отождествлении дескриптивности и объективности.

Высказывание является дескриптивным, если оно используется для целей описания или сообщения информации. Высказывание является объективным, если оно находится в определенном отно-

шении к действительности и может быть в силу этого истинным или ложным.

Очевидно, что все фактические суждения и дескриптивны, и объективны. Их главная задача — описание действительности, передача информации о ней. Оценки не являются дескриптивными. Они употребляются для целей, отличных от описания, и описывают постольку, поскольку это необходимо для выполнения основной функции. С другой стороны, не все оценки объективны, а следовательно, истинны или ложны. Те оценки, которые ничего не утверждают и служат простыми словесными выражениями чувств, являются субъективными и лишены истинного значения¹⁹.

7. Вопрос об истинном значении оценок тесно связан с вопросом об обоснованности выводов, посылок или заключениями которых являются оценки.

Логическое следование принято определять в терминах истины (лжи) и несовместимости: заключение следует из множества посылок, если и только если истинность посылок несовместима с ложностью заключения. Оценки некоторых видов не являются ни истинными, ни ложными. Возможны ли логически обоснованные выводы, посылками или заключениями которых служат эти оценки?

Проблема обоснованности выводов, включающих лишнее истинного значения оценки, пока не привлекает внимания, соизмеримого с ее важностью²⁰. Она во многом аналогична проблеме обоснованности нормативных выводов, и это дает возможность распространить на логику оценок многое из того, что говорилось по поводу существования логических отношений между нормами. Кроме того, авторы, занимавшиеся в 30—40-е годы так называемыми «императивными» выводами, обычно столь широко понимали «императивное высказывание», что в число императивных оказывались включенными и оценочные высказывания. Это означает, что рассуждения о логике императивов имеют прямое отношение к логике оценок²¹.

Начало дискуссии о возможности логики императивов положил датский философ Й. Йоргенсен [92]. Поставленная им проблема вошла в историю логики под именем «дилеммы Йоргенсена», данным ей А. Россом. Существо ее в следующем. Логическое следование определяется в терминах истины. Императивы не облада-

¹⁹ Эта точка зрения близка к точке зрения, высказываемой Г. фон Райтом в [197, стр. 28, 30].

²⁰ Задача построения логики оценок не сводится к расширению обычных логических систем (описывающих логические связи между фактическими утверждениями) некоторыми аксиомами, включающими оценочные понятия. Необходимо показать также, что обычные, и в частности истинностно-функциональные, системы применимы для описания логических связей оценочных высказываний, т. е. необходимо дать новую интерпретацию содержащимся в этих системах логическим связкам.

²¹ Проблема обоснованности императивного вывода обсуждается в работах [45], [46], [71], [74], [78], [83], [97], [148], [151], [169], [176].

ют истинностным значением, поэтому они не могут следовать из других предложений и, значит, не могут быть заключениями логических выводов. Они не способны быть даже посылками таких выводов, так как и посылки должны иметь истинностное значение. Но столь же очевидным кажется, что могут быть сформулированы выводы, элементами которых являются императивные высказывания. Например, «выполняйте свои обещания; это ваше обещание; следовательно, выполняйте это обещание». Имеется, таким образом, следующее затруднение: согласно общепринятому определению логического вывода, только высказывания, которые способны быть истинными или ложными, могут функционировать как посылки или заключения в выводе; тем не менее, кажется очевидным, что императивное заключение может быть выведено из двух посылок, одна или обе из которых являются императивами.

Очевидно, что дилемма Йоргенсена касается не только императивов, но и всех тех оценок, которые не являются предложениями в логическом смысле, т. е. не являются истинными или ложными. Более того, если в логике оценок не проводится (как это обычно делается) различие между оценками, имеющими истинностное значение, и оценками, не обладающими им, то эта дилемма относится ко всей логике оценок в целом.

Обсуждению указанного Йоргенсеном затруднения посвящена довольно обширная литература. Предлагаемые решения этой дилеммы можно разделить на две группы. В решениях первой группы подвергается сомнению возможность позитивного разрешения данной проблемы или вообще отрицается логический характер императивного рассуждения. Согласно им, логика императивов не существует; выводы, посылками или заключениями которых служат императивы, не являются в действительности обоснованными, хотя и кажутся таковыми. Решениями второй группы признается существование обоснованных императивных или квазимперативных выводов, императивы допускаются в качестве элементов логической аргументации. Противоречие между обычным определением логического следования в терминах истины и допущением выводов с использованием не имеющих истинностного значения императивов разрешается при этом или путем установления связи императивных высказываний с индикативными, или с помощью расширения понятия логического следования.

Решения первой группы составляют негативное или нигилистическое направление в логике императивов; решения второй — позитивное или конструктивное направление.

Аналогичные им нигилистическое и конструктивное направления могут быть выделены также в логике оценок. В качестве примера первого из этих направлений мы рассмотрим позицию Ч. Стивенсона. Конструктивное направление не имеет пока своих представителей и возможность его развития не будет обсуждаться нами.

8. В «Этике и языке» [173, стр. 152—156] Ч. Стивенсон отме-

чает, что формальная логика не просто описывает применяемые людьми методы рассуждения, но и проводит различие между реальными выводами, т. е. выводами, встречающимися в практике рассуждения, и обоснованными выводами. Может возникнуть предположение, что исследование природы и эффективности методов, используемых обычно в этическом рассуждении, должно сопровождаться изучением того, какие именно методы проведения этого рассуждения являются обоснованными. Иными словами, можно предположить, что должен существовать раздел методологии этики, имеющий дело с обоснованностью обычно используемых методов. Стивенсон посвящает специальную главу (гл. 7) соображениям, в силу которых в этике следует заниматься только описанием часто используемых методов, без обсуждения их обоснованности.

Понятие обоснованности остается, согласно Стивенсону, приложимым в своей обычной форме ко всем логическим выводам, касающимся установления убеждений (beliefs). Нелогичное не становится логичным и ложь не становится истиной просто потому, что они встречаются в этическом контексте. Всякий раз, когда в выводе речь идет о согласии или несогласии убеждений, характеристики вывода находятся в сфере исследования логики и научного метода. Но если аргументация не ограничивается сопоставлением убеждений и использует убеждения для изменения позиций (attitudes), вопрос о ее обоснованности становится неуместным. Этика, когда ее проблемы выходят за рамки согласия или несогласия убеждений, может содержать методы, выходящие за границы формальной логики. Этическая методология в этих случаях должна отличаться от логического и научного метода.

Можно придумать некоторое широкое определение термина «обоснованность», при котором он сохранял бы определенную связь с его обычным употреблением и вместе с тем позволял бы называть некоторые выводы этических заключений из множества посылок и, в частности, из множества фактических посылок обоснованными. Однако введение этого нового типа обоснованности, свойственной и нормативным выводам, дополнение обычных правил демонстративного и индуктивного вывода специальными правилами для выводов этических заключений представляется Стивенсону нецелесообразным, вводящим в заблуждение расширением значения термина «обоснованность». Независимо от того, как мы определим «обоснованность», естественно ожидать, что мы придадим этому понятию смысл, связывающий его с понятием истины и позволяющий сказать, что «обоснованный» метод является более благоприятствующим установлению истин или вероятных истин, чем «необоснованный». Но если бы понятие «обоснованность» применялось для характеристики шагов, ведущих от множества доводов к этическому заключению, то это понятие утратило бы свою привычную связь с истиной. Новый смысл «обоснованности» неминуемо остался бы дополняющим связанный с истинностью смысл этого понятия и мог бы способствовать ненужной двусмысленности

и проведению различия между выводами в этике и выводами в логике или науке. В интересах ясности целесообразно отрицать приложимость понятия обоснованности к рассуждениям этического типа.

Почему обоснованность в случае ее приложения к выводам этических заключений из множества посылок лишается своей связи с истинностью? По мысли Стивенсона существо дела здесь не в том, что этические утверждения не могут быть осмысленно названы истинными или ложными. Хотя эмотивное значение таких утверждений не имеет никакого дела с истинностью или ложностью, их дескриптивное значение может быть истинным или ложным. Дело здесь скорее в том, что в рассматриваемых выводах посылки не устанавливают или не касаются истинности дескриптивного значения этического утверждения. Когда этическое утверждение поддерживается или отвергается с помощью некоторых доводов, эти доводы никогда не доказывают и не опровергают истинности дескриптивного значения данного этического утверждения. И в силу этого до тех пор, пока обоснованность не имеет некоторого расширенного смысла, вопрос «является ли обоснованным вывод от посылок к этическому заключению?» лишен интереса.

Таким образом, согласно Стивенсону, в выводы, ведущие к этическим заключениям, вовлечено не дескриптивное значение этических утверждений, а их эмотивное значение. Последнее может быть только объектом прагматического обсуждения, но не семантического. Семантическое определение логического следования не может быть приложено в силу этого к рассматриваемым выводам. Логическая теория этического рассуждения, и в частности логика оценок, оказывается, таким образом, невозможной.

Аргументация Стивенсона тесно связана с неопозитивистской теорией значения, в соответствии с которой высказывание является познавательно осмысленным только в том случае, если оно верифицируемо. Если высказывание верифицируемо, то оно истинно или ложно. Но оценки некоторых видов не имеют истинностного значения, они не верифицируемы. Следовательно, они не являются познавательно осмысленными. Продолжительное время неопозитивисты считали на этом основании формулировки оценок «бессмысленными», выражающими только эмотивное значение. Свообразие позиции Стивенсона состоит в допущении того, что эти формулировки выражают не только эмотивное, но и дескриптивное значение. Он отрицает вместе с тем, что дескриптивное или познавательное значение существенно для этической аргументации.

Однако принятие взгляда, что оценки не являются истинными или ложными, не влечет с необходимостью отрицание того, что формулировки оценок имеют значение или что они имеют смысл. Логическими связями между смыслами или значениями оценок и должна заниматься логическая теория оценочного рассуждения. Отказ от неопозитивистского истолкования осмысленности языко-

вых выражений делает, таким образом, аргумент Стивенсона несостоятельным.

9. Решения проблемы обоснованности императивного вывода, предлагаемые в рамках конструктивного направления в логике императивов, естественно делятся на две группы.

Общей чертой решений первой группы является то, что ими обоснованность императивного вывода сводится к обоснованности так называемого индикативного вывода, определяемой в терминах истины и лжи. Это сведение достигается указанием связей императивных и индикативных предложений. Установление таких связей позволяет поставить в соответствие императивному выводу индикативный вывод. Первый считается обоснованным, если обоснованным является второй. Иногда об обоснованности первого вывода ничего не говорится, он рассматривается при этом не как логический вывод, а как квазивывод, т. е. как совокупность предложений, напоминающая вывод. Оправданием употребления таких квазивыводных конструкций считается наличие обоснованных выводов, стоящих к данным конструкциям в однозначно определенном отношении.

Характерная черта решений второй группы состоит в расширении самого понятия логического следования таким образом, чтобы им охватывались также и кажущиеся обоснованными императивные выводы. Логическое следование индикативных утверждений определяется с использованием понятий «истина» и «ложь». Для определения более широкого понятия логического следования необходимо предложить термины, являющиеся в определенном отношении обобщением «истины» и «лжи», или же термины, играющие в области императивов ту же роль, какую в области индикативов играют «истина» и «ложь». Решения этой группы различаются между собой системами понятий, вводимых для замещения «истины» и «лжи».

Сходная возможность двух подходов в рамках конструктивного направления сохраняется и в случае логики оценок. Ни один из этих подходов пока никем не реализован.

10. Одна из особенностей большинства предложенных расширений понятия логического следования состоит в том, что целью, которую пытаются достичь с их помощью, является оправдание выводов императивных заключений. В связи с этим семантические понятия, предлагаемые в дополнение к «истине» и «лжи», можно было бы назвать императивными аналогами истины. Эти аналоги призваны играть в семантике императивных утверждений роль, аналогичную той, какую играют «истина» и «ложь» в семантике ассерторических утверждений.

Но не только императивы не имеют истинностного значения, они являются всего лишь характерным примером выражений этого типа. Ориентация исключительно на императивы приводит к неоправданному сужению исходной проблемы построения семантики для выражений, лишенных истинностного значения. Отдель-

ные оценки, просьбы, обещания, рекомендации и т. п. также не являются ни истинными, ни ложными. Вместе с тем они, как кажется, могут быть элементами логических выводов. Понятия, предложенные для определения обоснованности императивных выводов, обычно оказываются непригодными для определения обоснованности выводов, в которых участвуют просьбы, обещания, оценки и т. п. Вряд ли оправданным было бы утверждать, что наряду с обоснованностью ассерторического и императивного выводов существует и должно быть введено в логику понятие обоснованности вывода, включающего, например, обещания, или понятие обоснованности вывода, элементами которого являются просьбы, и т. п. Но если так, то проблему обоснованности императивных выводов надо рассматривать в более общем контексте проблемы обоснованности практического вывода, т. е. вывода, предоставляющего рациональные основания для действия. Ни одна из предложенных к настоящему времени семантических теорий императивного рассуждения не отвечает данному требованию.

11. Имя в виду трудности в уяснении отношения оценок к истине и в определении обоснованности оценочного вывода, можно предлагать конструировать формальную теорию оценок, отвлекаясь от проблемы обоснованности оценочных умозаключений. Можно также постулировать наличие скрытого логического отношения между оценками и предложениями в логическом смысле и полагать, что решение проблемы обоснованности логики оценок будет найдено не на пути анализа философских и грамматических аспектов оценочного рассуждения, а путем подтверждения полезности конструируемых систем научной практикой. Естественно, что оба эти предложения не снимают саму проблему обоснованности оценочного умозаключения и могут быть оправданы лишь в качестве временной меры. Вместе с тем, из истории науки известны многочисленные случаи успешного развития тех или иных научных теорий в условиях отсутствия удовлетворительного обоснования их исходных предположений. Более того, зачастую удовлетворительное обоснование той или иной научной дисциплины требует предварительного и сравнительно высокого развития этой дисциплины. Естественно предполагать, что аналогично обстоит дело и с проблемой семантического обоснования логики оценок.

Глава 4 ЛОГИКА АБСОЛЮТНЫХ ОЦЕНОК

1. Логика абсолютных оценок, или, как ее еще можно назвать, логика добра, до настоящего времени систематически не исследовалась. В этом отношении она важным образом отличается от логической теории сравнительных оценок, представляющей собой совокупность достаточно подробно изученных систем¹. В данной главе будет изложено то немногое, что было сказано разными авторами по поводу логических характеристик понятий «добро» и «зло», и представлена развитая логическая теория абсолютных оценок.

Начнем с описания символики, используемой в дальнейшем.

В основании всех рассматриваемых далее систем лежит обычная или классическая пропозициональная логика. Ее символы: $p, q, r, s, \dots$ — пропозициональные переменные, $\supset$ — импликация, $\sim$ — отрицание, $\&$ — конъюнкция, $\vee$ — дизъюнкция, $\equiv$ — эквивалентность.

Характер абсолютных оценок представляется символами G («добро», «положительная ценность»), H («зло», «отрицательная ценность») и I («безразлично»). Выражение Gp может читаться как « p является добром», Hr — « r есть зло», $G(p\&q)$ — «конъюнкция p и q является добром», $I((p\supset q)\vee \sim (p\supset q))$ — «безразлично, p имплицитно q или нет» и т. п.²

Оцениваться положительно или отрицательно могут самые разнообразные объекты: вещи, способы производства вещей, идеи, намерения, действия, состояния и т. п. Отношение предпочтения или превосходства в ценности может устанавливаться между собы-

тиями, процессами, целями, материальными и идеальными вещами, состояниями и т. д.

Оценки могут быть разделены на виды в зависимости от характера тех объектов, которых они касаются. Для наших целей является важным различие между состояниями, процессами и событиями.

Различие между процессом и состоянием можно попытаться передать с помощью слов «динамический» и «статический». Процессы продолжаются и происходят; сказать о состоянии, что оно продолжается или происходит, не совсем естественно. О событиях, как и о процессах, также допустимо говорить, что они происходят, но о них можно кроме того утверждать, что они случаются. Говорить о процессе, что он случается, не совсем естественно³.

Отступая от реальных процессов оценивания, будем полагать, что предметами всех оценок являются *состояния*. Иными словами, мы ограничиваем класс рассматриваемых оценок оценками состояний. Переменные $p, q, r, s, \dots$ считаются определенными над описаниями состояний или высказываниями о состояниях. Это позволяет использовать в качестве аргументов оценочных операторов сложные суждения и, в частности отрицания суждений.

Состояния могут быть разделены на общие и индивидуальные. Состояние является общим, если оно в каждой данной ситуации имеет (или не имеет) место и если оно может иметь место более чем в одной ситуации. Примерами общих состояний могут служить здоровье и болезнь. Болезнь какого-то конкретного лица в определенное время является индивидуальным состоянием. Так как одно и то же лицо в одно и то же время не может находиться в двух разных местах, индивидуальное состояние оказывается в этом случае определенным не только во времени, но и в пространстве.

Мы будем ограничиваться рассмотрением оценок *общих* состояний. Очевидно, что имеются не только оценки состояний, но и оценки процессов и оценки событий. Можно предполагать, однако, что понятие состояния является более фундаментальным в том смысле, что события и процессы могут быть определены в его терминах, и оценки объектов, отличные от оценок состояний, могут быть сведены к оценкам состояний. Если даже предполагаемые определения отсутствуют, то остается тем не менее очевидным, что язык состояний обладает большей выразительной силой, чем язык процессов или язык событий.

Переменные логики оценок определены над высказываниями (о состояниях). Это не означает, что объектами оценки, сопоставления, сравнения являются сами высказывания, а не описываемые ими состояния.

Например, выражение Gp не утверждает о высказывании p , что оно является добром; это выражение говорит, что состояние,

³ Более подробная характеристика различий между состояниями, процессами и событиями содержится во второй главе книги «Норма и действие» Г. фон Райта [196].

¹ Интересно отметить, что Н. Ретер, перечисляя в [147] направления современной формальной логики, вообще не упоминает логическую теорию абсолютных оценок. Среди философских направлений логики, способных найти приложения в области этики, им называются: логика действия, деонтическая логика, логика императивов и, наконец, логика предпочтения и выбора. Очевидно, что в моральном рассуждении абсолютные оценки играют гораздо более фундаментальную роль, чем сравнительные. И только неисследованностью первых можно объяснить то, что их логическая теория не упоминается Ретером среди направлений логики, представляющих особый интерес для этики.

² Принимаемые нами соглашения об опускании скобок аналогичны принятым в [24].

описываемое данным высказыванием, представляет собой добро. Операторы логики оценок относятся не к предложениям, перед которыми они стоят, а к состояниям, описываемым этими предложениями⁴.

Всякая оценка принадлежит определенному субъекту. Мы не вводим, однако, переменных для имен или описаний субъектов. Это не означает, как указывалось ранее, что исследуются логические отношения «бессубъектных», никому не принадлежащих оценок. Все оценки, входящие в рассуждение, рассматриваются нами как принадлежащие одному и тому же субъекту. Это ограничение класса принимаемых во внимание оценок позволяет отказаться от явного упоминания субъекта. Выражение $Gp \& Hq$ означает, таким образом, что некоторый, не определяемый более точно, субъект считает добром состояние, описываемое высказыванием p , и этот же субъект оценивает отрицательно состояние, описываемое высказыванием q ; или более коротко: некоторый субъект считает p добром, а q злом. Формула $\sim(Gp \& G \sim p)$ представляется логической истиной, если она интерпретируется как «неверно, что один и тот же субъект оценивает положительно как некоторое состояние, так и его отсутствие». Но эта формула определенно не является истиной логики в случае ее интерпретации как «неверно, что один субъект оценивает положительно p , а другой — не- p ». Нет ничего невозможного или иррационального в том, что разные субъекты считают добром разные, в том числе и противоположные, вещи. Но не является рациональной, как мы будем далее аргументировать, положительная оценка некоторого состояния и его отрицания одним и тем же субъектом. Этот пример показывает, что отступление от соглашения, в соответствии с которым во всяком оценочном рассуждении участвует только один субъект, может привести к явно неприемлемым утверждениям.

Оценки различаются между собой не только характером, предметами и субъектами, но и основаниями. Можно, однако, отвлекаться от различий в основаниях оценок, рассматривая все оценки, входящие в рассуждение, как имеющие одно и то же основание. Идентичность оснований всех принимаемых во внимание оценок

⁴ В этом отношении логика оценок не отличается от других разделов модальной логики, операторы которых являются пропозициональными. Например, в утверждении «невозможно построить вечный двигатель» речь идет не о предложении «вечный двигатель построен», а о свойствах реальных вещей, исключаящих создание вечного двигателя. Построение такого двигателя оставалось бы невозможным и в том случае, если бы вообще не существовало языка и приведенное утверждение не могло бы быть сформулировано. В утверждении «я знаю, что Варшава стоит на Висле» говорится не о предложении «Варшава стоит на Висле», а о реальном отношении между Варшавой и Вислой. Данное утверждение могло бы быть высказано и теми, кто не имеет представления о том, что такое предложение. Сходным образом высказывание « p лучше q » означает, что предложение p лучше предложения q ; в этом высказывании сопоставляются не предложения, а описываемые ими ситуации (см. в этой связи [143, стр. 218—219] и [64, стр. 136]).

позволяет избежать явного упоминания этих оснований при формулировке оценок.

Следует проводить различие между двумя видами: тем, какими оценки являются сами по себе, и тем, как они рассматриваются логикой оценок. Всякая оценка имеет основание. И если в логике оценок оценки обсуждаются без учета их оснований, то это не свидетельствует об отказе (некоторым по меньшей мере) оценкам в наличии оснований; мы отвлекаемся не от оснований вообще, но лишь от различия оснований. Данное обстоятельство необходимо учитывать при истолковании законов логики оценок.

Возьмем для примера формулу $\sim(Gp \& G \sim p)$. Указывалось, что выражения Gp и $G \sim p$ представляют оценки одного и того же субъекта. Теперь мы подчеркнем, что представляемые этими выражениями оценки являются сверх того оценками, имеющими одно и то же основание. В противном случае нетрудно найти примеры, противоречащие рассматриваемой формуле. Невозможно, чтобы два противоположных состояния являлись добром для одного и того же субъекта в одном и том же отношении. Но нет ничего невозможного или иррационального в допущении положительной оценки таких состояний, если они рассматриваются с разных точек зрения.

Оценки различаются от субъекта к субъекту. Изменение основания оценки может изменить ее характер таким образом, что она окажется противоположным исходному. Оценки являются сверх того относительными еще и в том смысле, что они изменяются с течением времени. Мы будем отвлекаться от этого обстоятельства. Совокупность оценок, фигурирующая в каком-либо рассуждении, будет рассматриваться как совокупность одновременных оценок или как совокупность оценок, не изменяющихся на протяжении рассуждения. Этим не подвергается, конечно, сомнению изменчивость оценок со временем.

Такова вкратце природа абстракций, лежащих в основании логических теорий оценочного рассуждения⁵.

⁵ Абстракции, используемые в логике сравнительных оценок, не отличаются в принципе от только что описанных абстракций логики абсолютных оценок.

Следует отметить, что разными авторами налагаются разные ограничения на класс рассматриваемых оценок. Во всех имеющихся логиках оценок предполагается единственность оценивающего субъекта и отсутствуют в соответствии с этим переменные для имен или описаний субъектов. Никем не вводились также переменные для оснований оценок. Вопрос об абстракциях, касающихся оснований, вообще ранее не обсуждался. Нельзя понять, предполагается ли существующими логикой оценок, что описания оснований оценок включаются в описания предметов этих оценок, или же эти логики исходят из предположения об идентичности оснований всех оценок и, избегая неоправданного усложнения символики, не вводят специальных символов для обозначения оснований. Ограничение сравнительных оценок оценками состояний принимается С. Халлденом [76], Г. фон Райтом [198], Р. Чизомом и Э. Соса [50], [51]. В работах других авторов не налагается каких-либо ограничений на множество объектов, над которыми определено отношение превосходства (предпочтения).

2. Одним из первых занялся проблематикой логики оценок Э. Гуссерль. В «Этических исследованиях», фрагменты из которых были опубликованы сравнительно недавно (см. [154]), он отстаивал необходимость разработки этого раздела логики⁶ и сформулировал ряд законов логической теории абсолютных оценок.

Замечания Гуссерля по поводу логических связей оценочных понятий были исследованы и систематизированы Е. Калиновским в работе «Логика ценностей Эдмунда Гуссерля» [94]. Излагая далее идеи Гуссерля, мы основываемся на этой работе.

То, что Гуссерль называл логикой ценностей, а также аксиологической логикой или формальной аксиологией, может быть сопоставлено с тем, что мы имеем в виду под логикой абсолютных оценок. Формулируя принципы своей логики, Гуссерль пользовался обычным языком, дополненным символами именных переменных, представляющих конкретные ценности. Для записи этих принципов мы воспользуемся, подобно Калиновскому, символическим языком, сопровождая символические формулировки их переводами на обычный язык.

Переменные a и b представляют далее произвольные аксиологические объекты из определенной аксиологической области, константа O указывает на принадлежность рассматриваемого объекта к такой области. Выражение Oa может читаться как « a является объектом некоторой аксиологической области». Символ G обозначает «позитивную ценность» («хорошо»), H — «негативную ценность» («плохо»), I — «аксиологически безразличное». Помимо этих трех выражений Гуссерль пользовался также выражением «ценность», подразумевая под ним «позитивную или негативную ценность», и выражением «ценность в узком смысле», отождествляя его с «позитивной ценностью». Первое выражение мы обозначаем символом V , второе — символом V^r .

Калиновский, передавая указанные Гуссерлем законы логики ценностей, проводит различие между четырьмя типами отрицания: (1) отрицанием суждения, (2) отрицанием общего имени, приложимым к аксиологическим предикатам G, H, I, V , (3) отрицанием общего имени, ограниченным аксиологическими предикатами G, H, V^r и (4) аксиологическим отрицанием, которое приложимо к именам объектов и результат применения которого зависит от внешних с точки зрения логики обстоятельств. Для первого из этих отрицаний мы используем символ $\sim$, для второго — $\bar{N}$, для третьего — $\bar{N}$ и для четвертого — $\bar{N}$. В обычном языке первое и второе из этих отрицаний можно передать фразой «неверно, что...» («неверно, что этот человек убит», «неверно, что убийство есть добро», «неверно, что наказание убийцы есть зло», «неверно, что преступление безразлично для общества», «неверно, что преступление является ценностью»). Третье отрицание можно попытаться передать с по-

⁶ Необходимо отметить, что понимание логики ценностей, или формальной аксиологии, характерное для Гуссерля, принципиально отличается от нашего понимания логики оценок, или формальной аксиологии.

мощью приставки «не». Например, отрицание предиката G (т. е. выражение $\bar{N}G$) можно прочесть как «нехорошо», отрицание H — как «неплохо». Примерами пар понятий, одно из которых является аксиологическим отрицанием другого, могут служить «справедливость — несправедливость», «убийство — уважение к человеку», «забота о близких — пренебрежение нуждами близких» и т. п.

Логика ценностей Гуссерля, как она представлена в опубликованных фрагментах его рукописи, содержит три вида тезисов: законы, характеризующие логические отношения между аксиологическими предикатами G, H, I, O, V, V^r , законы «производных ценностей» и закон аксиологического отрицания. Отношения аксиологических предикатов определяются, по мысли Гуссерля, следующими принципами.

$$T1. Oa \supset Ga \vee Ha \vee Ia,$$

«если предмет a является объектом некоторой аксиологической области, то он или хорош, или плох, или аксиологически безразличен»;

$$T2. Oa \supset Va \vee Ia,$$

«если a есть объект аксиологической области, то он или представляет ценность (позитивную или негативную) или аксиологически безразличен». Тезис $T2$ может быть выведен из тезиса $T1$ с помощью определения

$$D1. Va = O_1Ga \vee Ha,$$

«нечто является ценностью в том и только том случае, если оно или хорошо, или плохо», иными словами, «ценностью является то, что представляет собой позитивную или негативную ценность».

$$T3. Ga \supset \sim Ha,$$

$$T4. Ha \supset \sim Ga,$$

«если некоторый предмет хорош, то он не может быть плох» и «если что-то является плохим, то оно не может быть хорошим». Эти два принципа можно суммировать такими словами: «ничто не является хорошим и плохим одновременно».

$$T5. Va \supset \sim NVa,$$

«если что-то является ценностью, то неверно, что оно не представляет ценности».

$$T6. Va \vee NVa,$$

«всякий предмет или имеет ценность или не обладает ею».

$$T7. \sim (Va \& NVa),$$

«ничто не может быть ценностью и одновременно не быть ею».

Калиновский полагает, что следующие определения подтверждаются текстами Гуссерля:

$$D2. NVa =_{df} Ia,$$

«не быть ценностью в широком смысле (т. е. не являться ни позитивной, ни негативной ценностью) значит быть аксиологически безразличным»;

$$D3. NVa =_{df} \sim Va,$$

$$D4. NV'a =_{df} Ha \vee Ia,$$

«не быть ценностью в узком смысле (т. е. не являться позитивной ценностью) значит быть или негативной ценностью, или аксиологически безразличным», иначе говоря: «не являющееся хорошим есть или плохое, или безразличное»;

$$D5. NV'a =_{df} \sim V'a,$$

$$D6. \bar{N}V'a =_{df} Ha,$$

$$D7. \bar{N}Ga =_{df} Ha.$$

Последнее определение можно было бы передать так: «являющееся нехорошим есть плохое».

Указанные теоремы и определения очевидным образом связаны с такими теоремами:

$$T8. V'a \equiv \sim \bar{N}V'a \& \sim Ia,$$

$$T9. Ga \equiv \sim \bar{N}Ga \& \sim Ia,$$

$$T10. Ga \equiv \sim Ha \& \sim Ia,$$

«некоторый объект хорош, если и только если неверно ни то, что он плох, ни то, что он безразличен».

Если допустить, что рассуждение ограничено рамками некоторой аксиологической области, то окажутся верными следующие утверждения об объектах этой области:

$$T11. Ga \vee Ha \vee Ia,$$

«всякий предмет или хорош, или плох, или аксиологически безразличен»;

$$T12. \sim Ga \supset Ha \vee Ia,$$

«не являющееся хорошим есть или плохое, или безразличное»;

$$T13. \sim Ha \supset Ga \vee Ia,$$

«не являющееся плохим есть или хорошее, или безразличное»;

$$T14. \sim Ia \supset Ga \vee Ha,$$

«если неверно, что данный предмет безразличен, то он или хорош, или плох»;

$$T15. \sim Ha \& \sim Ia \supset Ga,$$

«если нечто не является ни плохим, ни безразличным, то оно хорошо»;

$$T16. \sim Ga \& \sim Ha \supset Ia,$$

«не являющееся ни хорошим, ни плохим безразлично» и т. п.

Гуссерлем были сформулированы четыре закона производных ценностей. Для символического представления этих законов введем символы:

ex — пропозициональный функтор, аргументом которого является имя конкретного объекта, принадлежащего прямо или косвенно к некоторой аксиологической области; выражение *exa* может читаться как «*a* существует»;

ex — пропозициональный функтор той же семантической категории; *exa* означает «*a* не существует»;

imp — «невозможно, что...»;

nes — «необходимо, что...».

Первый закон производной ценности звучит так: «если *a* есть ценность в узком смысле (позитивная ценность) и существование *b* влечет существование *a*, то *b* также является позитивной ценностью»; символически:

$$T17. V'a \& (exb \supset exa) \supset V'b.$$

Данная символическая формулировка не вполне адекватно передает мысль Гуссерля. Он явно утверждал, что отношение между *b* и *a* является отношением причины и следствия: существование *b* каузально обуславливает существование *a*. В теореме же T17 это каузальное отношение передается с помощью материальной импликации, представляющей собой гораздо более широкое отношение, чем отношение между причиной и ее следствием.

Второй закон, касающийся производных ценностей, таков: «если *a* есть позитивная ценность и существование *b* каузально обуславливает несуществование *a*, то *b* является негативной ценностью», или короче: «вещь является плохой, если она исключает существование хорошей вещи». Символически этот закон можно представить так:

$$T18. V'a \& (exb \supset \bar{ex}a) \supset Hb.$$

Здесь опять-таки должно быть оговорено несоответствие материальной и каузальной импликаций.

Третий закон Гуссерля сходен по своему содержанию с его вторым законом: «если *a* есть позитивная ценность и невозможно, чтобы *a* и *b* существовали вместе, то *b* является негативной ценностью». Этому закону можно дать также такую словесную форму-

лировку: «если две вещи не могут сосуществовать и одна из них является хорошей, то вторая должна быть плохой». Символически:

$$T19. \forall a \& \text{imp} (exa \& exb) \supset Hb.$$

Последний из законов, характеризующих производные ценности, напоминает первый закон и говорит: «если a есть позитивная ценность и a и b с необходимостью существуют одновременно, то b также является позитивной ценностью»; символически:

$$T20. \forall a \& \text{nes} (exa \& exb) \supset \forall b.$$

Закон аксиологического отрицания в формулировке Гуссерля звучит так: «если то, что S есть P , есть ценность, то является не-ценностью⁷ то, что S не есть P ». Полагая, что a обозначает суждение « S есть P », $\bar{a}$ — суждение « S не есть P », Калиновский передает символически этот закон так:

$$T21. \forall a \supset \bar{N}\bar{a},$$

«если a есть позитивная ценность, то не- a (т. е. состояние, противоположное состоянию a) есть негативная ценность». С помощью этого закона можно получить принцип

$$T22. Ga \supset H\bar{a},$$

«если a хорошо, то не- a плохо».

Гуссерль мог бы принять, полагает Калиновский, такие законы:

$$T23. H\bar{a} \supset Ga,$$

$$T24. Ga \equiv H\bar{a},$$

$$T25. Ha \equiv G\bar{a},$$

$$T26. Ia \equiv I\bar{a}.$$

Примеры, приводимые к трем последним законам в [94, стр. 277], таковы: «справедливость является благом, если и только если несправедливость есть зло», «убийство человека является злом, если и только если уважение к человеческой жизни является благом» и «курение в купе для курящих является аксиологически безразличным в том и только том случае, когда некурение в этом купе аксиологически безразлично».

3. Предпринятая Калиновским реконструкция утверждений Гуссерля, относящихся к логике абсолютных оценок, показывает, что «Этические исследования» Гуссерля являются богатым источником идей о логических свойствах «добра» и «зла», «хорошего»

⁷ Термин «не-ценность» мы используем в качестве русского эквивалента выражений «nicht ein Wert» и «Unwert», употребляемых Гуссерлем.

и «плохого». Многие принципы, указанные Гуссерлем, будут приняты нами в качестве теорем логики абсолютных оценок. Таковы, в частности, принципы T1—T4 и T11—T16. Целый ряд утверждений нашей системы будет находиться в прямой связи с принципами T6—T7 Гуссерля и его определениями D1—D7. Подобно Гуссерлю мы будем определять «аксиологически безразличное» как не являющееся ни добром, ни злом, ни положительной, ни отрицательной ценностью. Вслед за ним мы попытаемся выявить логические законы, включающие понятие производной ценности (гл. 5).

Многие предложения Гуссерля нуждаются, однако, в упрощении и уточнении. Нет необходимости вводить в число исходных понятий логики абсолютных оценок понятие ценности в широком смысле (позитивной или негативной ценности). Оно определимо в терминах добра и зла:

$$\forall a = {}_D G a \vee H a.$$

Нет нужды также во введении особого символа для ценности в узком смысле (позитивной ценности). Быть позитивно ценным значит быть добром и использование символа $\forall$ наряду с символом G является неоправданным усложнением.

Необходим, далее, тщательный анализ поведения отрицания в аксиологических контекстах. Калиновский, стремясь возможно более точно передать мысли Гуссерля, вводит четыре типа отрицания. Между ними нелегко провести различие и формулы, включающие их, зачастую не удается удовлетворительно перевести на обычный язык. Кажется, что для адекватного символического представления утверждений Гуссерля о «дobre», «zle» и связанных с ними понятиях достаточно двух типов отрицания: сильного и слабого. Обозначим первое из них символом $\bar{\bar{}}$, второе — символом $\sim$. Оба они являются пропозициональными отрицаниями, т. е. отрицаниями высказываний. Слабое отрицание высказывания p , субъектом которого является S , а предикатом — P , можно передать как «неверно, что S есть P ». Сильное отрицание этого высказывания означает, что S есть не- P . Очевидно, что $\bar{\bar{p}}$ (« S есть не- P ») имплицирует $\sim p$ («неверно, что S есть P »). Присмелость обратной импликации зависит от целого ряда допущений, не принимавшихся, как кажется, Гуссерлем. Полагая, что переменные определены не над именами аксиологических объектов, а над высказываниями о них, вводимые Калиновским отрицания $\sim$ и $\bar{\bar{}}$ можно отождествить со слабым отрицанием $\sim$, а отрицания $\bar{\bar{}}$ и $\bar{\bar{}}$ — с сильным отрицанием $\bar{\bar{}}$.

Принципу Гуссерля, в соответствии с которым объект имеет позитивную или негативную ценность или является аксиологически безразличным, Калиновский дает условную формулировку, ограничивая применимость этого принципа объектами, принадлежащими к некоторой аксиологической области.

Аналогичное ограничение налагается Калиновским и на теоремы T12—T16. Но, формулируя определения и теоремы T8—T10,

он опускает явное указание того, что входящая в них переменная определена только над объектами, относящимися к той или иной аксиологической области. Результатом этого является то, что наряду с условными версиями принципов **T1—T2**, **T12—T16** можно получить также категорические версии этих принципов, т. е. доказать не только формулы

$$\begin{aligned} Oa \supset Ga \vee Ha \vee Ia, \\ Oa \supset (\sim Ha \supset Ga \vee Ia), \\ Oa \supset (\sim Ga \& \sim Ha \supset Ia) \end{aligned}$$

и им подобные, но и формулы

$$\begin{aligned} Ga \vee Ha \vee Ia, \\ \sim Ha \supset Ga \vee Ia, \\ \sim Ga \& \sim Ha \supset Ia, \end{aligned}$$

и т. п. Различие между формулами этих двух типов существенно. Их нельзя принять в рамках одной системы, не вводя двусмысленности в понятие «аксиологически безразличное». В **T1** под «аксиологически безразличным» понимается то, что оценивалось субъектом и было найдено им не являющимся ни положительно, ни отрицательно ценным. «Аксиологически безразличное», фигурирующее в претендующей на логическую истинность формуле

$$Ga \vee Ha \vee Ia,$$

имеет более широкий смысл. Аксиологически безразличными в этом смысле являются все объекты, не представляющие собой ни положительной, ни отрицательной ценности, независимо от того, были ли они предметом оценки субъекта или нет, принадлежат они некоторой аксиологической области или нет. Если принять первый из указанных смыслов «аксиологически безразличного», то формула

$$Ga \vee Ha \vee Ia,$$

не сопровождаемая соответствующими оговорками по поводу характера области определения входящей в нее переменной, перестанет быть логической истиной. Помимо предметов, ценностью которых интересовался субъект рассуждения, имеются также предметы, не оценивавшиеся этим субъектом; указанные в рассматриваемой формуле три возможности не исчерпывают всех возможностей. Принятие более широкого смысла «аксиологически безразличного» вступает в конфликт с содержащимся в **T1** явным указанием того, что предмет *a* относится к определенной аксиологической области.

Теоремы **T8—T10** также являются истинами логики оценок только при вполне определенном понимании «аксиологически безразличного».

4. В книге «Разновидности добра» [197] Г. фон Райт выделяет шесть различных употреблений слова «добро» («хорошо»), называемых им также «формами добра». К ним относятся: инструментальное, техническое, медицинское, утилитарное, гедонистическое употребление и употребление, связанное с характером и поведением человека («добро человека»).

Инструментальное добро приписывается главным образом утвари, инструментам и орудиям, — таким, как часы, автомобили и т. п. Эта же по существу форма добра приписывается также домашним животным — собакам, коровам, лошадям. Добро, приписываемое способам реализации чего-то, является если не идентичным, то во всяком случае тесно связанным с инструментальным. Примерами инструментальных оценок, т. е. оценок, в которых говорится об обладании или необладании некоторым предметом инструментальным добром, могут служить: «этот нож хорош», «автомобили марки *N* являются скверными» и т. п.

Техническое добро касается способности или мастерства. Обладать техническим добром — значит преуспевать в осуществлении какой-то деятельности, быть хорошим специалистом в выполнении чего-то. Можно говорить, например, о хорошем шахматисте, шофере, ораторе, генерале, ученом, артисте.

Медицинское добро — это «добро» органов тела и способностей ума. С ним мы имеем дело, говоря о хороших (в медицинском смысле) глазах, хорошем сердце, хорошей памяти и т. п.

Утилитарное употребление имеет место в тех случаях, когда речь идет о пригодности или полезности рассматриваемого объекта для определенной цели. К этому употреблению относится использование слова «хороший» в выражениях типа «хорошая возможность», «хороший план», «хороший случай», «хорошие новости» и т. п. Подформой утилитарного добра является «благотворное» (beneficial) добро. Последнее является добром для некоторого существа. Оно может быть отлучено от «просто полезного» указанием того, что к полезному относится все способствующее достижению любой цели или результата, в то время как благотворным является только ведущее к особой цели, а именно к добру некоторого существа. Все, что является благотворным, есть также полезное, но не наоборот. Наряду с благотворными существуют также «просто полезные» вещи.

Гедонистическое добро совпадает примерно с тем, что в обычном языке обозначается словом «удовольствие». Слово «хороший» употребляется в гедонистическом смысле в таких выражениях, как «хороший запах или вкус», «хороший обед», «хорошая шутка», «хорошее время», «хорошая погода». Полезное и его подформа — благотворное — связаны с тем, что человек хочет и в чем он нуждается. Гедонистическое добро представляет то, что человек любит и чем он наслаждается.

Примерами употреблений слова «хороший» применительно к характеру и поведению человека могут служить «хо-

роший мотив», «хорошее намерение», «хороший поступок». Классическим примером приписывания добра данной формы является «добрая воля», о которой утверждалось, что это — единственная вещь в мире, являющаяся «добром без квалификации и ограничения».

Фон Райт не дает никаких определений перечисленных форм добра, ограничиваясь короткими приблизительными разъяснениями и примерами. Он не утверждает также, что этими формами исчерпываются все возможные формы добра, допуская, что имеются употребления «добра», полностью или частично выпадающие из предлагаемой им классификации.

Работа фон Райта посвящена логическому или, как он еще выражается, концептуальному анализу употреблений «добра». Однако его понимание «логического анализа разновидностей добра» важным образом отличается от принятого нами понимания формальнологического анализа оценочных понятий. Следствием этого расхождения в истолковании природы и задач логического исследования является то, что в работе фон Райта нет «логики добра» в нашем смысле. Тем не менее, его работа представляет для нас определенный интерес. В ней скрупулезно описываются различные нюансы в разнообразных употреблениях оценочных понятий и выявляются связи между этими употреблениями. Отдельные замечания касаются непосредственно формальнологического поведения оценочных терминов. На этих замечаниях мы и остановимся сейчас.

Фон Райт полагает, что «хороший» и «плохой», употребляемые в инструментальном смысле, являются не контрарно, а контрадикторно противоположными. Быть инструментально хорошей вещью значит хорошо служить выполнению определенных функций, а именно функций, существенно связанных с вещами того вида, к которому относится оцениваемая вещь. Например, некоторый предмет является хорошим ножом, если он является ножом и сверх того выделяется среди других ножей качествами, позволяющими ему лучше других справиться с требованиями, предъявляемыми обычно к ножам. О ноже, не выполняющем своего назначения, естественно утверждать, что он является плохим с точки зрения своей цели. Эту оценку можно выразить также более коротко с помощью высказывания «данный нож плох». При этом будет подразумеваться, как это делается обычно, что рассматриваемый нож лишен достоинств, требуемых именно от ножей, а не от вещей иного типа. В общем случае инструмент, определенно не выполняющий свои характерные функции, является плохим с точки зрения этих функций, или просто плохим.

Сомнения в контрадикторной противоположности инструментальных употреблений «добра» и «зла» могут быть обусловлены тем, что во многих случаях трудно решить, является ли данная вещь несомненно хорошей для выполнения своей цели или нет. Но отсутствие границы между инструментальным добром и инст-

рументальным злом не кажется фон Райту достаточным основанием для утверждения, что эти понятия только контрарно, а не контрадикторно противоположны.

Он отмечает также, что отрицание высказывания « x является хорошим K » можно интерпретировать двояко. То, что x не является хорошим экземпляром вещей вида K , может означать, что x вообще не есть K и, следовательно, не может быть также хорошим K , или что x является K , хотя и не хорошим представителем вещей этого вида. Если принимается первое истолкование, то « x не является хорошим K » не влечет « x является плохим K » [197, стр. 23—24].

Из положения фон Райта о контрадикторной противоположности «хорошего» и «плохого» («добра» и «зла»), употребляемых в инструментальном смысле, следует, что инструментальное добро и инструментальное зло определены в терминах друг друга. Используя для обозначения первого из них символ G_i и для обозначения второго — H_i , эти определения можно записать так:

$$H_i p = D_i \sim G_i p,$$

«быть инструментально плохой вещью значит не быть инструментально хорошей вещью»;

$$G_i p = D_i \sim H_i p,$$

«инструментально хорошим является все то, что не является инструментально плохим»⁸.

Эти определения не столь очевидны, как это представляется фон Райту. Если нож, предназначенный, скажем, для разрезания книг, не справляется хорошо со своей задачей, то это еще не говорит о том, что данный нож плохо разрезает книги. Он может посредственно выполнять свои функции, т. е. не быть ни хорошим, ни плохим. Сходно, утверждение «неверно, что эта скаковая лошадь хороша» не кажется имплицитным утверждением «эта скаковая лошадь является плохой». Оцениваемая лошадь может участвовать в скачках с переменным успехом, не принося призов и вместе с тем не приходя к финишу последней. Короче говоря, далеко не очевидно, что в случае инструментальных оценок не являющееся хорошим есть с необходимостью нехорошее или плохое и не являющееся плохим обязательно есть хорошее.

Фон Райт высказывает еще одно положение, касающееся инструментальных оценок: предметы, не относящиеся к вещам вида K , не являются ни хорошими K , ни плохими K . Быть хорошим K — значит хорошо служить той цели, для которой предназначены предметы вида K ; являться плохим K — значит плохо служить этой цели. Если некоторый индивидуальный предмет x вообще не служит определенной цели, то о нем вполне можно утверждать не

⁸ Вводимая в этом разделе символика принадлежит нам. Сам фон Райт никакими символами не пользуется.

только то, что он не служит данной цели хорошо, но и то, что он не служит ей плохо [197, стр. 24].

Символически это положение можно представить следующим образом:

$$(1) \sim (x \text{ есть } K) \supset \sim (x \text{ есть } G_i K) \& \sim (x \text{ есть } H_i K)^9.$$

Здесь « x есть $G_i K$ » означает « x является инструментально хорошим K » и « x есть $H_i K$ » — « x является инструментально плохим K ».

Тот, кто склоняется к мысли, что инструменты не только хорошо или плохо выполняют свои функции, но иногда выполняют их также посредством, может предпочесть иную версию рассматриваемого положения. Он может допустить, что если предмет x не является инструментом K , то x не является ни хорошим, ни плохим, ни посредством K . Представляя оборот « x есть инструментально посредством K » с помощью « x есть $J_i K$ », этому утверждению можно дать такую формулировку:

$$(2) \sim (x \text{ есть } K) \supset \sim (x \text{ есть } G_i K) \& \sim (x \text{ есть } H_i K) \& \sim (x \text{ есть } J_i K).$$

Из положения (1) выводимо утверждение

$$(x \text{ есть } G_i K) \vee (x \text{ есть } H_i K) \supset (x \text{ есть } K),$$

«если x является инструментально хорошим или плохим K , то x является K », и утверждение

$$(x \text{ есть } G_i K) \supset (x \text{ есть } K),$$

«если x есть инструментально хорошее K , то x есть K ». Из положения (2) следует утверждение

$$(x \text{ есть } G_i K) \vee (x \text{ есть } H_i K) \vee (x \text{ есть } J_i K) \supset (x \text{ есть } K),$$

«если x есть инструментально хорошее, плохое или посредством K , то x есть K », и опять-таки утверждение

$$(x \text{ есть } G_i K) \supset (x \text{ есть } K).$$

Принятие положений типа

$$(x \text{ есть } G_i K) \supset (x \text{ есть } K), (x \text{ есть } H_i K) \supset (x \text{ есть } K)$$

связано с убеждением, что в случае инструментального употребления «добра» приписывание предмету положительной ценности означает, что он является хорошим представителем вещей *своего вида*. С этой точки зрения инструментальная оценка «это — хороший топор для колки дров» говорит о том, что оцениваемая вещь является топором для колки дров и при этом хорошим экземпляром топоров этого вида. Аналогично, оценка «это — хороший грузовой автомобиль» означает, что предметом ее является именно

⁹ В этой и подобной ей формулах знак $\supset$ представляет связь более слабую, чем связь логического следования.

грузовой автомобиль, а не иная вещь, с успехом используемая для перевозки грузов. Если слово «это» в рассматриваемой формулировке оценки указывает не на грузовой автомобиль, а, к примеру, на трактор, применявшийся вместо автомобиля для перевозки грузов, то выражаемая этой формулировкой оценка не будет являться инструментальной. В этом случае трактору приписывается *добро не своего вида*, ибо он оценивается с точки зрения стандартов, предъявляемых к грузовым автомобилям, а не к тракторам.

Фон Райт полагает, что не только инструментальные, но и технические и медицинские оценки всегда приписывают лишь добро своего вида. В этом он видит важное отличие оценок этих типов от утилитарных оценок [197, стр. 52]. Не всякое указание положительной утилитарной ценности вещи является приписыванием этой вещи добра своего вида. Говоря, что предмет x , относящийся к виду вещей K , имеет положительную утилитарную ценность с точки зрения определенной цели, мы не обязательно подразумеваем, что x является хорошим экземпляром вещей K . Он может быть плохим K , но тем не менее хорошо служить реализации рассматриваемой цели и обладать в силу этого утилитарной ценностью. Так, заявляя, что некоторый нож, благодаря своему широкому и отполированному лезвию, хорош в качестве зеркала, мы не утверждаем неявно, что этот нож является зеркалом и тем более не утверждаем, что он относится к хорошим представителям класса зеркал.

Техническое и медицинское употребление «хорошего» и «плохого» являются, согласно фон Райту, контрадикторными. В этом отношении они сходны с инструментальным употреблением и отличаются от утилитарного и гедонистического употреблений [197, стр. 35, 55, 70, 108]. Вещь, не являющаяся технически хорошей, есть технически плохая вещь, и наоборот. Эту мысль с помощью символов G_i («техническое добро»), и H_i («техническое зло») можно выразить так:

$$\sim G_i p \equiv H_i p.$$

Соответственно, то, что не может быть названо технически плохим, должно быть отнесено к технически хорошему, и наоборот. Символически:

$$\sim H_i p \equiv G_i p.$$

Техническое добро и техническое зло оказываются, таким образом, определяемыми в терминах друг друга. В соответствии с этими определениями человек, не являющийся хорошим врачом, шахматистом, администратором и т. п., есть плохой врач, шахматист, администратор и т. п., а те, кого мы не относим к плохим бегунам, ораторам, артистам и т. д., являются хорошими бегунами, ораторами, артистами и т. д. «Быть плохим или скверным K в техническом смысле, — пишет фон Райт, — значит испытывать недостаток чего-то. Человек является скверным шахматистом, плохим бегу-

ном, скверным художником, если в своей деятельности в качестве шахматиста, бегуна или художника он не достигает определенных стандартов мастерства. Он не является плохим или скверным благодаря обладанию некоторым «мастерством в обратном направлении». И только в шутку мы говорим о неисключительно художнике, что он выделяется своим плохим мастерством» [197, стр. 35].

«Плохой» орган человеческого тела функционирует таким образом, что он оказывает вредное влияние на здоровье, являясь актуальной или потенциальной причиной болезни. Ошибочно было бы, однако, утверждать, полагает фон Райт, что функционирование хорошего органа благоприятно влияет на здоровье. Говоря о хороших глазах, хороших легких и т. п., мы имеем прежде всего в виду, что они не являются плохими. «Хороший» применительно к органу тела означает то же самое, что и «находящийся в порядке», «нормальный», «являющийся таким, каким он должен быть». Органы, которые лучше нормальных, принято называть «исключительно хорошими».

Из этого анализа медицинского употребления абсолютных оценочных понятий фон Райт делает заключение, что медицинское зло является логически первичным относительно медицинского добра. При данном употреблении «добро» указывает на отсутствие, «хороший» означает здесь «не являющийся плохим», «не вызывающий жалоб». Этим медицинское употребление принципиально отличается от инструментального и технического употребления. В случае последних понятие «хороший» было позитивным термином и говорило о наличии у оцениваемого предмета определенных качеств, понятие «плохой» было негативным термином и указывало на отсутствие данных качеств¹⁰.

Положение о противоречивости «хорошего» и «плохого» в их медицинском употреблении символически представим так:

$$\sim (G_m p \& H_m p),$$

«никакой орган человеческого тела не является одновременно хорошим и плохим»;

$$\sim H_m p \supset G_m p,$$

$$\sim G_m p \supset H_m p,$$

«орган хорош, если он не является плохим» и «орган плох, если он не является хорошим».

Техническое и медицинское добро (зло) напоминает, по убеждению фон Райта, инструментальное добро (зло) и в том отноше-

¹⁰ Фон Райт замечает, что «позитивное является логически первичным относительно негативного» [197, стр. 55]. Не кажется, однако, что из этого утверждения следует, будто инструментальное и техническое зло определяемы в терминах, соответственно, инструментального и технического добра, но не наоборот. Сходным образом первичность медицинского зла и вторичность медицинского добра вряд ли означает, что только второе определяемо в терминах первого.

нии, что приписывание добра (зла) первых двух форм всегда является атрибуцией добра (зла) своего вида. Символически:

$$(x \text{ есть } G_t K) \vee (x \text{ есть } H_t K) \supset (x \text{ есть } K),$$

«если x является технически хорошим или плохим K , то x является K »;

$$(x \text{ есть } G_m K) \vee (x \text{ есть } H_m K) \supset (x \text{ есть } K),$$

«если x есть медицински хорошее или плохое K , то x есть K ». Из этих утверждений следует, что если некоторый объект не является вещью вида K , то он не может быть ни технически, ни медицински хорошим или плохим K :

$$\sim (x \text{ есть } K) \supset \sim (x \text{ есть } G_t K) \& \sim (x \text{ есть } H_t K),$$

$$\sim (x \text{ есть } K) \supset \sim (x \text{ есть } G_m K) \& \sim (x \text{ есть } H_m K).$$

Допуская возможность технически и медицински посредственных вещей, приведенные утверждения можно обобщить:

$$(x \text{ есть } G_t K) \vee (x \text{ есть } H_t K) \vee (x \text{ есть } J_t K) \supset (x \text{ есть } K),$$

$$(x \text{ есть } G_m K) \vee (x \text{ есть } H_m K) \vee (x \text{ есть } J_m K) \supset (x \text{ есть } K),$$

$$\sim (x \text{ есть } K) \supset \sim (x \text{ есть } G_t K) \& \sim (x \text{ есть } H_t K) \& \sim (x \text{ есть } J_t K),$$

$$\sim (x \text{ есть } K) \supset \sim (x \text{ есть } G_m K) \& \sim (x \text{ есть } H_m K) \& \sim (x \text{ есть } J_m K).$$

В последних четырех формулах « x есть $J_t K$ » означает « x является технически посредственным K », а « x есть $J_m K$ » — « x является медицински посредственным K ».

Гедонистическое добро совпадает примерно с удовольствием. Последнему обычно противопоставляются неудовольствие и страдание. «Удовольствие» и «страдание» не противоречивы; они не являются, утверждает фон Райт, даже контрадными. Но «приятное» и «неприятное», подобно «приятному» и «причиняющему страдание», контрадны. Если рассматривать то, что причиняет страдание, как подформу неприятного, то можно сказать, полагает фон Райт, что «причиняющее страдание» является более строгой противоположностью для «приятного», чем «неприятное». Он отмечает также, что «между приятным и неприятным существует область подлинно оценочно безразличных состояний, а не просто состояний, которые не удается классифицировать из-за их неясности» [197, стр. 70]. Этим гедонистическое добро и зло отличаются от инструментального, технического и медицинского добра и зла.

Обозначим гедонистическое добро символом G_h , гедонистическое зло — символом H_h , гедонистически безразличное — символом J_h . Положения фон Райта о формальнологических свойствах гедонистических оценочных понятий можно символически представить так:

$$\sim (G_h p \& H_h p),$$

«гедонистическое добро и гедонистическое зло контрарно противоположны» или «ничто не может доставлять одновременно удовольствие и страдание» (здесь, конечно, подразумевается, что положительная и отрицательная оценки принадлежат одному и тому же субъекту и имеют одно и то же основание);

$$G_{up} \vee H_{up} \vee I_{up},$$

«всякий предмет, имеющий гедонистическую ценность, или доставляет удовольствие, или причиняет страдание, или является гедонистически безразличным» (слово «ценность» понимается здесь в наиболее широком смысле).

Полутехническому термину «утилитарное добро» в естественном языке соответствует слово «полезное». Что является в этом языке аналогом второго полутехнического термина, а именно «утилитарного зла»? Фон Райт указывает, что одной из противоположностей полезного служит бесполезное. Утверждение, что какая-то вещь бесполезна, может пониматься двояко. Оно может означать, что рассматриваемая вещь вообще ни для чего не пригодна, или что она не может быть использована для вполне определенной цели. Если «полезное» имеет смысл «хорошее для этой цели» («такое, которое может быть использовано для этой цели»), а «бесполезное» означает «не являющееся хорошим для данной цели» («то, что невозможно использовать для данной цели»), то «полезность» и «бесполезность» контрардикторны, а не просто контрарны [197, стр. 45].

Другой противоположностью полезного является вредное. Некоторый предмет полезен для достижения определенной цели, если он каузально связан с этой целью таким образом, что приближает нас к ней или во всяком случае не позволяет нам удалиться от нее. Предмет вреден с точки зрения заданной цели, если он таким образом каузально связан с рассматриваемой целью, что способен удалить нас от нее или по меньшей мере не позволяет нам приблизиться к ней. Ясно, что «полезное» и «вредное» только контрарно, а не контрардикторно противоположны. Между тем, что полезно для реализации определенной цели, и тем, что вредно для нее, лежит область вещей, не способствующих и не препятствующих достижению этой цели, область безразличных с точки зрения этой цели вещей¹¹.

Пусть символ G_u представляет «полезное» («утилитарное добро»), H_u — «вредное» («утилитарное зло»), I_u — «утилитарно безразличное» и $\bar{G}_u$ — «бесполезное». Приведенные положения об утилитарных оценочных понятиях можно сформулировать теперь следующим образом:

$$G_{up} \vee H_{up} \vee I_{up},$$

¹¹ Если допускается, что все каузально связано и не существует независимых друг от друга причинных цепей, то нужно признать, что не имеется утилитарно безразличных вещей. Любая вещь в этом случае так связана с любой целью, что или способствует, или препятствует осуществлению этой цели.

«всякая вещь, ставшая предметом утилитарной оценки, или полезна, или вредна, или утилитарно безразлична с точки зрения достижения рассматриваемой цели»;

$$\sim (G_{up} \& \bar{G}_{up}),$$

«ничто не может быть одновременно полезным и бесполезным для достижения одной и той же цели»;

$$G_{up} \vee \bar{G}_{up},$$

«каждая вещь или полезна, или бесполезна с точки зрения рассматриваемой цели». Естественно допустить, что «бесполезное» есть то же, что и «утилитарно безразличное или вредное»; символически:

$$\bar{G}_{up} \equiv I_{up} \vee H_{up}.$$

«Благотворное добро» является, согласно фон Райту, подформой «утилитарного добра». Используя для обозначения первого символ G_b и обозначая «благотворное зло» символом H_b и «благотворно безразличное» символом I_b , можно выдвинуть в качестве законов логики утилитарного добра следующие тезисы:

$$G_{bp} \supset G_{up},$$

«все благотворное — полезно»;

$$H_{bp} \supset H_{up},$$

«если вещь является благотворным злом, то она является также утилитарным злом»;

$$(\exists p) (G_{up} \& \sim G_{bp}),$$

«некоторые полезные вещи не являются благотворными»;

$$(\exists p) (H_{up} \& \sim H_{bp}),$$

«существуют вредные вещи, не являющиеся благотворным злом».

От благотворного фон Райт отличает *нужное*, определяемое им как то, отсутствие или утрата которого является злом. Благотворное и вредное контрарно противоположны. Если *не-р* является вредным, то из этого не следует, что *р* благотворно, и наоборот. «Нужное» и «вредное» — контрардикторно противоположны. Если *не-р* вредно, то *р* является нужным, и наоборот [197, стр. 108]. Мы не будем вводить особого символа для «нужного».

5. В условиях отсутствия работ, специально посвященных логике абсолютных оценок, даже разрозненные замечания о логических свойствах добра, зла и связанных с ними понятий представляют известный интерес. Наше обостренное внимание к рассматривавшейся в предыдущем разделе работе Г. фон Райта объяс-

няется, однако, не только и не столько стремлением систематизировать его утверждения, прямо касающиеся логического поведения абсолютных оценочных понятий, и желанием придать этим утверждениям удобные и лишённые двусмысленностей символические формулировки. Работа фон Райта интересна прежде всего анализом конкретных форм добра. В дальнейшем мы будем заниматься добром и злом, хорошим и плохим вообще. Логика абсолютных оценок, излагаемая далее, является логикой добра и зла всякой формы. Ею систематизируются те логические свойства оценочных понятий, которыми эти понятия обладают при всяком своем употреблении, в любой сфере своего приложения. Различия между смыслами или употреблением «добра» и, соответственно, смыслами «зла» остаются вне рамок этой логики. Ее утверждения, подобные «ничто не является хорошим и плохим одновременно», «противоположные состояния не могут быть оба хорошими или оба плохими», справедливы для любого из конкретных смыслов «хорошего» и «плохого». Предлагаемая нами логическая теория абсолютных оценок описывает только те логические свойства «добра» и «зла», которые являются общими для всех разнообразных и разнородных употреблений этих понятий.

Обсуждение фон Райтом различий между разными употреблением абсолютных оценочных понятий, выявление им логической специфики этих употреблений может рассматриваться как продолжение и конкретизация нашего абстрактного анализа «добра» и «зла». Исследование форм добра позволяет наполнить конкретным содержанием абстрактные политехнические термины «добро» и «зло». Оно показывает, например, что «добро» и «зло», используемые для характеристики связи целей и средств их достижения, совпадают по своим значениям с «полезным» и «вредным», соответственно, что слово «добро», употребляемое в гедонистическом смысле, означает «удовольствие», а «зло» — «страдание» и т. п.

С другой стороны, положения, касающиеся конкретных форм добра, могут использоваться для расширения той части логики оценок, которая является общей для всех употреблений «хорошего» и «плохого». С помощью этих положений из общей логики добра или логики абстрактного добра могут быть получены логические теории конкретных форм добра: логика инструментальных оценок, логика утилитарных оценок, логика гедонистических оценок и т. д. Некоторые из этих возможных расширений общей логики добра будут поминаться нами в дальнейшем.

6. Желания являются одним из видов оценок. Работы, написанные на тему так называемой оптативной логики, или логики желаний¹², должны быть отнесены поэтому к логике

¹² Логическая теория желаний не является логикой так называемых оптативных предложений, с помощью которых обычно выражаются желания. Если это учитывается и термин «оптативная логика» не вызывает ошибочных представлений об объекте, исследуемом этой логикой, то он может использоваться наравне с термином «логика желаний».

оценок¹³. Эти работы немногочисленны и сейчас мы дадим краткое представление о достигнутых в них результатах.

Во второй части опубликованной в 1939 г. работы [115] К. Менгером обсуждались логические характеристики желаний и команд. Им рассматривались, в частности, такие вопросы: влечет ли высказывание «я хочу сигарету и спички» высказывание «я хочу спички» и следует ли из высказываний «я хочу иметь кошку» и «я хочу иметь собаку» высказывание «я хочу иметь кошку и собаку». На оба эти вопроса Менгер отвечал отрицательно. Им была сформулирована оптативная логика путем введения в булеву алгебру трех бинарных оптативных операций (или отношений): D , I и E . Выражения pDq , pIq и pEq интерпретировались соответственно как «если p , то q я предпочитаю не- q », «если p , то q и не- q являются одинаково ценными для меня» и «если p , то не- q я предпочитаю q »¹⁴.

Ф. Фитчем было предложено определение оборота «желает» в терминах «полагает», «способен сделать», «стремится к» и «является частичной причиной» [64]. Согласно этому определению некоторый неспецифицированный субъект желает наступления ситуации p , если и только если существует такая, возможно отличная от p , ситуация q , что убеждение этого субъекта в своей способности реализовать ситуацию $p \& q$ является частичной причиной его стремления к данной конъюнкции ситуаций. «Способность» определяется Фитчем в терминах стремления и частичной причины. Желание оказывается, таким образом, определенным, в конечном счете, в терминах веры, стремления и частичной причины. Принимаемые Фитчем утверждения о логических свойствах последних понятий позволяют ему показать, что «желание» является замкнутым относительно исключения конъюнкции. Используя выражение G_0p для представления оборота « p желательно», это следствие можно символически записать так:

$$G_0(p \& q) \rightarrow G_0p \& G_0q$$

(знак $\rightarrow$ представляет строгую импликацию Льюиса). Фитч высказывает сверх того предположение, что конверсия этого закона также является законом логики желаний:

$$G_0p \& G_0q \rightarrow G_0(p \& q).$$

¹³ Авторы этих работ не отдают отчета в том, что исследуемые ими выражения желаний являются оценками. Исключением является только Г. фон Райт, прямо указывающий, что «желаемое» и «нежелаемое» относятся к оценочным понятиям, и отмечая лишь, что понятие «вещи, желаемой сама по себе» (т. е. желаемой безотносительно к действиям, которые необходимо предпринять для ее получения, и безотносительно к следствиям, которые вызовет обладание ею) является ближайшим эквивалентом понятия «внутренне ценной вещи», широко используемого Д. Муром и другими этиками [197, стр. 103].

¹⁴ Истолкование Менгером выражений pDq , pIq и pEq в терминах «предпочтения», являющегося сравнительным оценочным понятием, не исключает возможности интерпретации этих выражений с помощью абсолютных оценочных понятий. Например, pDq может читаться как «в ситуации p q является добром», pIq как « q безразлично с точки зрения p » и pEq как « q есть зло в ситуации p ».

В работе [33] Л. Аквист привлек внимание к возможным переинтерпретациям деонтической логики, позволяющим получить ряд систем, которые могут быть объединены под общим именем «атеоретической логики». Эта логика представляет собой, по мысли Аквиста, совокупность логических систем, имеющих дело с выражениями, не обладающими истинностным значением. Таковы, например, предложения, выражающие обещания, намерения, желания, команды и т. п. Используемая Аквистом деонтическая логика отличается от деонтической логики Г. фон Райта 1951 г. [194] только иной интерпретацией переменных¹⁵ и принятием в качестве исходного оператора O (обязательно), а не P (разрешено) (и, соответственно, обусловленной последним незначительной модификацией аксиом и правил). В одной из рассматриваемых Аквистом пяти интерпретаций формула Op предполагается выражающей желание, чтобы имело место p , и может читаться как «я хочу, чтобы p » или просто «я хочу p ». Такая интерпретация дает логику желаний.

В работе [45]¹⁶ Э. Н. Кастанеда наряду с описательными, нормативными и императивными предложениями вводит новый тип выражений, называемых им «финитивами». Финитивы являются формулировками намерений или целей. Примерами их могут служить такие предложения обычного языка, как «я не хочу, чтобы мой сын стал врачом», «если они не идут в кино, то они хотят идти в театр». Финитивы должны пониматься не как чистые описания психических состояний или процессов, а как проявления чего-то, подобного желаниям. Они отличаются, однако, от «оптативов» тем, что являются истинными или ложными. В логической теории финитивов, которую Кастанеда только набрасывает, не развивая деталей, финитивы образуются помещением перед описательным предложением оператора W , сопровождаемого переменным или собственным именем субъекта. Пять аксиом, дающих имплицитное определение этого оператора, присоединяются к аксиомам логики норм. Аксиомами являются, в частности, формулы

$$Wxp \supset \sim Wx \sim p,$$

$$Wxp \& Wxq \supset Wx(p \& q),$$

в которых p и q представляют описательные предложения, а x обозначает субъекта. Характерная особенность логики финитивов состоит в том, что она позволяет получать в качестве заключений императивы. В ней считается обоснованным такой, например, вывод: «если это растение не поливать, то оно не будет расти; но вы хотите, чтобы оно росло; следовательно, поливайте его».

¹⁵ Переменные логики фон Райта определены над действиями-категориями, такими, как «убийство» и т. п., противопоставляемыми действиям-индивидам, подобным «убийству Цезаря Брутом»; Аквист считает переменные определенными над высказываниями.

¹⁶ Эта работа известна нам лишь по рецензии [170].

Из других работ, в которых обсуждаются логические свойства желаний, упоминания заслуживает книга Г. фон Райта «Разновидности добра» [197, стр. 103—108 и др.]. Фон Райт не строит, однако, никакой формальной системы, понятие желания обсуждается им в более общем контексте «добра человека».

7. Таково, в общем, то, что сделано, насколько нам известно, к настоящему времени в области исследования формальных свойств желаний. Как видно из приведенного обзора, имеется широкое расхождение взглядов по поводу того, что является и что не является логической истиной, содержащей понятие желания. Менгер отвергает как формулу

$$G_0(p \& q) \supset G_0p \& G_0q,$$

так и

$$G_0p \& G_0q \supset G_0(p \& q).$$

Кастанеда принимает аналог второй из этих формул. У Фитча первая из них является теоремой, а вторая — формулой, которая возможно могла бы считаться логической истиной о желании или о некоторой его разновидности. И наконец, Аквист принимает обе приведенные формулы.

Одной из причин этих разногласий является неясность подвергаемого анализу понятия желания. Имеются различные типы или виды желаний (или различные употребления слова «желание»), и есть основания думать, что желания разных типов обладают разными формальными свойствами. Логическое исследование желания должно с необходимостью предваряться проведением четких границ между желаниями разных типов и ясной характеристикой рассматриваемого типа желания. О существовании «разновидностей» желания говорит Фитч. Полемизируя с Менгером, Аквист утверждает, что можно хотеть сигарету и спички без желания одного из них самого по себе, т. е. без желания сигареты без спичек и спичек без сигареты, но что тем не менее очевидно, что если я желаю получить обе эти вещи, то я должен хотеть получить каждую из них в отдельности, хотеть в некотором смысле, отличном от того, в каком можно хотеть получить их вместе. Но что представляют собой эти «разновидности» или «смыслы» желания, не уточняют ни Фитч, ни Аквист.

Еще одна ограниченность указанных подходов к логике желаний состоит в том, что рассматривается только желаемое. Но очевидно, что существует не только желаемое, но и нежелательное или нежелаемое, а также безразличное, т. е. не являющееся ни желаемым, ни нежелательным. Имеются определенные законы, связывающие эти понятия. Можно, например, аргументировать, что является логической истиной утверждение, согласно которому всякая вещь либо желательна, либо нежелательна, либо безразлична (для одного и того же произвольного субъекта, в одно и то же время и с одной и той же точки зрения). Далее, определимо ли

нежелание в терминах желания? Можно предполагать, что да, имея в виду такое, в частности, определение: p является нежелательным тогда и только тогда, когда желаемым является $\neg p$. Очевидно, что логические отношения таких понятий, как «желаемое», «нежелательное» и «безразличное», должны быть центральной темой логики желаний.

С отсутствием внимания к нежелательному и безразличному связана еще одна трудность, которую отметил Аквист и которую ему не удалось преодолеть. Предложение «я хочу p » можно интерпретировать двояко: как выражающее желание, чтобы имела место ситуация, описываемая предложением p , и как выражение суждения, говорящего о том, что субъект, к которому относится «я», желает наступления ситуации, описываемой p . В первой интерпретации, называемой Аквистом внутренней, рассматриваемое предложение является выражением желания, во второй, называемой им внешней, оно описывает желание. В случае внутренней интерпретации предложение «я хочу p » выражает мое желание p и не является, согласно Аквисту, ни истинным, ни ложным. При внешней интерпретации с помощью этого предложения субъект, к которому относится «я», описывает свое психическое состояние, и это предложение может быть истинным или ложным, подобно всем иным интроспективным предложениям. Различие между этими двумя интерпретациями является, следовательно, существенным. Аквист считает, что в логике желаний предложениями «я хочу p », «я хочу p и q » и т. п. должна даваться внутренняя интерпретация, так как в противном случае построенная теория окажется не логикой желаний, а логикой утверждений о желаниях.

Но если формула $G_o p$ выражает во внутренней интерпретации желание, то что выражает в этой интерпретации формула $\sim G_o p$? В случае деонтической логики ответ на подобный вопрос несложен: так как здесь $\sim O p$ эквивалентно $P \sim p$, то $\sim O p$ выражает разрешение сделать $\neg p$. Но если в логике желаний мы читаем $\sim G_o p$ как «неверно, что я желаю p » или как «не имеет места случай, что я желаю p », то кажется, что формуле $\sim G_o p$ должна быть дана внешняя интерпретация, т. е. эта формула должна пониматься как схематическое представление предложения, выражающего определенное суждение. Согласно этому суждению лицо, к которому относится «я», утверждает, что оно не имеет желания p . Если попытаться дать внутреннюю интерпретацию $\sim G_o p$, то останется неопределенность, касающаяся того, что представляет собой желание, соответствующее $\sim G_o p$.

Аквист полагает, однако, что затруднение с интерпретацией выражений логики желаний, подобных $\sim G_o p$, $\sim G_o \sim p$, не подвергает сомнению саму возможность внутренней интерпретации. Источник этого затруднения он видит не в особенностях данной интерпретации, а в некоторых случайных характеристиках обычного языка. В этом языке нет нужды во фразах, которые выражали бы то из области желаний, чему в области норм соответствует раз-

решение. Не является поэтому странным, что мы оказываемся в затруднении по поводу того, как интерпретировать формулы, подобные $\sim G_o p$ и $\sim G_o \sim p$, в логике желаний.

Таким образом, формулы $\sim G_o p$, $\sim G_o \sim p$ и т. п. оказываются в логике желаний Аквиста не имеющими интерпретации в терминах обычного языка. Как заметил Э. Шах [158], логика желаний в этом случае не выражает ничего такого, что не могло бы быть выражено средствами пропозиционального исчисления и что можно поэтому обойтись без особых операторов и, следовательно, без особой логики желаний. Ясно, что для существования логики желаний (а так как сходная трудность встает и перед логикой обещаний, логикой намерений и логикой решений, то, естественно, для существования и этих разделов логики) необходимо указать подходящую интерпретацию для выражений типа $\sim G_o p$ и $\sim G_o \sim p$. Сам Шах не без колебаний, как он специально оговаривает это, предлагает следующее решение¹⁷. Из высказывания « p is decidable» следует высказывание « p is decidable». Первое из них соответствует более сильному оператору логики решений, второе можно поставить в соответствие более слабому оператору этой логики, определенному в терминах более сильного оператора (обозначим его через R) таким образом: $\sim R \sim \dots$. Аналогичным образом, если имеет какой-либо смысл утверждение, что мы можем выражать не только обещание, что сделаем p , или желание, чтобы было p , но также «promisability» или «wishability» ситуации p , то формулам $\sim G_o p$, $\sim G_o \sim p$ и т. п. может быть придана интерпретация, и логика желаний может быть сохранена.

Как решение Аквиста, так и предложение Шаха не являются удовлетворительными. Они пытаются отыскать в области желаний то, что соответствовало бы разрешению в области норм. Резонно, однако, с самого же начала усомниться, что логика желаний должна быть настолько аналогичной логике норм, чтобы в ней имелся аналог разрешения.

8. В [64] Ф. Фитч обсуждает формальные свойства ряда понятий, которые могут быть отнесены, как он полагает, к оценочным понятиям или к понятиям, тесно связанным с оценочными. Таковы понятия «стремиться», «выполнять», «полагать», «знать», «желать», «быть способным сделать», «быть обязанным сделать» и «обладать ценностью» или «быть ценным» (value for). Результаты его анализа таких понятий, как «желать», «быть способным сделать», упоминались нами ранее. Теперь нас будет интересовать главным образом данное Фитчем описание формальных свойств абсолютно оценочного понятия «обладание ценностью». Так как Фитч определяет его в терминах истины, существования, конъюнкции, знания, стремления и частичной причины, мы вынуждены будем изложить коротко его анализ трех последних понятий и тех понятий, в терминах которых они определяются.

¹⁷ Мы затрудняемся дать точный русский перевод стоящих далее в кавычках фраз и поэтому приводим английский текст.

Фитч начинает с предположения, что «стремиться», «полагать» и «знать» являются двухтермными отношениями между субъектами и возможными состояниями. Утверждение, что субъект стремится (знает и т. д.) к p , где p является предложением, должно пониматься при этом так, что данный субъект стремится реализовать (возможное) состояние, описываемое предложением p , а не так, будто он стремится к самому предложению p . Допустимо не ограничиваться только возможными состояниями, так как невозможные состояния могут быть также описаны с помощью предложений.

Указанные понятия могли бы трактоваться как трехтермные отношения между агентом, предложением и временем. Для простоты временная отнесенность знания, стремления и убеждения не принимается во внимание. Дальнейшим шагом на пути упрощения является игнорирование знающего, стремящегося или убежденного субъекта. Это позволяет рассматривать каждое из исследуемых понятий как класс предложений, а не как двухтермное отношение. Например, под «стремится» понимается класс таких предложений, что состояния, описываемые в них, стремятся реализовать некоторый неспецифицированный субъект, и под «полагает» — класс предложений, выражающих суждения, в истинности которых убежден этот субъект.

Классы, образованные понятиями «стремится», «знает» и «полагает», предполагаются замкнутыми относительно исключения и введения конъюнкции; символически:

$$(\forall r) (\forall q) [\alpha (p \& q) \rightarrow \alpha r \& \alpha q],$$

$$(\forall r) (\forall q) [\alpha r \& \alpha q \rightarrow \alpha (p \& q)],$$

где α означает один из рассматриваемых классов и $\rightarrow$ является знаком строгой импликации. Т. е. допускается, что безотносительно к тому, какими являются предложения p и q , если кто-то уверен в истинности конъюнкции этих двух предложений, то он уверен в истинности p и уверен в истинности q , и если он стремится к состоянию, описываемому конъюнкцией p и q , то он стремится к состоянию, описываемому p , и стремится к состоянию, описываемому q , и т. д.

Класс предложений называется классом истин, если каждый член класса необходимо истинен. Если α является классом истин, то этот факт так выражается символически:

$$(\forall p) [\alpha p \rightarrow p].$$

На класс, соответствующий понятию «знает», Фитч считает целесообразным наложить условие, что это суть класс истин¹⁸.

¹⁸ Исходя из указанных предположений (и утверждений, касающихся классов, соответствующих понятиям «истина», «доказано», «выполняет», «способен»), Фитч доказывает ряд теорем, интересных наглядным показом того, что логика даже в таких, казалось бы нестрогих, областях рассуждения, как обсуждение всемогущества некоторого существа, способна устанавливать истины, не менее

Далее Фитч вводит понятие частичной причины, определяемое четырьмя аксиомами:

$$C1. pCq \& qCr \rightarrow pCr$$

$$C2. p \& pCq \rightarrow q$$

$$C3. p \& (p \& q) Cr \rightarrow qCr$$

$$C4. pCq \& pCr \equiv pC(q \& r).$$

($\equiv$ означает здесь конъюнкцию двух строгих импликаций). Выражение « pCq » интерпретируется как « p является частичной причиной q ». Тот факт, что C есть только частичная причина, находит свое выражение в принятии аксиомы C3, которая была бы неприемлема, если бы C являлось полной причиной. Фитч не ограничивает предложения, стоящие слева и справа от C , описанием состояний, обладающих пространственно-временным положением. Оператор C используется в определении знания, и если бы отношение частичного причинения трактовалось как имеющее место только между определенными в пространстве и времени вещами, то и определяемое с его помощью знание могло бы быть только знанием состояний дел, имеющих пространственно-временное протяжение.

Определение понятия «знает» в терминах понятия «полагает»¹⁹:

$$(\text{знает } p) \equiv (\exists q) [p \& q \& (p \& q) C (\text{полагает } (p \& q))].$$

Согласно этому определению субъект знает p при условии, что предложение p и некоторое (возможно отличное от него) предложение q истинны и этот факт обуславливает веру субъекта в то, что p и q истинны.

Понятие ценности определяется в терминах знания и стремления:

$$(p \text{ является ценным}) \equiv (\exists q) (\exists r) [q \& (\text{знает } q) C (\text{стремится к } (p \& r))].$$

определенные, чем истины, формулируемые ею в случае, скажем, математического рассуждения. Приведем для примера формулировки четырех доказанных Фитчем теорем:

(T3) если действующее лицо всемогуще, т. е. для любого состояния логически возможно, что оно создано этим действующим лицом, то оно и фактически создало любое состояние, которое имеет место;

(T4) если действующее лицо не все знает, то существует истинное предложение, которого оно не может знать;

(T5) если существует истинное предложение, которого никто не знает, то существует и истинное предложение, которого никто не может знать;

(T6) если существует истинное предложение, которое не доказано и не будет доказано, то существует истинное предложение, которое не может быть доказано.

¹⁹ Фитч предпочитает рассматривать вводимые им определения как аксиомные схемы, указывающие необходимые и достаточные условия (для знания, желания и т. д.).

Это означает, что ситуация p (т. е. ситуация, описываемая предложением p) является ценной для субъекта, если и только если существуют такие ситуации q и r , что q имеет место и знание субъектом q является частичной причиной его стремления к ситуации $p \& r$ ²⁰. Для более ясного понимания данного определения ценности можно предположить, что знание q содержит всю необходимую информацию относительно результата стремления субъекта к состоянию $p \& q$. И если это знание заставляет субъекта стремиться к указанному состоянию, то это может быть только потому, что конъюнкция p и q , и в частности само состояние p , является ценностью с точки зрения данного субъекта.

9. Мы не будем детально обсуждать предложенное Фитчем определение ценности. Обратим только внимание на своеобразие его подхода к проблеме выявления логических характеристик оценочных понятий.

Понятие «ценность» может употребляться в узком и широком смысле. В первом случае оно совпадает по значению с «положительной ценностью», во втором — с «положительной или отрицательной ценностью». Фитчем исследуется первое из этих употреблений, ценность в его смысле — это положительная ценность.

Обычно логика оценок строится таким образом, что основные оценочные термины («добро», «положительная ценность», «зло» и т. п.) являются исходными, не определяемыми в терминах иных понятий. Утверждения логической теории ценностей, предлагаемой Фитчем, являются следствиями системы, получаемой присоединением определения ценности к аксиоматическим определениям понятий, не входящих в число основных оценочных терминов. Эти термины оказываются, таким образом, разъясняемыми с помощью понятий, не связанных непосредственно с оценками.

Еще одна особенность подхода Фитча состоит в явном указании того, что мы называем основанием оценки. Согласно Фитчу, причиной стремления к состоянию, представляющемуся ценным, является некоторое иное фактическое состояние и осведомленность субъекта о нем. Ничто не может быть для субъекта ценным безотносительно к миру, в котором он живет и знание о котором он имеет. Всякая вещь является ценной только с точки зрения определенных фактов, известных субъекту.

Выделение основания оценки является достоинством предлагаемого Фитчем определения ценности. Однако даваемая этим определением трактовка основания и характера его связи с предметом оценки вызывает серьезные возражения. По мысли Фитча, основание оценки складывается из двух компонентов: фактического и эпистемического. Для того чтобы некоторое состояние (p) оказалось ценным для субъекта, должно существовать другое состояние (q) и субъект должен иметь правильное представление о нем.

²⁰ Очевидна связь этого определения ценности как предмета стремления с определением Р. Перри [133] ценности как любого объекта любого интереса.

Но далеко не все реальные оценки основываются на знании фактов. Нет ничего противоречивого в предположении, что субъект может стремиться к некоторому состоянию, не имея никаких знаний о фактическом положении вещей и основываясь исключительно на ошибочном представлении об этом положении. С другой стороны, трудно согласиться с тем, что связь между основанием оценки и ее предметом всегда является каузальной связью, а именно, как полагает Фитч, связью частичного причинения. Ценность не может быть адекватно определена в терминах «знание» и «причина».

10. Отдельные замечания о логических связях абсолютных оценочных понятий содержатся в работах В. Нила [99, стр. 153—154] и Р. Гартмана [81, часть III].

В. Нил указывает, что понятия «обязательно» (obligatory), «не-обязательно» (non-obligatory), «правильно» (right) и «ошибочно» (wrong) образуют квадрат противоположностей, в котором первое и четвертое понятия контрарны, а второе и третье — подконтрарны. Всякое правильное, но не являющееся несобязательным действие должно быть, согласно Нилу, обязательным, а всякое необязательное и вместе с тем не являющееся правильным действие должно быть ошибочным. Это дает возможность упростить исходную схему отношений четырех указанных понятий и разделить все действия на три типа: обязательные, ошибочные и безразличные, понимая под последними правильные, но необязательные действия. Понятия «обязательно», «безразлично» и «ошибочно» сопоставляются Нилом с понятиями «необходимо», «случайно» и «невозможно» стандартной модальной логики²¹.

В аксиологическом квадрате противоположностей, приводимом Гартманом, контрарными являются понятия «хорошее» (good) и «не являющееся хорошим» (no good), подконтрарными — «неплохое» (fair или not bad) и «плохое» (bad или not good); «хорошее» и «плохое», а также «неплохое» и «не являющееся хорошим» — контрадикторны.

11. Иногда допускается, что понятия «добро» и «зло», «хорошее» и «плохое», независимо от того, в каком из своих многочисленных смыслов они употребляются, являются определяемыми в терминах сравнительных оценочных понятий. Присоединение таких определений абсолютных оценочных понятий к логике сравнительных оценок позволяет получить в ее рамках логическую теорию добра. Этой теорией систематизируются, как полагают, принципы, справедливые для любого смысла или употребления «добра» и связанных с ним понятий.

²¹ Строго говоря, квадрат противоположностей Нила следовало бы излагать в разделе, посвященном логическим связям оценочных и нормативных понятий. «Правильное» определяется Нилом как находящееся в согласии с законом, «ошибочное» как не согласующееся с законом и «обязательное» как требуемое законом.

В других случаях предполагается, что с помощью понятий «лучше», «хуже» и «равноценно» могут быть определены только некоторые виды, формы или употребления «добра», «зла» и «безразличного». Расширение логики сравнительных оценок определениями тех или иных видов добра позволяет получать теоремы, устанавливающие логические свойства добра этих видов.

Логические связи абсолютных и сравнительных оценочных понятий не будут рассматриваться в этой книге. Мы ограничимся только указанием того факта, что логика сравнительных оценок является одним из источников идей и принципов логической теории абсолютных оценок²².

12. Описываемая далее логика оценок (система **ГН**) представляется нам достаточно адекватной формализацией рассуждений, включающих абсолютные оценки²³.

Определение правильно построенной формулы (сокращенно: *пнф*) системы **ГН**:

(i) *пнф* пропозициональной логики есть *пнф* **ГН**;

(ii) если α есть *пнф* пропозициональной логики, то $G\alpha$ и $H\alpha$ являются *пнф* **ГН**;

(iii) если α и β являются *пнф* **ГН**, то $\alpha \& \beta$, $\alpha \vee \beta$, $\alpha \supset \beta$, $\alpha \equiv \beta$ и $\sim \alpha$ также являются *пнф* **ГН**.

Ясно, что в соответствии с этим определением формулы типа GGr , GHr , HNr , $G(p \supset Gr)$, $H(p \& Hq)$, $G(Hr \supset q)$, в которых один из операторов G или H находится в сфере действия другого, не являются правильно построенными.

Аксиомы и правила вывода системы **ГН**:

A0. Полное множество аксиом обычной пропозициональной логики,

A1. $Gp \supset \sim G \sim p$,

A2. $G(p \& q) \equiv Gp \& Gq$,

A3. $Hr \supset \sim H \sim r$,

A4. $H(p \& q) \equiv Hp \& Hq$,

A5. $Gp \supset \sim Hp$,

(**R1**) из формул $\alpha \supset \beta$ и α следует формула β (правило отделения);

(**R2**) из формулы α следует формула β , являющаяся результатом подстановки правильно построенной формулы пропозициональной логики вместо каждого вхождения в α некоторой пропозициональной переменной (правило подстановки);

(**R3**) если формулы α и $\beta \equiv \gamma$ — теоремы системы **ГН**, то формула δ , полученная из α заменой одного или более вхождений β

²² Определения абсолютных оценочных понятий в терминах сравнительных оценочных понятий рассматриваются в работах [73], [50], [51], [198] и др.

²³ Впервые эта система была описана в [11].

вхождениями γ , является теоремой **ГН** (правило экстенциональности).

Первые две аксиомы характеризуют «добро», две последующие — «зло», пятая аксиома связывает «добро» со «злом». Вместо двух первых аксиом или двух последующих можно ввести «правило зеркального отображения»: формула, получаемая из теоремы **ГН** заменой всех вхождений G вхождениями H и всех вхождений H вхождениями G , является теоремой **ГН**.

Для системы **ГН** существует простая разрешающая процедура, аналогичная разрешающим процедурам, развитым Г. фон Райтом в [195] для алгебраических модальных систем.

Возьмем для примера формулу

$$Gp \& G(p \supset q) \supset Gq.$$

Пропозициональные выражения, стоящие справа от G , приведем к их совершенной нормальной конъюнктивной форме в терминах переменных, входящих в данную формулу. В полученной в результате этого формуле

$$G((p \vee q) \& (p \vee \sim q)) \& G(\sim p \vee q) \supset G((p \vee q) \& (\sim p \vee q))$$

распределим G в соответствии с аксиомой **A2** и правилом экстенциональности. Это даст формулу

$$G(p \vee q) \& G(p \vee \sim q) \& G(\sim p \vee q) \supset G(p \vee q) \& G(\sim p \vee q).$$

Будем приписывать G -конституентам этой формулы, являющейся совершенной конъюнктивной формой исходной формулы, значения «истина» и «ложь». Обычные истинностные таблицы показывают, что данная формула принимает значение «истина» для любого распределения значений по ее G -конституентам.

Аналогичным образом можно преобразовать формулы с оператором H и комбинированные формулы с операторами G и H . Распределение значений истинности является предметом следующих трех ограничений (см. **A1**, **A3** и **A5**):

(i) двум конституентам формы $G\alpha$ и $G \sim \alpha$, где α есть некоторый пропозициональное выражение, не может приписываться значение «истина» в одном и том же распределении значений;

(ii) это же для конституент формы $H\alpha$ и $H \sim \alpha$;

(iii) это же для конституент формы $G\alpha$ и $H\alpha$.

Пользуясь этой разрешающей процедурой, нетрудно показать, например, что формула

$$Hp \& G(p \supset q) \supset Hq$$

не является теоремой системы **ГН**. Ее совершенная форма

$$H(p \vee q) \& H(p \vee \sim q) \& G(\sim p \vee q) \supset H(p \vee q) \& H(\sim p \vee q).$$

Последняя формула принимает значение «ложь», если значениями конституент $H(p \vee q)$, $H(p \vee \sim q)$ и $G(\sim p \vee q)$ является «истина», а значением $H(\sim p \vee q)$ — «ложь».

13. Критерии, которыми обычно руководствуются при оценке приемлемости той или иной логической системы, можно разбить на три группы: синтаксические, семантические и прагматические²⁴. Согласно первым она должна строиться в соответствии с теми требованиями, которые предъявляются в формальной логике к формальным системам. Логика абсолютных оценок **ГН** удовлетворяет требованию синтаксической строгости. Прагматические критерии сводятся к требованию, чтобы построенная система была практически полезной. Оценка полезности — во многом вопрос времени, и мы не будем на ней задерживаться. Заметим только, что использование системы **ГН** для реконструкции концептуальных этических схем, предлагавшихся разными авторами (глава 6), является одним из свидетельств ее практической полезности.

Семантические критерии более многообразны. Рассмотрим один из них. Обычно от логических систем требуется, чтобы имелось согласие между доказуемыми в них логическими истинами и нашими интуитивными представлениями об исследуемых логических отношениях. Иногда это требование называется требованием интуитивной приемлемости выводимых в системе утверждений. Приемлемы ли теоремы системы **ГН**?

Аксиома **A1** утверждает, что если некоторое состояние представляет собой добро, то противоположное состояние не является добром. Согласно аксиоме **A3** из отрицательной ценности состояния вытекает, что противоположное ему состояние не может быть отрицательно ценным. Импликация $p \supset \sim q$ эквивалентна отрицанию конъюнкции p и q ; аксиома **A1** поэтому дедуктивно эквивалентна принципу

$$\sim (Gp \& G \sim p),$$

а аксиома **A3** — принципу

$$\sim (Hp \& H \sim p).$$

Используя дистрибутивность операторов G и H относительно конъюнкции (**A2** и **A4**), из этих двух принципов можно получить утверждения

$$\sim G(p \& \sim p),$$

$$\sim H(p \& \sim p).$$

В соответствии с первым из них противоречивое состояние не может быть добром, согласно второму — такое состояние не может быть злом.

Если явно указывать, что все оценки, входящие в рассуждение, принадлежат одному и тому же субъекту, что все они имеют одно и то же основание, и что, наконец, все они одновременны или

²⁴ Аналогичная классификация и характеристика критериев приемлемости дается в работе [28].

не изменяются с течением времени, то идеи, выражаемые аксиомами **A1** и **A3**, надо сформулировать так: невозможно, чтобы как некоторому состоянию, так и его отрицанию, рассматриваемым с одной и той же точки зрения, субъектом одновременно приписывалась положительная ценность; двум таким состояниям субъект не может также одновременно приписывать отрицательную ценность.

Отвергая аксиомы **A1** и **A3**, можно ссылаться на примеры противоречивых оценок и заявлять, что утверждение о невозможности положительной (или отрицательной) оценки как некоторого состояния, так и его отрицания не должно быть логической истиной. На это возражение допустим такой ответ.

Оценки, считаемые обычно противоречащими друг другу, не являются противоречивыми в строгом смысле этого слова. Если субъект в одно время оценивает нечто положительно, а в иное, близкое к первому время, оценивает положительно противоположное, то обычно принято считать его оценки несовместимыми друг с другом, а его самого непоследовательным. Но логика оценок отвлекается от временных различий, ею рассматриваются лишь «одномоментные» оценки. Поэтому оценки разного времени не могут служить примером противоречивых оценок. Сходным образом обстоит дело и с различиями в основаниях оценок. Логика абсолютных оценок не заявляет, что если что-то хорошо в одном отношении, то его противоположность не может быть хорошей ни в каком ином отношении. Она утверждает лишь, что два противоположных состояния не могут быть хорошими с одной и той же точки зрения одного и того же субъекта. Оценки, имеющие разные основания, не могут логически противоречить друг другу.

Кроме того, логика оценок не описывает то, как люди *действительно* оценивают. Реальный субъект может желать наступления противоречивого состояния, он может стремиться к такому состоянию, полагая, что оно является лучшим средством для достижения некоторой интересной цели, и т. п. Нет ничего невероятного в допущении, что положительно или отрицательно может оцениваться не только логически возможное, но и логически невозможное.

Логика оценок не отрицает существование субъектов, приписывающих положительную или отрицательную ценность внутренне противоречивым вещам. Она не говорит также о том, как люди *должны* оценивать. Неверно было бы интерпретировать аксиому **A1** как утверждающую, что субъект, считающий добром состояние p , не должен считать добром *не-р*. Логическая теория оценочного рассуждения устанавливает не нормы оценочной деятельности, а критерии рациональности совокупности оценок, условия, выполнение которых позволяет назвать определенную систему оценок рациональной. В этом смысле аксиомы логики оценок являются имплицитными определениями понятия рациональной оценки.

Ответ на вопрос о том, почему критерии рационального оценивания должны включать требование непротиворечивости оценок.

связан со свойствами человеческого действия. Задача практического рассуждения, разделом логической теории которого является логика оценок, состоит в предоставлении разумных оснований для действия. Действием нельзя реализовать противоречивое состояние. В соответствии с этим рассуждение, предлагающее выполнить невозможное действие, не может считаться рациональным. Противоречивая оценка, выступающая в этом рассуждении и ведущая к такому действию, также не может считаться рациональной.

14. По аналогии с понятием нормативного кодекса введем понятие оценочного кодекса. Последний может рассматриваться как множество достаточно общих идей, касающихся оценочной деятельности и позволяющих установить характер ценности, присущей тому или иному объекту. Содержание оценочного кодекса обозначим символом Z .

Можно показать, что требования, выражаемые аксиомами **A1** и **A3**, равносильны требованию непротиворечивости оценочного кодекса.

Воспользуемся для этой цели одной из стандартных теорий логических модальностей, содержащей среди своих теорем формулы:

$$L(p \& q) \equiv Lp \& Lq,$$

«конъюнкция двух высказываний логически необходима в том и только том случае, когда логически необходимо каждое из этих высказываний»;

$$Mp \equiv \sim L \sim p,$$

«высказывание логически возможно, если и только если его отрицание не является логически необходимым». Присоединим к этой теории логической необходимости и возможности аксиому

$$MZ$$

и определения

$$Gp = {}_{D1}L(Z \supset p),$$

$$Hp = {}_{D1}L(Z \supset \sim p).$$

Согласно аксиоме **MZ** («возможно Z ») множество идей, входящих в оценочный кодекс, должно быть логически непротиворечивым (логически возможным).

В соответствии с определениями Gp и Hp состояние, описываемое высказыванием p , представляет собой добро, если это высказывание является логическим следствием совокупности утверждений, входящих в оценочный кодекс, и данное состояние является

злом, если отрицание описывающего его высказывания логически следует²⁵ из оценочного кодекса.

Покажем, что формулы

$$Gp \supset \sim G \sim p,$$

$$Hp \supset \sim H \sim p$$

являются теоремами указанным образом расширенной теории логических модальностей²⁶:

1. MZ	аксиома
2. $Z \equiv Z \& \sim (p \& \sim p)$	PL
3. $M(Z \& \sim (p \& \sim p))$	1, 2, п. э.
4. $p \& \sim q \equiv \sim (p \supset q)$	PL
5. $Z \& \sim (p \& \sim p) \equiv \sim (Z \supset p \& \sim p)$	4, $p/Z, q/p \& \sim p$
6. $M \sim (Z \supset p \& \sim p)$	3, 5, п. э.
7. $(p \supset q \& r) \equiv (p \supset q) \& (p \supset r)$	PL
8. $(Z \supset p \& \sim p) \equiv (Z \supset p) \& (Z \supset \sim p)$	7, $p/Z, q/p, r/\sim p$
9. $M \sim ((Z \supset p) \& (Z \supset \sim p))$	6, 8, п. э.
10. $Mp \equiv \sim L \sim p$	аксиома
11. $M \sim p \equiv \sim Lp$	10, PL , п. э.
12. $M \sim ((Z \supset p) \& (Z \supset \sim p)) \equiv \sim L((Z \supset p) \& (Z \supset \sim p))$	11, $p/(Z \supset p) \& (Z \supset \sim p)$
13. $\sim L((Z \supset p) \& (Z \supset \sim p))$	9, 12, PL
14. $L(p \& q) \equiv Lp \& Lq$	аксиома
15. $L((Z \supset p) \& (Z \supset \sim p)) \equiv L(Z \supset p) \& L(Z \supset \sim p)$	14, $p/Z \supset p, q/Z \supset \sim p$
16. $\sim (L(Z \supset p) \& L(Z \supset \sim p))$	13, 15, п. э.
17. $Gp \equiv L(Z \supset p)$	DfG

²⁵ Логическое следование отождествляется здесь с логически необходимой материальной импликацией.

²⁶ В пояснениях, сопровождающих приводимые далее выводы, цифры 1, 2, 3... в правой колонке указывают на использование формул, встречающихся ранее в рассматриваемом выводе; выражение «п. э.» указывает на применение правила отделения; «п. э.» — на применение того или иного варианта правила экстенциональности; $p/q, q/r \vee s$ — на применение правила подстановки; «**PL**» — на применение тех или иных теорем или правил вывода пропозициональной логики; «**QL**» — на применение тех или иных правил теории квантификации; выражение «**AML**» означает «алетическая модальная логика».

18. $G \sim p \equiv L(Z \supset \sim p)$	17, $p/\sim p$
19. $\sim(Gp \& G \sim p)$	16, 17, 18, п. э.
20. $Gp \supset \sim G \sim p$	19, PL
21. $Hp \equiv L(Z \supset \sim p)$	DfH
22. $H \sim p \equiv L(Z \supset p)$	21, $p/\sim p$, PL, п. э.
23. $\sim(Hp \& H \sim p)$	16, 21, 22, п. э.
24. $Hp \supset \sim H \sim p$	23, PL.

В теории логических модальностей, дополненной одной из формул

$$Gp \supset \sim G \sim p,$$

$$Hp \supset \sim H \sim p$$

и соответствующим определением G или H в терминах пропозициональной константы, выведем утверждение MZ :

1. $\sim(Gp \& G \sim p)$	аксиома
2. $\sim(L(Z \supset p) \& L(Z \supset \sim p))$	1, DfG
3. $L(p \& q) \equiv Lp \& Lq$	аксиома
4. $L((Z \supset p) \& (Z \supset \sim p)) \equiv L(Z \supset p) \& L(Z \supset \sim p)$	3, $p/Z \supset p$, $q/Z \supset \sim p$
5. $\sim L((Z \supset p) \& (Z \supset \sim p)) \equiv \sim(L(Z \supset p) \& L(Z \supset \sim p))$	4, PL
6. $\sim L((Z \supset p) \& (Z \supset \sim p))$	2, 5, PL
7. $\sim Lp \equiv M \sim p$	аксиома
8. $\sim L((Z \supset p) \& (Z \supset \sim p)) \equiv M \sim((Z \supset p) \& (Z \supset \sim p))$	7, $p/(Z \supset p) \& (Z \supset \sim p)$
9. $M \sim((Z \supset p) \& (Z \supset \sim p))$	6, 8, PL
10. $\sim((Z \supset p) \& (Z \supset \sim p)) \equiv Z$	PL
11. MZ	9, 10, п. э.
-
1. $\sim(Hp \& H \sim p)$	аксиома
2. $\sim(L(Z \supset \sim p) \& L(Z \supset \sim \sim p))$	1, DfH
3. $\sim \sim p \equiv p$	PL
4. $\sim(L(Z \supset \sim p) \& L(Z \supset p))$	2, 3, п. э.
5. $L(p \& q) \equiv Lp \& Lq$	аксиома

6. $\sim L((Z \supset \sim p) \& (Z \supset p))$	4, 5, п. э.
7. MZ	6, PL, п. э.

Эти выводы показывают, что формулы

$$MZ,$$

$$Gp \supset \sim G \sim p,$$

$$Hp \supset \sim H \sim p$$

являются дедуктивно эквивалентными друг другу на базе сравнительно слабой теории логических модальностей, дополненной эквивалентностями

$$Gp \equiv L(Z \supset p),$$

$$Hp \equiv L(Z \supset \sim p)$$

или приведенными выше определениями операторов G и H в терминах константы Z , логической необходимости и материальной импликации. Поэтому, признавая, что данные определения (или соответствующие им эквивалентности) «добра» и «зла» достаточно адекватно раскрывают смысл этих понятий, следует также признать, что принятие любой из аксиом $A1$ и $A3$ равносильно принятию утверждения о непротиворечивости оценочного кодекса.

Формулы, взятые нами в качестве аксиом $A1$ и $A3$ системы GH , не являются дедуктивно эквивалентными в рамках этой системы. Выводимость их друг из друга в рассматриваемом расширении теории логической необходимости и возможности является следствием того факта, что принятые определения «добра» и «зла» не способны выявить различие между выражениями Gp и $H \sim p$. Формула

$$Gp \equiv H \sim p,$$

доказуемая в этом расширении, отождествляет положительную ценность некоторого состояния с отрицательной ценностью противоположного состояния и позволяет определить «добро» и «зло» в терминах друг друга. Эта формула не является теоремой системы GH : взаимная определяемость «добра» и «зла» не может быть признана в случае многих их употреблений.

Еще одним следствием эквивалентности выражений « p есть положительная ценность» и « $\sim p$ есть отрицательная ценность» является то, что формула

$$A5. Gp \supset \sim Hp$$

оказывается дедуктивно эквивалентной аксиомам $A1$ и $A3$ и формуле MZ .

Ссылаясь на это обстоятельство, можно утверждать, что принятие аксиомы $A5$, подобно принятию одной из аксиом $A1$ и $A3$, равносильно введению требования непротиворечивости оценочного кодекса.

15. Аксиомы **A1** и **A3** системы **ГН** являются аксиологическими аналогами «принципа деонтической непротиворечивости»

$$\sim (Op \& O \sim p),$$

принимаемого большинством логических теорий нормативного рассуждения. В соответствии с ним невозможно, чтобы было обязательным как выполнение некоторого действия, так и воздержание от него. Основание, склоняющее к принятию этого принципа, состоит в том, что нельзя одновременно выполнить некоторое действие и воздержаться от него; наличие обязанностей Op и $O \sim p$ ставит их субъекта в положение, в котором, как бы он ни вел себя, он нарушит одну из своих обязанностей. Нормативный кодекс, требующий выполнения невозможного, естественно считать несовершенным.

Но можно предположить, что требование усовершенствования такого кодекса путем исключения из него несовместимых обязанностей носит нелогический характер.

Е. Леммон [106, стр. 45 и далее] высказывает убеждение, что понятие «обязательно», встречающееся в моральных контекстах, не удовлетворяет принципу деонтической непротиворечивости. Противоречивость обязанностей, ситуаций, в которых субъект должен сделать p и сделать $не-p$ (или должен выполнить p и q , причем выполнение q влечет выполнение $не-p$) — обычное явление в реальной моральной жизни. Деонтическая логика, включающая принцип деонтической непротиворечивости, основывается, полагает поэтому Леммон, на неоправданно оптимистическом предположении о несуществовании моральных конфликтов.

Сходную позицию занимает также Э. Стеннус в [172]. Он утверждает, что требование непротиворечивости системы норм имеет этическую, а не логическую природу. Система норм, не удовлетворяющая этому требованию, «противоречива» в том смысле, что она содержит нормы, одну из которых логически невозможно выполнить без нарушения другой. Такая система, по мысли Стеннуса, «нелогична», но она не является «логически невозможной», утверждение о ее существовании не является логически противоречивым.

Сходным образом можно утверждать, что требование непротиворечивости оценочных кодексов носит не логический, а этический характер, и что аксиомы **A1** и **A3**, которые могут быть названы «принципами аксиологической непротиворечивости», не относятся к истинам формальной логики²⁷.

²⁷ Положение о невозможности положительной оценки противоречивых вещей относилось к этическим истинам Х. Зигвартом. Он писал, в частности: «...могут быть верховные этические аксиомы, которые точно так же сопровождаются чувством очевидности, как и логические аксиомы. Так, параллельный логическому принципу противоречия принцип, что не должно хотеть противоречивого, т. е. что все цели нашего хотения должны согласоваться в себе, несомненно, является такой аксиомой» [7, т. 2, стр. 281].

На возражения Леммона и Стеннуса против введения в логику норм принципа деонтической непротиворечивости можно ответить следующим образом. Деонтическая логика не описывает, как люди действительно выводят заключения из нормативных посылок. Вполне возможна ситуация, когда человек из обязанности сделать одно действие «выводит» разрешение выполнить иное действие, совершенно не связанное с первым. Деонтической логикой не отрицается также существование противоречивых (требующих выполнения логически невозможных действий) кодексов. Логика норм не описывает фактические рассуждения, использующие нормы, и действительные кодексы. Она формулирует критерии рационального рассуждения в области норм. В этом смысле она является нормативной дисциплиной; установление (нормирование) ею формальных условий рациональности заключается в отказе называть рациональной совокупности норм, предписывающую выполнение некоторого действия, так и его отрицания. Нормативный характер этих условий выражается при этом в самом использовании способа (аксиоматического) определения, а не в том, что это определение прямо говорит. Задача нормативного рассуждения состоит в предоставлении разумных оснований для действия. Такое рассуждение не может быть названо рациональным, если оно санкционирует обязательность выполнения невозможного действия.

Подобным же образом может быть обоснована и необходимость принятия в логической теории оценок принципов аксиологической непротиворечивости.

Многие существующие оценочные кодексы в той или иной степени непоследовательны, они складываются постепенно и новые критерии добра и зла нередко не согласуются в них со старыми. Но из этого еще не следует, что формальная логика, исследующая структуру оценочного рассуждения, не должна требовать его непротиворечивости.

Реальные естественнонаучные теории также развиваются постепенно, путем обогащения имеющихся представлений новыми положениями о господствующих в природе закономерностях. Новое в этих теориях зачастую противоречит старому. Изучая их структуру, формальная логика полностью абстрагируется от истории их становления и борьбы различных концепций. Непоследовательность и прямая противоречивость естественнонаучных теорий не рассматривается при этом как основание для отказа от требования их формальнологической непротиворечивости.

Было бы неестественным допускать, что отношение логики оценок к противоречиям принципиально отличается от отношения к ним других разделов формальной логики. Противоречивость реальных систем оценок не исключает требования формальнологической непротиворечивости этих систем, точно так же как противоречивость реальных естественнонаучных теорий не означает допустимости в этих теориях формальнологических противоречий.

Мы приходим, таким образом, к заключению, что принципы аксиологической непротиворечивости являются истинами логики, а не этики. Их принятие связано, однако, с приятием определенных предположений о природе и целях оценочного рассуждения, о связи его с выбором и действием. Необходимо поэтому отделить данные принципы от других утверждений логики оценок, приемлемость которых не зависит от каких-либо сходных допущений. Требуется, иными словами, стратификация логической теории оценок, построение ее в виде расширяющейся системы. При этом в качестве одного из расширений исходной, или минимальной (т. е. слагающейся из тезисов, обоснованность которых не зависит от тех или иных предположений), логики оценок должно фигурировать расширение ее принципами аксиологической непротиворечивости.

Введение в логику оценок данных принципов может рассматриваться как предъявление определенного требования к системам или совокупностям оценок, а именно требования непротиворечивости этих систем. Можно, однако, считать, что принятие принципов аксиологической непротиворечивости просто ограничивает область приложения логики оценок множеством непротиворечивых систем оценок. При таком понимании эти принципы не предполагают, в отличие от первого их истолкования, дополнительного требования устранить противоречие из каждого реального оценочного кодекса.

Логические теории оценок, содержащие принципы аксиологической непротиворечивости, будем называть сильными логиками оценок, отличая их от слабых логик оценок, в которых эти принципы не доказуемы.

Если истолковывать переход от слабых логических теорий оценок к сильным как ограничение систем оценок, для анализа которых могут быть использованы эти теории, непротиворечивыми системами, то становится понятным и оправданным интерес к самим слабым логикам оценок. Сильные логики оценок применимы только к непротиворечивым множествам оценок, слабые же могут использоваться для логического исследования любых совокупностей оценок и не требуют предварительного исключения из них противоречий.

16. Под минимальной логикой абсолютных оценок (минимальной логикой добра) будем понимать систему, определяемую следующими аксиомами и правилами вывода:

A0. Полное множество аксиом обычной пропозициональной логики,

$$A1. G(p \supset q) \supset Gp \supset Gq,$$

$$A2. H(p \supset q) \supset Hp \supset Hq,$$

$$A3. Gp \supset \sim Hp,$$

(R1) из формул $\alpha \supset \beta$ и α следует формула β ;

(R2) из формулы α следует формула β , являющаяся результатом подстановки правильно построенной формулы пропозицио-

нального исчисления вместо каждого вхождения в α некоторой пропозициональной переменной;

(R3) из формулы $\alpha \supset \beta$ пропозициональной логики следует формула $G\alpha \supset G\beta$;

(R4) из формулы $\alpha \supset \beta$ пропозициональной логики следует формула $Ha \supset H\beta$ ²⁸.

Очевидно, что вместо A1 и R3, либо вместо A2 и R4, может быть принято упоминавшееся ранее «правило зеркального отображения».

Будем представлять рассматриваемую минимальную логику абсолютных оценок как систему **GHm**. Иная аксиоматическая ее формулировка может быть получена отбрасыванием из формулировки системы **GH** аксиом

$$A1. Gp \supset \sim G \sim p,$$

$$A3. Hp \supset \sim H \sim p.$$

Логики **GH** и **GHm** отличаются, таким образом, друг от друга только тем, что в первой из них доказуемы принципы аксиологической непротиворечивости, отсутствующие среди теорем второй. Система **GH** является *сильной* логической теорией абсолютных оценок, система **GHm** — *слабая* логика оценок этого типа.

Прежде чем обсуждать минимальную логику добра саму по себе, остановимся на некоторых ее связях с сильными логиками абсолютных оценок.

17. Стандартные теории логических модальностей основываются на классическом пропозициональном исчислении и содержат среди своих теорем формулы

$$(T1) L(p \& q) \equiv Lp \& Lq,$$

$$(T2) L(p \supset q) \supset Lp \supset Lq,$$

$$(T3) Mp \equiv \sim L \sim p.$$

В этих теориях доказуемы также: (1) правило взаимозаменяемости эквивалентных выражений (в той или иной его формулировке) и (2) правило «из $\alpha \supset \beta$ следует $L\alpha \supset L\beta$ ».

Введем в алфавит одной из таких теорий символ Z и добавим к ее определениям определения положительной и отрицательной ценности в терминах константы Z , логической необходимости и материальной импликации:

$$Gp =_{Df} L(Z \supset p),$$

$$Hp =_{Df} L(Z \supset \sim p).$$

²⁸ Определение правильно построенной формулы минимальной логики добра совпадает с соответствующим определением системы **GH**.

В этом расширении теории логической необходимости и возможности доказуемы аксиомы **A1** и **A2** минимальной логики добра и все четыре правила вывода этой логики:

1. $(p \supset q \supset r) \supset p \supset q \supset p \supset r$	PL
2. $(Z \supset p \supset q) \supset Z \supset p \supset Z \supset q$	1, $p/Z, q/p, r/q$
3. $L(Z \supset p \supset q) \supset L(Z \supset p \supset Z \supset q)$	2, правило (2)
4. $L(p \supset q) \supset Lp \supset Lq$	(T2)
5. $L(Z \supset p \supset Z \supset q) \supset L(Z \supset p) \supset L(Z \supset q)$	4, $p/Z \supset p, q/Z \supset q$
6. $L(Z \supset p \supset q) \supset L(Z \supset p) \supset L(Z \supset q)$	3, 5, PL
7. $Gp \equiv L(Z \supset p)$	DfG
8. $G(p \supset q) \supset Gp \supset Gq$	6, 7, правило (1).

Используя вместо определения «добра» определение «зла», аналогичным образом можно вывести формулу $H(p \supset q) \supset Hp \supset Hq$. Доказательства правил вывода системы **ГНм** просты и мы опускаем их.

Аксиома

$$Gp \supset \sim Hp$$

и выводимая из нее формула

$$Hp \supset \sim Gp$$

не являются, однако, теоремами рассматриваемого расширения теории логических модальностей. Не доказуемы в нем и принципы аксиологической непротиворечивости, дедуктивно эквивалентные (в рамках расширения) этой аксиоме.

Доказуемость любой из названных формул означает в соответствии с определениями операторов G и H доказуемость одной из формул

$$L(Z \supset p) \supset \sim L(Z \supset \sim p),$$

$$L(Z \supset \sim p) \supset \sim L(Z \supset p).$$

Но если бы какая-либо из этих формул была теоремой расширения, то сто теоремой было бы и требование непротиворечивости оценочных кодексов:

1. $L(p \& q) \equiv Lp \& Lq$	Г1
2. $L((Z \supset p) \& (Z \supset \sim p)) \equiv L(Z \supset p) \& L(Z \supset \sim p)$	1, $p/Z \supset p, q/Z \supset \sim p$
3. $L(Z \supset p) \supset \sim L(Z \supset \sim p)$	посылка

4. $\sim (L(Z \supset p) \& L(Z \supset \sim p))$	3, PL
5. $\sim L((Z \supset p) \& (Z \supset \sim p))$	2, 4, PL, п. э.
6. $Mp \equiv \sim L \sim p$	(T3)
7. $\sim Lp \supset M \sim p$	6, PL, п. э.
8. $\sim L((Z \supset p) \& (Z \supset \sim p)) \supset M \sim ((Z \supset p) \& (Z \supset \sim p))$	7, $p/(Z \supset p) \& (Z \supset \sim p)$
9. $M \sim ((Z \supset p) \& (Z \supset \sim p))$	5, 8, PL
10. $(p \supset q) \& (p \supset r) \equiv (p \supset q \& r)$	PL
11. $(Z \supset p) \& (Z \supset \sim p) \equiv (Z \supset p \& \sim p)$	10, $p/Z, q/p, r/\sim p$
12. $M \sim (Z \supset p \& \sim p)$	9, 11, п. э.
13. $\sim (Z \supset p \& \sim p) \equiv Z$	PL
14. MZ	12, 13, п. э.

Но очевидно, что формула MZ не является теоремой обсуждаемого расширения. Следовательно, ни аксиома **A3**, ни принципы аксиологической непротиворечивости не могут быть доказаны в нем.

Ранее было показано, что в случае принятия определений «добра» и «зла» в терминах константы Z , логической необходимости и материальной импликации принципы аксиологической непротиворечивости дедуктивно эквивалентны утверждению о возможности Z . Это означает, что сильные логики абсолютных оценок отличаются от слабых, и в частности от минимальной логики, принятием дополнительного требования непротиворечивости системы оценок.

18. Можно показать, далее, что присоединение к минимальной логике добра утверждений «не все является добром» и «не все является злом» превращает эту логику в сильную логическую теорию абсолютных оценок.

Обозначим символом Δ произвольную тавтологию пропозициональной логики, в которую не входит свободно переменная p . Введем в алфавит системы **ГНм** квантор общности, подчиняющийся обычным правилам, и присоединим к аксиомам этой системы формулы

$$\sim (\forall p) Gp,$$

«неверно, что всякое состояние является положительной ценностью», или «имеются состояния, не являющиеся добром», и

$$\sim (\forall p) Hp,$$

«неверно, что каждое состояние представляет собой отрицательную ценность», или «существуют состояния, не являющиеся злом».

В этом расширении минимальной логики **ГНм** принципы ак-

аксиологической непротиворечивости могут быть выведены таким образом:

1. $q \& p \supset p$	PL
2. $G(q \& p) \supset Gp$	1, (R3)
3. $G(\sim \Delta \& p) \supset Gp$	2, $q/\sim \Delta$
4. $\sim \Delta \& p \equiv \sim \Delta$	PL
5. $G \sim \Delta \supset Gp$	3, 4, п. э.
6. $G \sim \Delta \supset (\forall p) Gp$	QL, 5
7. $\sim (\forall p) Gp \supset \sim G \sim \Delta$	6, PL
8. $\sim (\forall p) Gp$	аксиома
9. $\sim G \sim \Delta$	7, 8, PL
10. $\sim \Delta \equiv p \& \sim p$	PL
11. $\sim G(p \& \sim p)$	9, 10, п. э.
12. $p \supset q \supset p \& q$	PL
13. $Gp \supset G(q \supset p \& q)$	12, (R3)
14. $G(p \supset q) \supset Gp \supset Gq$	A1
15. $G(q \supset p \& q) \supset Gq \supset G(p \& q)$	14, $p/q, q/p \& q$
16. $Gp \supset Gq \supset G(p \& q)$	13, 15, PL
17. $Gp \& Gq \supset G(p \& q)$	16, PL
18. $p \& q \supset p$	PL
19. $G(p \& q) \supset Gp$	18, (R3)
20. $p \& q \supset q$	PL
21. $G(p \& q) \supset Gq$	20, (R3)
22. $G(p \& q) \supset Gp \& Gq$	19, 21, PL
23. $G(p \& q) \equiv Gp \& Gq$	17, 22, PL ²⁹
24. $G(p \& \sim p) \equiv Gp \& G \sim p$	23, $q/\sim p$
25. $\sim (Gp \& G \sim p)$	11, 24, п. э.
26. $Gp \supset \sim G \sim p$	25, PL

²⁹ Отметим, что шаги 12—23 этого вывода являются доказательством в Gntm формулы $G(p \& q) \equiv Gp \& Gq$.

Аксиомы и правила минимальной логики таковы, что в теоремах этой логики, содержащих только оператор G , он может быть заменен оператором H . Используя это обстоятельство и применяя аксиому $\sim (\forall p) Hp$ вместо аксиомы $\sim (\forall p) Gp$, приведенный вывод формулы

$$Gp \supset \sim G \sim p$$

легко преобразовать в вывод формулы

$$Hp \supset \sim H \sim p.$$

Таким образом, для получения из минимальной логики добра сильной логической теории добра достаточно присоединить к первой принципу «не все является добром» и «не все является злом». Для этой цели достаточно также расширение аксиом минимальной логики утверждением

$$(\exists p) (\sim Gp \& \sim Hp)$$

(«существуют состояния, не являющиеся ни добром, ни злом»), из которого выводимы данные принципы.

С другой стороны, в сильной логической теории добра, содержащей среди своих теорем положения о невозможности положительной или отрицательной оценки противоречивых состояний, могут быть доказаны утверждения, что не всякое состояние представляет собой добро или зло.

Допустим, что все является добром. Из этого следует, что положительной ценностью является и противоречивое состояние. Но в сильной логике добра отрицается возможность положительной оценки такого состояния. Следовательно, неверно, что все представляет собой добро.

Допустим, далее, что всякое состояние, в том числе и противоречивое, является злом. Это допущение противоречит принципу, отрицающему возможность отрицательной оценки противоречивых состояний. Следовательно, является ложным допущение, что все есть зло.

Эти рассуждения показывают, что принципы аксиологической непротиворечивости в определенных условиях равносильны допущению того, что не все вещи являются хорошими и что не все они являются плохими. Вряд ли оправданно, однако, делать из этого вывод, что данные принципы фактически, а не логически истинны.

19. Несколько ранее было показано, что если «добро» и «зло» определяются в терминах пропозициональной константы и понятий теории логических модальностей, то присоединение к этой теории утверждения о непротиворечивости (возможности) системы оценок или оценочного кодекса, представляемого константой, позволяет доказать принципы аксиологической непротиворечивости. Остановимся теперь на иной формулировке связи этих принципов с логическими модальностями.

$$Gp \supset \sim G \sim$$

$$\bullet \sim (Gp \& \sim Ap),$$

$$Gp \& \sim$$

$$Gp \supset \sim$$

$$\sim MpZ) L \sim p,$$

$$LpZ > p$$

$$pZ > qZ) p$$

$$p \supset \sim p$$

$$(R3) \quad Gp \supset G \sim p.$$

$$Gp \supset Gp \supset G \sim p$$

G-7

$$Gp \supset D \quad G \sim$$

$$Gp \supset G \sim p$$

$$1. \quad GpZZMp$$

$$2. \quad G (\& \sim p)Z) (\& \sim \dots)$$

$$3. \quad p \supset q \supset \sim q \supset \sim p$$

$$4. \quad G (p \& \sim p \text{ O M } (p \& \sim p) Z \supset \sim A 4 (p \& \& \sim p) \supset \sim G (p \& \sim p)$$

$$5. \quad \sim M (p \& \sim p) \supset \sim G (p \& \sim p)$$

$$1, p/p \& \sim p$$

PL

$$3, p/G \quad (p \& \sim p), \\ qiM (p \& \sim p)$$

$$2, 4, \dots o.$$

$$6. \quad \sim (\dots \& \sim \dots)$$

$$7. \quad \sim G (p \& \sim \dots)$$

$$8. \quad G (p \& q) \equiv Gp \& Gq$$

$$9. \quad G (p \& \sim p) \wedge Gp \& G \sim p$$

$$10. \quad \sim (Gp \& G \sim p)$$

$$11. \quad G p \supset \sim G \wedge p$$

AML

5, 6, ...

GHm

8. qj-p

7, 9, ...

10, PL.

$$Hp \sim Z) \sim \dots \sim (\dots \& \sim \dots),$$

$$\sim (Gp \& \sim Mp),$$

$$\sim (\dots \& \wedge \dots)$$

$$\sim Mp \supset \sim Gp \& \sim Hp,$$

$$ZD Gp \setminus Hp,$$

20.

MZ,

$$\sim (\dots) Gp \quad (VP) Hp,$$

$$\sim (Gp \& \dots) \sim \sim (Hp \& \dots)$$

--AIZ

MZ

Z.

ZzDp&—

~Z,
L(Z=>p&~p)

L~Z.

Z.

MZ,

~(yp)Gp

1. GpZ)Mp

2. ~Gp^L(ZZ)p)

3. L(ZZ)p)Z)Mp

4. L(ZZ)Z)Z>MZ

5. L(ZZ)Z)

6. m

DfG

1, 2, . . .

3/ P/Z

AML

4, 5, . . . o.

1. MZ

2. L(pZ>q)&MpZ>Mq

3. L(ZZ)p)&MZZ>Mp

4. L(Z^p)Z>Mp

5. Gp ≡ L(Z3 p)

6. GpZ^Mp

AML

2, p/Z, q/p

1, 3, PL

DfG

4, 5, . . .

« » « »

« »

» « »

&~

{/?&—/?}

Gp=>Mp,

G { & ~) Z> (& ~)

Gp&~Mp.

~(yp)Gp

Gp&~Mp

~ (Gp&~Mp)

Gp ≡ —(p)Gp

« »

Hpz^Mp

~(∇p)Hp,

21.

A3

*30

(. . . 85).

Z

—(Gp & Hp)

Z

30

не давали, в частности, возможности провести различие между выражениями Gp и $H\sim p$, $G\sim p$ и Hp и вели поэтому к отождествлению принципиально отличающихся друг от друга утверждений

$$Gp \supset \sim G\sim p,$$

$$Hp \supset \sim H\sim p,$$

$$Gp \supset \sim Hp.$$

Последнее из них может быть принято и в тех случаях, когда первые два представляются неприемлемыми.

Аксиома **A1** системы **GHm**, устанавливающая дистрибутивность оператора G относительно импликации, эквивалентна формуле

$$Gp \& G(p \supset q) \supset Gq,$$

«если p является добром и хорошо то, что p имплицирует q , то q также является добром».

Вторая аксиома минимальной логики, утверждающая дистрибутивность оператора H относительно импликации, эквивалентна формуле

$$Hp \& H(p \supset q) \supset Hq,$$

«если p представляет собой отрицательную ценность и плохо, что p имплицирует q , то q также является отрицательной ценностью».

Согласно правилу **(R3)** системы **GHm** логические следствия добра являются добром; в соответствии с **(R4)** логические следствия зла представляют собой зло.

Из теорем, доказуемых в минимальной логике, заслуживают упоминания следующие:

$$(T1) G(p \& q) \equiv Gp \& Gq,$$

«конъюнкция двух состояний является добром в том и только том случае, когда каждое из этих состояний есть добро»; следствием этого утверждения является

$$(T2) G(p \& q) \supset Gp,$$

«если конъюнктивное состояние $p \& q$ имеет положительную ценность, то состояние p также положительно ценно»;

$$(T3) H(p \& q) \equiv Hp \& Hq,$$

«сложное состояние $p \& q$ является злом, если и только если каждое из составляющих его состояний есть зло», формула

$$(T4) H(p \& q) \supset Hp$$

является следствием этого утверждения;

$$(T5) Gp \vee Gq \supset G(p \vee q),$$

$$(T6) Gp \supset G(p \vee q),$$

$$(T7) Hp \vee Hq \supset H(p \vee q),$$

$$(T8) Hp \supset H(p \vee q),$$

$$(T9) Gp \& G(p \& q \supset r) \supset G(q \supset r),$$

$$(T10) Hp \& H(p \& q \supset r) \supset H(q \supset r),$$

$$(T11) Gp \supset G(q \supset p),$$

$$(T12) Hp \supset H(q \supset p),$$

$$(T13) Gp \supset G(\sim p \supset q),$$

$$(T14) Hp \supset H(\sim p \supset q),$$

$$(T15) G(p \supset \sim p) \supset G\sim p,$$

$$(T16) H(p \supset \sim p) \supset H\sim p,$$

$$(T17) \sim(G(p \vee q) \& Hp \& Hq),$$

$$(T18) \sim(H(p \vee q) \& Gp \& Gq),$$

$$(T19) G(p \vee q) \& Hp \supset Gq,$$

$$(T20) H(p \vee q) \& Gp \supset Hq.$$

Рассмотрим более подробно некоторые из этих теорем.

22. Ранее упоминалось возражение К. Менгера против принятия импликации «если я хочу сигарету и спички, то я хочу сигарету» (см. стр. 73). По мысли Менгера, человек, выражающий желание получить сигарету и спички, хочет получить их обязательно вместе. Ни сигарета без спичек, ни спички без сигареты не устраивают его, являясь для него безразличными, и только вместе они представляют определенную положительную ценность. Можно привести и другие примеры, свидетельствующие, как кажется, против логической истинности принципа

$$(T2) G(p \& q) \supset Gp.$$

Допустим, например, что вещества A и B , принимаемые вместе, оказывают благотворное влияние на здоровье человека, но будучи принятыми порознь, действуют на него неблагоприятно. Иначе говоря, смесь этих веществ является лекарством, хотя каждое из них в отдельности представляет собой яд. Можно думать, что из утверждения о положительной ценности состояния, когда вещества A и B принимаются вместе, не следует заключение о положительной ценности состояния, когда принимается только одно из данных веществ. Первое из этих состояний является добром, в то время как второе представляется злом.

Эти примеры, хотя они и кажутся направленными против принципа **(T2)**, в действительности являются скорее контрприме-

рами к другому принципу, а именно к утверждению «если состояния p и q , взятые вместе, имеют положительную ценность, то каждое из этих состояний является добром и в случае отсутствия другого состояния». Символически это утверждение можно было бы попытаться представить так:

$$G(p \& q) \supset G(p \& \sim q) \& G(q \& \sim p).$$

Последняя формула не является теоремой минимальной логики абсолютных оценок. Попытка дополнить этой формулой минимальную логику, усиленную одним из принципов аксиологической непротиворечивости, приводит к явно неприемлемым результатам:

1. $p \& q \supset . p \supset q$	PL
2. $G(p \& q) \supset G(p \supset q)$	1, (R3)
3. $(p \supset q) \equiv \sim(p \& \sim q)$	PL
4. $G(p \& q) \supset G \sim(p \& \sim q)$	2, 3, п. э.
5. $G(p \& q) \supset G(p \& \sim q) \& G(q \& \sim p)$	посылка
6. $G(p \& q) \supset G(p \& \sim q)$	5, PL
7. $G(p \& q) \supset G(p \& \sim q) \& G \sim(p \& \sim q)$	4, 6, PL
8. $Gp \supset \sim G \sim p$	посылка
9. $\sim(Gp \& G \sim p)$	8, PL
10. $\sim(G(p \& \sim q) \& G \sim(p \& \sim q))$	9, $p/p \& \sim q$
11. $\sim G(p \& q)$	7, 10, PL
12. $\sim G(p \& p)$	11, q/p
13. $\sim Gp$	12, PL, п. э.

Согласно последней формуле этого вывода неверно, что произвольно взятое состояние p является добром. Это определенно ложное утверждение.

Приведенный вывод показывает также, что в минимальной логике доказуема формула

$$G(p \& q) \supset G \sim(p \& \sim q) \& G \sim(q \& \sim p),$$

«если конъюнкция двух состояний является добром, то является добром также то, что одно из этих состояний не имеет места без другого».

Ясно, таким образом, что было бы ошибкой направлять довод, касающийся формулы

$$G(p \& q) \supset G(p \& \sim q) \& G(q \& \sim p),$$

против минимальной логики добра, в которой эта формула не доказуема и теоремой которой является формула

$$G(p \& q) \supset G \sim(p \& \sim q) \& G \sim(q \& \sim p).$$

Могут быть приведены также примеры, не согласующиеся, на первый взгляд, с принципом

$$(T4) H(p \& q) \supset Hp.$$

Можно, в частности, думать, что существуют состояния, конъюнкция которых является злом, хотя каждое из этих состояний, взятое само по себе, представляется добром, или, по меньшей мере, безразличным. Так, плохо иметь кошку и собаку, но хорошо иметь только кошку или только собаку; два вещества могут быть вместе ядом, но принимаемые порознь — лекарствами, и т. п.

В обоих этих примерах подразумевается, что состояния, конъюнкция которых является злом, оказываются положительно ценными, будучи взятыми порознь, одно без другого. Это означает, что приведенные и подобные им примеры направлены скорее не против принципа (T4), а против утверждения «если состояния p и q , взятые вместе, представляют отрицательную ценность, то каждое из этих состояний отрицательно ценно и при отсутствии другого состояния». В качестве символического аналога этого утверждения можно было бы предложить формулу

$$H(p \& q) \supset H(p \& \sim q) \& H(q \& \sim p).$$

Она не доказуема в минимальной логике добра и ее присоединение к этой логике делает теоремами такие малоочевидные утверждения, как

$$H(p \& q) \supset H(p \& \sim q) \& H \sim(p \& \sim q),$$

$$H(p \& q) \supset Hq \& H \sim q,$$

$$H(p \& q) \supset H \sim p \& H \sim q.$$

Сказанное по поводу доводов, направленных против принципов (T2) и (T4), не означает, что эти доводы совершенно не затрагивают минимальную логику добра. Они направлены прежде всего против утверждений, не являющихся теоремами этой логики, но поднимают вместе с тем ряд вопросов, касающихся ее оснований.

Выражение «состояние (p и q) имеет положительную ценность» употребляется в двух смыслах. В первом из них, который мы назовем *слабым*, оно означает, что p без q и q без p не являются положительно ценными и что только совместное наступление этих состояний является добром. При этом остается открытым вопрос, имеют ли положительную ценность состояния p и q , взятые сами по себе. Иными словами, употребляемое в слабом смысле выражение «состояние (p и q) представляет собой добро» определя-

ет аксиологический статус *связи двух состояний*, p и q , ничего не говоря об аксиологическом статусе каждого из этих состояний.

Сходным образом, выражение «состояние (p и q) является злом», употребляемое в слабом смысле, означает, что одновременное наличие состояний p и q представляет отрицательную ценность. Оно характеризует связь данных состояний, утверждая, что p без q и q без p не имеет отрицательной ценности, но это выражение ничего не говорит о ценности самих состояний p и q , рассматриваемых независимо друг от друга.

Употребление фразы «состояние (p и q) есть добро» в слабом смысле совместимо с предположением, что ни одно из состояний, конъюнкция которых является добром, само по себе не представляет добра. Состояния p и q , рассматриваемые по отдельности, могут быть безразличными или даже отрицательно ценными, но этим не исключается, что их одновременное наступление оценивается положительно.

Употребление фразы «состояние (p и q) есть зло» в слабом смысле совместимо с допущением, что ни одному из состояний, конъюнкция которых оценивается отрицательно, не присуща отрицательная ценность, если оно берется независимо от другого состояния. Каждое из состояний p и q , взятое само по себе, может быть безразличным или даже положительно ценным, но их конъюнкция может оказаться тем не менее отрицательной ценностью.

Представляя связку «и», встречающуюся в приведенных утверждениях о слабых смыслах, с помощью символа $\wedge$, можно было бы попытаться дать этим утверждениям такие символические формулировки:

$$G(p \wedge q) \supset \sim G(p \wedge \sim q) \wedge \sim G(\sim p \wedge q),$$

$$H(p \wedge q) \supset \sim H(p \wedge \sim q) \wedge \sim H(\sim p \wedge q),$$

$$(\exists p) (\exists q) (Hp \wedge Hq \wedge G(p \wedge q)),$$

$$(\exists p) (\exists q) (Hp \wedge Gq \wedge G(p \wedge q)),$$

$$(\exists p) (\exists q) (Hp \wedge Iq \wedge G(p \wedge q)),$$

$$(\exists p) (\exists q) (Gp \wedge Iq \wedge G(p \wedge q)),$$

$$(\exists p) (\exists q) (Ip \wedge Iq \wedge G(p \wedge q)),$$

$$(\exists p) (\exists q) (Gp \wedge Gq \wedge H(p \wedge q)),$$

$$(\exists p) (\exists q) (Gp \wedge Hq \wedge H(p \wedge q)),$$

$$(\exists p) (\exists q) (Gp \wedge Iq \wedge H(p \wedge q)),$$

$$(\exists p) (\exists q) (Hp \wedge Iq \wedge H(p \wedge q)),$$

$$(\exists p) (\exists q) (Ip \wedge Iq \wedge H(p \wedge q)).$$

Выражения «состояние (p и q) является добром» и «состояние (p и q) является злом» могут употребляться также в сильном смысле. В этом случае они не только характеризуют аксиологический статус связи двух состояний, но и определяют также аксиологический статус *каждого из этих состояний*.

Фраза «состояние (p и q) положительно ценно», употребляемая в сильном смысле, означает, что одновременное наличие указанных двух состояний представляет собой добро и что, сверх того, каждое из этих состояний является добром.

Фраза «состояние (p и q) отрицательно ценно», используемая в сильном смысле, говорит, что каждое из состояний p и q является злом и их совместное наступление также является отрицательной ценностью.

Употребление первой из этих фраз в сильном смысле несовместимо с допущением, что хотя бы одно из двух состояний безразлично или отрицательно ценно. Употребление в сильном смысле второй фразы несовместимо с допущением положительной ценности или безразличия одного из тех состояний, чья конъюнкция является злом.

Используя символ $\&$ для представления связки «и», встречающейся в характеристиках сильных смыслов, можно так символически представить эти характеристики:

$$G(p \& q) \supset Gp \& Gq,$$

$$G(p \& q) \supset \sim G(p \& \sim q) \& \sim G(\sim p \& q),$$

$$H(p \& q) \supset Hp \& Hq,$$

$$H(p \& q) \supset \sim H(p \& \sim q) \& \sim H(\sim p \& q),$$

$$\sim (Hp \& Hq \& G(p \& q)),$$

$$\sim (Hp \& Iq \& G(p \& q)),$$

$$\sim (Hp \& Gq \& G(p \& q)),$$

$$\sim (Gp \& Iq \& G(p \& q)),$$

$$\sim (Ip \& Iq \& G(p \& q)),$$

$$\sim (Gp \& Gq \& H(p \& q)),$$

$$\sim (Gp \& Iq \& H(p \& q)),$$

$$\sim (Gp \& Hq \& H(p \& q)),$$

$$\sim (Hp \& Iq \& H(p \& q)),$$

$$\sim (Ip \& Iq \& H(p \& q)).$$

Все эти формулы являются теоремами рассматриваемой нами логики абсолютных оценок. Выражения $G(p \& q)$ и $H(p \& q)$ этой логики представляют фразы «состояние (p и q) является добром»

и «состояние (p и q) является злом», используемые в сильном смысле.

Выбор из двух возможных толкований этих фраз сильного их толкования объясняется тем, что мы основываем логику добра на обычной или истинностно-функциональной пропозициональной логике. В соответствии с этим конъюнкция понимается нами только в истинностно-функциональном смысле.

Для этого смысла справедлив принцип

$$p \& q \supset p.$$

«если истинно каждое из двух высказываний p и q , то истинно также p ». Этот принцип совместно с положением «логические следствия добра не могут не быть добром» позволяет получить формулу

$$G(p \& q) \supset Gp.$$

Она является логически истинной только в том случае, когда выражение (p и q) представляет фразу «состояние (p и q) положительно ценно», употребляемую в сильном смысле.

Слабые смыслы выражений «состояние (p и q) является добром» и «состояние (p и q) является злом» не будут специально исследоваться нами. Сделаем лишь два замечания в связи с ними.

Если фразе «сигарета и спички имеют для меня положительную ценность» придастся сильный смысл, то из нее следует, что сигарета также является положительно ценной для меня. Но если данной фразе придастся слабый смысл, то оказывается справедливым утверждение Менгера, что желание получить сигарету и спички не влечет желания получить сигарету.

Фразы «(p и q) есть добро» и «(p и q) есть зло» употребляются в слабом смысле довольно часто. Они не могут быть представлены с помощью форм $G(p \& q)$ и $H(p \& q)$, так как в рассматриваемой нами логике добра эти формы соответствуют сильным смыслам указанных фраз. В качестве символических аналогов данных фраз, используемых в слабом смысле, можно предложить выражения

$$G \sim (p \& \sim q) \& G \sim (q \& \sim p) \text{ и } H \sim (p \& \sim q) \& H \sim (q \& \sim p).$$

23. К. Менгер утверждал, что если человек хочет иметь кошку и хочет иметь собаку, то из этого еще не следует, что он хочет обзавестись и кошкой, и собакой, не уживающимися друг с другом. Можно привести и другие примеры, показывающие, что вещи, имеющие порознь положительную ценность, оказываются безразличными или даже отрицательно ценными, когда они объединяются вместе. Существуют, например, вещества, которые, будучи взяты по отдельности, являются лекарствами, но в случае совместного применения теряют свои целебные свойства или даже оказывают вредное воздействие.

Не следует ли под давлением этих и сходных с ними примеров отказаться, как это делает Менгер, от принципа

$$(T21) Gp \& Gq \supset G(p \& q)?$$

Нам кажется, что нет. Существование состояний, являющихся порознь положительно ценными и безразличными или плохими вместе, не может служить контрпримером к принципу (T21). В его antecedенте речь идет о состояниях p и q ; в контрпримерах же явным образом говорится именно о положительной ценности одного состояния в условиях отсутствия другого. Принцип (T21) является справедливым как для сильного, так и для слабого смысла выражения «состояние (p и q) есть добро».

Приведенные примеры не противоречат также принципу

$$(T22) G(p \& \sim q) \& G(q \& \sim p) \supset G(p \& q),$$

доказуемому в минимальной логике добра:

1. $p \supset p$	PL
2. $Gp \supset Gp$	1, (R3)
3. $p \supset q \supset . p \& r \supset q$	PL
4. $Gp \supset Gp \supset . Gp \& G \sim p \supset Gp$	3, $p/Gp, q/Gp, r/G \sim p$
5. $Gp \& G \sim p \supset Gp$	2, 4, п. о.
6. $Gq \& G \sim q \supset Gq$	5, p/q
7. $(p \supset q) \& (r \supset s) \supset . p \& r \supset q \& s$	PL
8. $(Gp \& G \sim p \supset Gp) \& (Gq \& G \sim q \supset Gq) \supset$ $\supset . Gp \& G \sim p \& Gq \& G \sim q \supset Gp \& Gq$	7, $p/Gp \& G \sim p, q/Gp,$ $r/Gq \& G \sim q, s/Gq$
9. $Gp \& G \sim p \& Gq \& G \sim q \supset Gp \& Gq$	5, 6, 8, п. о.
10. $G(p \& q) \equiv Gp \& Gq$	(T1)
11. $G(p \& \sim q) \& G(q \& \sim p) \supset G(p \& q)$	9, 10, п. э., PL.

В рамках этой логики (T22) эквивалентен утверждениям:

$$(T23) G(p \& \sim p) \& G(q \& \sim q) \supset G(p \& q),$$

$$(T24) G(p \& \sim p) \& G(q \& \sim q) \supset G(\sim p \& \sim q),$$

$$(T25) G(p \& \sim q) \& G(q \& \sim p) \supset G(\sim p \& \sim q).$$

Antecedентами всех этих утверждений являются аксиологически противоречивые выражения. Высказывания же «хорошо иметь кошку без собаки и хорошо иметь собаку без кошки», «полезно употреблять вещество A отдельно от вещества B и хорошо употреблять B без A » и т. п. аксиологически непротиворечивы. Рассуж-

дения, включающие эти высказывания в качестве посылок, не могут поэтому представляться с помощью принципов, подобных (T22)—(T25). Символическим аналогом рассуждения, выдвинутого Менгером против (T21), является скорее всего формула

$$G(p \supset \sim q) \& G(q \supset \sim p) \supset G(p \& q).$$

Она не доказуема в минимальной логике добра.

Сказанное о принципах (T21) и (T22)—(T25) равным образом приложимо и к принципам

$$(T26) Hp \& Hq \supset H(p \& q),$$

$$(T27) H(p \& \sim q) \& H(q \& \sim p) \supset H(p \& q),$$

$$(T28) H(p \& \sim p) \& H(q \& \sim q) \supset H(p \& q),$$

$$(T29) H(p \& \sim p) \& H(q \& \sim q) \supset H(\sim p \& \sim q),$$

$$(T30) H(p \& \sim q) \& H(q \& \sim p) \supset H(\sim p \& \sim q).$$

24. Рассмотрим теперь теоремы (T6) и (T8). Согласно первой из них, если состояние p является добром, то состояние (p или q) также представляет собой добро; согласно второй — отрицательная ценность состояния p влечет отрицательную ценность состояния (p или q).

Например, «если выполнение обещаний является добром, то хорошо выполнять обещания или отказывать в помощи тонушему человеку», «если плохо лгать, то плохо лгать или оказывать помощь тонушему» и т. п.

Логика добра основывается нами на обычной пропозициональной логике. Связка «или» этой логики означает, что имеет место хотя бы одна из двух указанных альтернатив. Очевидно, что при таком понимании дизъюнкции является логической истиной как формула

$$p \supset p \vee q$$

пропозициональной логики, так и получаемые из нее по правилам (R3) и (R4) формулы

$$Gp \supset G(p \vee q),$$

$$Hp \supset H(p \vee q)$$

минимальной логики добра.

Сомнения в приемлемости этих формул могут возникнуть только в случае придания входящей в них связке «или» смысла, отличного от функционально-истинностного. Возможность такой подмены смысла вполне реальна. В обычном языке истинностное значение высказывания « p или q » нередко не определяется истинностными значениями высказываний p и q . Сверх того, обычное «или» иногда употребляется вместо «и». Например, предложение «если плохо лгать, то плохо лгать или оказывать помощь тонуше-

му» может быть использовано для выражения мысли, более адекватно передаваемой предложением «если плохо лгать, то плохо лгать и оказывать помощь тонушему» или предложением «если плохо лгать, то плохо лгать и плохо оказывать помощь тонушему».

25. В большинстве систем деонтической логики выражение $O(p \supset q)$ интерпретируется как представляющее производную обязанность сделать q в случае выполнения p . Производные обязанности являются частным случаем условных или гипотетических норм, т. е. норм, предписывающих выполнять определенные действия при вполне определенных условиях. В случае производных обязанностей этими условиями являются действия самого субъекта: $O(p \supset q)$ означает, что субъект, сделав p , налагает тем самым на себя обязанность выполнить действие q .

Формулы

$$(1) Op \supset O(\sim p \supset q),$$

$$(2) Op \supset O(q \supset p)$$

принято называть «парадоксами производной обязанности». Их «парадоксальность» состоит в несовместимости их с интуитивными или привычными представлениями о логическом следовании одних норм из других, с обычными представлениями о производных обязанностях.

Формула (1) является деонтическим аналогом теоремы

$$Lp \supset L(\sim p \supset q)$$

алетических модальных систем. Согласно этой теореме отрицание необходимого высказывания строго имплицитно любое высказывание; в соответствии с формулой (1) пренебрежение некоторой обязанностью налагает на субъекта обязанность выполнить любое действие.

Обе эти формулы являются аналогами следующего, считаемого обычно не согласующимся с интуицией, тезиса теории материальной импликации:

$$p \supset \sim p \supset q,$$

«ложное высказывание имплицитно любое высказывание». По характеристике Я. Лукасевича, последний закон «содержит указание на обычный яд противоречия: если два противоречащих друг другу предложения, например a и $\sim a$, признаются оба одновременно истинными, то мы можем на основании этого закона вывести из них произвольное предложение q , т. е. какое угодно предложение» [19, стр. 131].

Сходным образом можно истолковать и тезисы

$$Op \supset O(\sim p \supset q),$$

$$Lp \supset L(\sim p \supset q).$$

Первый из них утверждает, например, что нарушение обязанности чревато весьма опасными последствиями: оно делает обязательным все, что угодно.

Но кажется очевидным, с другой стороны, что утверждения, подобные таким, как «если обязательно переходить улицу только при зеленом свете светофора и вы нарушаете эту обязанность, то вы становитесь тем самым обязанным убить кого-либо», не являются истинами логики. Они не согласуются с обычным пониманием логических связей обязанностей.

Другим парадоксом материальной импликации является принцип: «истинное высказывание имплицитно является любым высказыванием»; символически:

$$p \supset \cdot q \supset p.$$

Его алетический аналог: «необходимое высказывание влечется (строго имплицитно) любым высказыванием»; символически:

$$Lp \supset L(q \supset p).$$

Деонтический аналог: «выполнение субъектом любого действия делает его обязанным выполнить обязательное действие»; символически:

$$Op \supset O(q \supset p).$$

Последний принцип также не согласуется с обычным пониманием производной обязанности. Если обязательно, например, не убивать, то из этого еще не следует, что мы распространяем на себя эту обязанность, выполняя любое действие. Утверждение «если обязательно заботиться о ближних, то эту обязанность мы налагаем на себя тем, что курим», не кажется истиной логики.

Являются ли парадоксальными в каком-либо сходном смысле также формулы:

$$Gp \supset G(\sim p \supset q),$$

$$Gp \supset G(q \supset p),$$

$$Hp \supset H(\sim p \supset q),$$

$$Hp \supset H(q \supset p)?$$

Ответ на этот вопрос зависит от истолкования выражения «хорошо, что если p , то q ».

Все ценности можно разделить на внутренние и внешние, или производные. Внутреннее ценное является ценным само по себе, безотносительно к чему-либо другому. Внешне, или производно, ценное представляет собой ценность постольку, поскольку оно способствует или препятствует наступлению некоторого иного состояния. В дальнейшем мы специально остановимся на проблеме вы-

явления логических характеристик оценок, приписывающих состояниям внешнюю ценность (гл. 5). Сейчас же отметим, что понятие производной ценности можно считать аксиологическим аналогом деонтического понятия производной обязанности. Последнюю принято представлять символически с помощью выражения $O(p \supset q)$. Именно истолкование $O(p \supset q)$ как «выполнение субъектом действия p налагает на него обязанность сделать q » делает парадоксальными формулы

$$Op \supset O(\sim p \supset q),$$

$$Op \supset O(q \supset p).$$

Можно ли утверждения о производной ценности одного состояния с точки зрения другого представлять по аналогии с деонтической логикой с помощью форм $G(p \supset q)$ и $H(p \supset q)$? Нам кажется, что нет.

Импликация $p \supset q$ означает, что истинность p является достаточным условием истинности q . Выражение $O(p \supset q)$ означает в соответствии с этим, что выполнение действия p есть достаточное условие для того, чтобы стало обязательным действие q .

Допустим, что оборот «состояние p хорошо, поскольку оно способствует достижению состояния q » представляется посредством выражения $G(p \supset q)$. Производно ценным является при этом состояние p , наступление которого достаточно для наступления q . Но в выражении $O(p \supset q)$ производно обязательным является не действие p , а действие q .

Если $G(p \supset q)$ означает « p хорошо с точки зрения достижения q », то принцип

$$Gp \supset G(q \supset p)$$

утверждает, что «если p хорошо, то является также хорошим всякое состояние, ведущее к p ». Если $H(p \supset q)$ истолковывается как « p плохо, так как оно ведет к q », то принцип

$$Hp \supset H(q \supset p)$$

говорит: «если состояние p является плохим, то плохо и всякое состояние, способствующее наступлению p ». Оба эти утверждения вряд ли приемлемы, но они имеют вполне определенный смысл. Иначе обстоит дело с формулами

$$Gp \supset G(\sim p \supset q),$$

$$Hp \supset H(\sim p \supset q).$$

Если принимаются указанные истолкования выражений $G(p \supset q)$ и $H(p \supset q)$, то этим двум формулам трудно придать какой-либо смысл.

Мы не будем поэтому пытаться представлять утверждения о внешней ценности состояний с помощью форм $G(p \supset q)$ и $H(p \supset q)$.

Выражение $G(p \supset q)$ будет означать «хорошо, что состояние p не наступает без состояния q » («хорошо, что p всегда сопровождается q »), $H(p \supset q)$ — «плохо, что состояние p всегда сопровождается состоянием q ». При таком истолковании данных выражений формула

$$Gp \supset G(q \supset p)$$

говорит: «хорошо, если любое состояние сопровождается положительно ценным состоянием»; согласно формуле

$$Hp \supset H(q \supset p)$$

плохо, что всякое состояние наступает вместе с отрицательно ценным состоянием. Логическая истинность этих утверждений сомнительна.

Из формулы

$$Gp \supset G(\sim p \supset q)$$

с помощью аксиомы

$$G(p \supset q) \supset . Gp \supset Gq$$

и закона транзитивности можно получить формулу

$$G(p \supset q) \supset . G \sim p \supset Gq$$

и затем формулу

$$(T31) Gp \& G \sim p \supset Gq.$$

Сходным образом из

$$Hp \supset H(\sim p \supset q)$$

может быть выведена формула

$$(T32) Hp \& H \sim p \supset Hq.$$

Из (T31) и (T32) с помощью (T1) выводимы

$$(T33) G(p \& \sim p) \supset Gq,$$

$$(T34) H(p \& \sim p) \supset Hq.$$

Две последние теоремы означают, что положительная или отрицательная оценка противоречивого состояния имплицитно положительную или, соответственно, отрицательную оценку произвольного состояния. Эти теоремы можно считать аксиологическими аналогами закона пропозиционального исчисления

$$p \supset . \sim p \supset q,$$

указывающего на недопустимость противоречия.

Трудно согласиться, что логика оценок должна содержать истины, подобные (T11)—(T14), (T31)—(T34). Все эти теоремы по-

лучаются довольно естественным образом из тезисов пропозициональной логики, относимых обычно к парадоксам материальной импликации. Очевидно, что если избрать непарадоксальную теорию логического следования, то ни одна из рассматриваемых формул не будет доказуемой. Сомнения, связанные с приемлемостью (T11)—(T14), (T31)—(T34), относятся, таким образом, не столько к логике оценок, сколько к пропозициональной логике, лежащей в ее основании.

На этом мы закончим обсуждение минимальной логики добра.

26. До сих пор речь шла только о хорошем и плохом, положительно и отрицательно ценном, о добре и зле. Сейчас мы обратимся к системам, теоремы которых говорят не только о добре и зле, но и о безразличном.

Выражение $I p$ будет представлять высказывание «состояние p является безразличным (для определенного субъекта, с определенной точки зрения и в определенное время)».

Минимальную логику абсолютных оценок, содержащую среди своих исходных символов наряду с операторами G и H оператор I , определим с помощью следующего множества аксиом и правил вывода:

A0. Некоторое множество аксиом, позволяющее получить с помощью правила подстановки и правила отделения (полную) классическую пропозициональную логику,

$$A1. G(p \supset q) \supset . Gp \supset Gq,$$

$$A2. H(p \supset q) \supset . Hp \supset Hq,$$

$$A3. I(p \supset q) \supset . Ip \supset Iq,$$

$$A4. Gp \supset \sim Hp,$$

$$A5. Gp \supset \sim Ip,$$

$$A6. Hp \supset \sim Ip,$$

(R1) из формул $\alpha \supset \beta$ и α следует формула β ;

(R2) из формулы α следует формула β , являющаяся результатом подстановки правильно построенной формулы пропозициональной логики вместо каждого вхождения в α некоторой пропозициональной переменной;

(R3) из формулы $\alpha \supset \beta$ пропозициональной логики следует $G\alpha \supset G\beta$;

(R4) из формулы $\alpha \supset \beta$ пропозициональной логики следует $H\alpha \supset H\beta$;

(R5) из формулы $\alpha \supset \beta$ пропозициональной логики следует $I\beta \supset I\alpha$.

Будем представлять эту логику абсолютных оценок как систему $GNIm$. Она отличается от системы GNm только дополнительными аксиомами и правилами вывода, характеризующими оператор I («безразлично») и его отношения с операторами G и H .

Аксиома **A3** устанавливает дистрибутивность оператора I относительно импликации. Словами ее можно передать так: «если безразлично, что состояние p наступает только вместе с состоянием q , и безразлично само состояние p , то безразличным является также состояние q ».

Согласно **A5** никакое состояние не может быть хорошим и безразличным одновременно (с одной и той же точки зрения одного и того же субъекта). **A6** утверждает, что никакое состояние не может быть одновременно и плохим, и безразличным.

Особый интерес представляет правило (**R5**). В соответствии с ним, если логическое следствие некоторого состояния безразлично, то безразлично и само это состояние. Очевидно отличие этого правила от (**R3**), утверждающего, что логические следствия добра являются добром, и от правила (**R4**), указывающего, что логические следствия зла представляют собой зло.

С помощью (**R5**) из тавтологий двухзначной логики можно получить такие теоремы:

$$(1) Ip \supset I(p \& q),$$

«если состояние p безразлично, то является безразличной и конъюнкция этого состояния с любым другим состоянием»;

$$(2) I(p \vee q) \supset Ip,$$

«если безразлично состояние p или состояние q , то безразлично состояние p »;

$$(3) I(q \supset p) \supset Ip,$$

«если безразлично, что произвольное состояние q сопровождается состоянием p , то p безразлично»;

$$(4) I(\sim p \supset q) \supset Ip,$$

«если безразлично, что состояние $\sim p$ наступает всегда вместе с произвольным состоянием q , то состояние p безразлично»;

$$(5) Ip \supset I(q \& \sim q),$$

«если безразлично произвольно взятое состояние p , то безразлично противоречивое состояние»;

$$(6) Ip \supset I(\sim p \supset p),$$

$$(7) I\sim p \supset I(p \supset \sim p),$$

$$(8) I(p \vee \sim p) \supset I(q \& \sim q),$$

«если безразлично тавтологическое (всегда имеющее место) состояние, то безразлично противоречивое (никогда не наступающее) состояние».

Одно из возможных возражений против теоремы (1) состоит в следующем. Имеются вещи, безразличные сами по себе, но представляющие определенную ценность (положительную или отрицательную) вместе с некоторыми иными вещами. Например, одно

ружье может быть безразличным (для определенного субъекта), но вместе с патронами к нему оно способно явиться (для этого субъекта) положительной ценностью.

На это возражение можно ответить по аналогии с тем, как ранее мы отвечали на возражение против принятия принципов

$$G(p \& q) \supset Gp \text{ и } H(p \& q) \supset Hp.$$

То, что два состояния, взятые вместе, могут иметь положительную (отрицательную) ценность и не обладать ею, будучи взятыми порознь, является доводом не против указанных принципов, а против утверждений

$$G(p \& q) \supset G(p \& \sim q) \text{ и } H(p \& q) \supset H(p \& \sim q),$$

не доказуемых в логике добра. Сходным образом существование состояний, каждое из которых само по себе безразлично, но в конъюнкции с другим состоянием положительно или отрицательно ценно, говорит не о неприемлемости теоремы (1), а о неприемлемости положений

$$I(p \& \sim q) \supset I(p \& q),$$

$$I(\sim p \& q) \supset I(p \& q),$$

$$I(p \& \sim q) \& I(\sim p \& q) \supset I(p \& q).$$

И действительно, ни одно из этих положений не является теоремой системы **GHIm**.

Обычные возражения против принципов

$$Gp \supset G(p \vee q) \text{ и } Hp \supset H(p \vee q)$$

являются, если присмотреться к ним внимательно, чаще всего доводами против положений

$$Gp \supset G(p \& \sim q) \text{ и } Hp \supset H(p \& \sim q),$$

не доказуемых в логике добра. Аналогично обстоит дело и со многими возражениями, направленными, как первоначально кажется, против теоремы (2). Они должны направляться, на самом деле, против положения

$$I(p \& \sim q) \supset Ip,$$

не доказуемого в **GHIm**.

Интересно отметить, что правило «из $\alpha \supset \beta$ следует $I\alpha \supset I\beta$ » не может быть выведено в **GHIm**; логические следствия безразличного не являются с необходимостью безразличными. Утверждения

$$I(p \& q) \supset Ip,$$

$$Ip \supset I(p \vee q),$$

$$Ip \supset I(q \supset p),$$

$$I(q \& \sim q) \supset Ip,$$

$$I(q \& \sim q) \supset I(p \vee \sim p)$$

не входят в число теорем **GNIm**. Не являются ими также утверждения

$$I(p \& q) \supset I(p \& \sim q) \vee I(\sim p \& q),$$

$$I(p \& \sim q) \& I(\sim p \& q) \supset I(p \vee q).$$

27. Из аксиом **A5** и **A6** системы **GNIm** выводимы утверждения

$$Ip \supset \sim Gp,$$

$$Ip \supset \sim Hp$$

и, следовательно, утверждение

$$Ip \supset \sim Gp \& \sim Hp,$$

«если некоторое состояние безразлично, то оно не является ни добром, ни злом». Обратная импликация, т. е. формула

$$\sim Gp \& \sim Hp \supset Ip$$

(«состояние безразлично, если оно не есть ни добро, ни зло») не доказуема в **GNIm**. Она эквивалентна утверждению.

$$Gp \vee Hp \vee Ip,$$

«всякое состояние или безразлично, или представляет собой добро, или зло». Это утверждение может быть названо принципом аксиологической полноты. Он требует, чтобы каждое состояние было предметом той или иной оценки, приписывающей ему положительную, отрицательную или нулевую ценность³¹.

В **GNIm** ни один из операторов *G*, *H*, *I* не определим в терминах одного или двух других операторов; все эти операторы должны приниматься в качестве исходных. Принцип аксиологической полноты совместно с аксиомами **A4—A6** дает возможность доказать в дополненной им системе **GNIm** эквивалентности

$$Gp \equiv \sim Hp \& \sim Ip,$$

$$Hp \equiv \sim Gp \& \sim Ip,$$

$$Ip \equiv \sim Gp \& \sim Hp$$

и определить любой из операторов *G*, *H*, *I* в терминах двух других операторов. В силу этого вопрос о приемлемости принципа аксио-

³¹ В деонтической логике аналогом принципа аксиологической полноты является утверждение: «всякое действие или запрещено, или разрешено». Аксиологическому деонтическому принципам полноты в логике абсолютных временных срезов соответствует утверждение: «для всякого состояния верно, что оно или было, или будет, или есть». Идея, что все существует во времени, в терминах логики сравнительных временных срезов выразима таким образом: «любые два состояния или одновременны, или одно из них раньше другого».

логической полноты оказывается равнозначным вопросу об определении безразличия в терминах добра и зла или вопросу об определении добра (зла) в терминах безразличия и зла (добра).

28. Следует проводить четкое различие между двумя связанными между собой смыслами, в которых может употребляться слово «безразлично». Безразличное в первом смысле, который мы назовем *слабым*, — это то, что не является ни положительно, ни отрицательно ценным. Безразличное во втором, *сильном*, смысле — это то, что представляет собой нулевую ценность. Очевидно, что если некоторый субъект, оценивая определенную вещь, нашел, что она является нулевой ценностью, то он нашел тем самым, что рассмотренная им вещь не способна быть с принятой им точки зрения ни добром, ни злом. Но если та или иная вещь не кажется какому-то субъекту ни положительно, ни отрицательно ценной, то из этого еще не следует, что данным субъектом ей приписана нулевая ценность. Он может не иметь об этой вещи никакого представления или просто, не интересуясь ее ценностью, не делать ее предметом своей оценки. Это означает, что рассматриваемая вещь не оценивается им ни положительно, ни отрицательно; она не является также безразличной в сильном смысле.

Чтобы лучше понять разницу между двумя смыслами «безразличного», введем понятие посредственного и понятие собственно безразличного. Первое будем представлять символом *J*, второе — символом *K*.

Собственно безразличным для данного субъекта является все то, что лежит вне его аксиологической области, т. е. вне класса тех вещей, которые ему известны и ценностью которых он интересуется. Знания всякого субъекта ограничены. Сверх того, не каждая из тех вещей, о которых он имеет хотя бы смутное представление, возбуждает его интерес, заставляя его сформулировать, явно или неявно, свое собственное мнение о ее ценности. Аксиологическая область меняется от субъекта к субъекту, но она никогда не охватывает множество всех вещей.

Посредственным для данного субъекта является все то, что оценивалось им и не было отнесено ни к положительно, ни к отрицательно ценному. Посредственное, подобно добру и злу, входит в аксиологическую область субъекта, располагаясь в ней как бы между добром и злом.

Безразличное в сильном смысле и посредственное — это одно и то же. *K* безразличным в слабом смысле относятся все вещи, являющиеся посредственными или собственно безразличными. Каждая вещь имеет, таким образом, положительную, отрицательную или нулевую ценность, или находится за пределами аксиологической области, являясь собственно безразличной. Символически это утверждение можно было бы попытаться представить с помощью формулы

$$(*) Gp \vee Hp \vee Jp \vee Kp.$$

29. Следует ли систему $\mathbf{GNIm}$ расширить таким образом, чтобы эта формула оказалась ее теоремой? Нам кажется, что нет.

Высказывания « p есть положительная ценность», « p есть отрицательная ценность» и « p есть нулевая ценность» являются оценками. Высказывание же « p — собственно безразлично» (Kp) является не оценочным, а фактическим. Оно описывает совокупность оценок некоторого субъекта, утверждая, что состояние p лежит за пределами его аксиологической области. Приведенная формула объединяет, таким образом, разнородные компоненты и устанавливает логическую связь фактического утверждения с оценочными. Она позволяет от оценочных утверждений переходить к утверждениям, описывающим оценки, и наоборот.

В частности, выводимая из нее формула

$$(**) \sim (Gp \vee Hp \vee Ip) \supset Kp$$

говорит о том, что если некоторое состояние не является ни хорошим, ни плохим, ни посредственным, то это состояние не является предметом оценки того субъекта, которому могли бы принадлежать оценки Gp , Hp и Ip . Это утверждение приемлемо в логике высказываний об оценках, но не в логике самих оценок.

Отрицание оценки «состояние p является хорошим» допускает разные толкования. Результат введения отрицания в данную оценку может пониматься как фактическое высказывание «состояние p не является объектом положительной оценки». Это высказывание описывает оценочную деятельность некоторого субъекта и устанавливает, что он не счел нужным приписать состоянию p положительную ценность. Этот же результат можно толковать и как оценочное высказывание, приписывающее состоянию p ценность, отличную от положительной.

Возможность нескольких толкований высказываний, содержащих оценочные предикаты и знак отрицания, сохраняется и в случае сложных высказываний.

Если в формуле (***) выражению

$$\sim (Gp \vee Hp \vee Ip)$$

дается фактическая интерпретация, то оно означает, что принимаемым во внимание субъектом не была высказана ни одна из трех оценок Gp , Hp и Ip . Ясно, что при таком понимании это выражение является утверждением об оценках, имплицитующим другое утверждение об оценках, а именно Kp . Импликация (***) относится, конечно, к законам логики высказываний об оценках, но не к законам самой логики оценок.

Если в формуле (***) ее antecedенту дается не фактическая, а аксиологическая интерпретация, то данная формула позволяет перейти от оценочного утверждения к фактическому.

Мы принимаем, что отрицанием оценки всегда является оценка, подобно тому как отрицанием фактического высказывания мо-

жет быть только фактическое высказывание. С этой точки зрения фактическая интерпретация antecedента формулы (***) является неправомерной. Аксиологическая же его интерпретация делает эту формулу необоснованной.

Из (*) следует также формула

$$(***) \sim Kp \supset Gp \vee Hp \vee Ip,$$

«если неверно, что состояние p не является предметом оценки, то этому состоянию приписывается положительная, отрицательная или нулевая ценность». Выражение $\sim Kp$ представляет здесь фактическое высказывание, выражение $Gp \vee Hp \vee Ip$ — оценочное. Устанавливаемый в (***) переход от фактов к оценке не может быть признан обоснованным³².

30. «Собственно безразличное» не является оценочным понятием и мы не будем поэтому вводить в логику оценок представляющий это понятие оператор K . Высказывание о слабом безразличии есть дизъюнкция фактического и оценочного высказываний, $Kp \vee Ip$. Оно не относится к чисто оценочным утверждениям. Под безразличным мы будем понимать только безразличное в сильном смысле (являющееся нулевой ценностью), отождествляя операторы I и I .

В соответствии с этими оговорками принцип аксиологической полноты означает, что всякое состояние есть или положительная, или отрицательная, или нулевая ценность.

Подобно принципу аксиологической непротиворечивости, он может интерпретироваться как дескриптивно, так и прескриптивно.

При первой интерпретации он оказывается фактическим утверждением, устанавливающим, что множество оценок всякого субъекта является полным, т. е. содержит положительную, отрицательную или нулевую оценку каждого состояния. Очевидно, что это утверждение, отождествляющее аксиологическую область произвольно взятого субъекта с множеством всех вещей, является ложным.

В случае прескриптивной интерпретации принцип аксиологической полноты налагает определенное ограничение на множество исследуемых систем оценок. Он указывает, что содержащая его логическая теория применима только для анализа полных систем оценок.

В логике абсолютных оценок, получаемой присоединением к $\mathbf{GNIm}$ принципа аксиологической полноты (сокращенно: $\mathbf{GNIm} + (Gp \vee Hp \vee Ip)$), каждый из операторов G , H , I определим

³² Е. Калиновский, излагая в [94] взгляды Гуссерля, вводит понятие «аксиологической области». Его выражение Oa , указывающее на принадлежность объекта a определенной аксиологической области, по существу равнозначно нашему выражению Kp . В силу этого доводы, приводимые нами против принятия в логике оценок принципа (***) являются одновременно доводами против всех тех принимаемых Калиновским принципов логики оценок, которые содержат выражение Oa .

в терминах двух других операторов. Она является, таким образом, примером логики добра, среди исходных понятий которой отсутствует само понятие добра.

31. От вопроса об определении безразличия в терминах добра и зла перейдем теперь к вопросу о взаимной определении двух последних понятий.

В случае целого ряда форм или видов добра положительная (отрицательная) ценность не может быть описана в терминах отрицательной (положительной) ценности и некоторых понятий пропозициональной логики. Однако отдельные употребления «хорошего» и «плохого» таковы, что ими допускается взаимная определимость этих понятий. В задачу логики оценок не входит выявление этих употреблений. Но она должна предусмотреть расширения исходной логической теории оценок, пригодные для их анализа.

Мыслимы такие определения добра в терминах отрицания и зла:

$$Gp =_{df} \sim H \sim p,$$

«состояние является положительной ценностью, если и только если противоположное состояние есть отрицательная ценность»;

$$Gp =_{df} \sim Hp,$$

«хорошо то, что не является плохим».

В случае, когда в качестве исходного избрано понятие положительной ценности, отрицательно ценное можно определить одним из следующих двух способов:

$$Hp =_{df} G \sim p,$$

«состояние является отрицательной ценностью тогда и только тогда, когда противоположное состояние есть положительная ценность»;

$$Hp =_{df} \sim Gp,$$

«плохо все то, что не является хорошим».

Примером употребления «добра» и «зла», при котором они определяемы в терминах друг друга, может служить так называемое техническое их употребление. Если «добро» представляет «техническое добро» (наличие способности, умения для выполнения определенной деятельности), а «зло» — «техническое зло» (отсутствие такой способности, умения), то «добро» и «зло» контрадикторны и сводимы друг к другу: не являющийся способным делать что-то не способен делать это, и если неверно, что человек не способен что-то делать, то он способен.

Примером употребления, в случае которого положительно и отрицательно ценное не определяемы друг через друга, является гедонистическое употребление «добра» и «зла». Отсутствие удовольствия (гедонистического добра) не всегда означает страдание,

и отсутствие страдания не может быть отождествлено с удовольствием. С другой стороны, из того, что некоторое состояние доставляет удовольствие, не следует в общем случае, что противоположное состояние вызывает страдание³³.

В случае некоторых употреблений «добра» и «зла» неясно непосредственно, можно ли определить эти понятия друг через друга или нет, и приходится прибегать к некоторым предположениям о рассматриваемом употреблении, чтобы дать однозначный ответ на этот вопрос.

Рассмотрим, для примера, *оптативное употребление* абсолютных оценочных понятий. «Оптативное добро» («желаемое») будем обозначать символом G_o , «оптативное зло» («нежелаемое») — символом H_o . Определимо ли желаемое в терминах нежелаемого и, наоборот, нежелаемое в терминах желаемого?

Кажется, что единственным основанием для утвердительного ответа на этот вопрос может быть только принятие определений

$$(1) G_o p =_{df} H_o \sim p,$$

$$(2) H_o p =_{df} G_o \sim p.$$

Согласно этим определениям желание p есть то же самое, что и нежелание $\sim p$, а нежелание p есть то же, что и желание $\sim p$.

Мы попытаемся, однако, показать, что эти определения не могут быть приняты. Две основные идеи нашей аргументации таковы.

Интуиция, касающаяся логических свойств желаний, не подсказывает ничего определенного по поводу того, является ли нежелательность отсутствия некоторого состояния желанием его наличия и желание отсутствия нежеланием наличия. Следует прибегнуть поэтому к истолкованию желаний в терминах предпочтения и изменения³⁴.

И, во-вторых, мы будем исходить из предположения, что всякое желание направлено в будущее³⁵. Желать можно лишь тех вещей, которые отсутствуют, и невозможно желать то, что уже имеется³⁶.

³³ Подробная характеристика технического и гедонистического употреблений абсолютных оценочных понятий содержится в книге Г. фон Райта [197, гл. 2, 4].

³⁴ Истолкование желаний в терминах предпочтения и изменения использовалось Г. фон Райтом [197, стр. 103—104] и М. Деппсом [56]. Ими не вводилась, однако, идея о направленности желаний в будущее, и можно показать, что им не удалось обосновать взаимную неопределимость желаемого и нежелаемого.

³⁵ К такому пониманию желаний склоняет уже интерпретация желания в терминах предпочтения или предпочтительного выбора: невозможно осуществить выбор среди тех альтернатив, которые относятся к прошлому; настоящее же есть «свежее прошлое».

³⁶ Интересно вспомнить здесь, что в одном из диалогов Платона Сократ задает вопрос: можно ли, будучи богатым и сильным, желать быть богатым или сильным? Его ответ: невозможно желать то, чем уже обладаешь, но можно желать сохранения в будущем того, что есть уже теперь. Эту точку зрения более резко можно сформулировать так: «желать значит не иметь».

В качестве символа для предпочтения введем P , выражение pPq может читаться как « p предпочитается q » или « p предпочтительней, чем q ». Используемое здесь предпочтение является предпочтением, лежащим в основании предпочтительного (потенциального) выбора. Символом для изменения будет служить Y , выражение pYq может читаться как «состояние, описываемое предложением p , изменяется или переходит в состояние, описываемое предложением q ». Термин «изменение» понимается нами таким образом, что он охватывает как собственно изменение, так и сохранение некоторого состояния. Изменениями являются не только изменения, описываемые формулами $\sim pYp$ и $pY\sim p$, но и случаи сохранения исходных состояний, описываемые формулами pYp и $\sim pY\sim p$.

Рассмотрим теперь, что представляют собой желание наличия, желание отсутствия, нежелание наличия и нежелание отсутствия.

Если состояние p является желаемым, то согласно принятому пониманию желания, p отсутствует и субъект предпочитает скорее получить p , чем оставаться без него. Другими словами, в ситуации $не-p$ субъект предпочитает изменение $не-p$ -мира в p -мир сохранению мира неизменным в черте $не-p$. Символически:

$$G_p = (\sim pYp)P(\sim pY\sim p).$$

Нежелание p означает, что p отсутствует и субъект скорее предпочитает остаться без p , чем получить это состояние, т. е. сохранение мира неизменным в черте $не-p$ предпочитается изменению его в p -мир. Символически:

$$H_p = (\sim pY\sim p)P(\sim pYp).$$

Желание $не-p$ означает, что отсутствует $не-p$ или, что то же самое, что имеется p , и субъект предпочитает скорее утратить p , чем продолжать оставаться с ним, т. е. изменение p -мира в $не-p$ -мир предпочитается сохранению его неизменным в черте p . Символически:

$$G_{\sim p} = (pY\sim p)P(pYp).$$

Нежелание $не-p$ означает, что имеется p и субъект предпочитает сохранить его, т. е. сохранение мира неизменным в черте p предпочитается изменению p -мира в $не-p$ -мир. Символически:

$$H_{\sim p} = (pYp)P(pY\sim p).$$

Уточнив указанным образом понятия желаемого и нежелаемого, вернемся к вопросу о том, является ли желание p тем же, что и нежелание $не-p$. Ответ на этот вопрос оказывается отрицательным.

Желание p возможно только в ситуации $не-p$, нежелание $не-p$ — только в ситуации p . Различие в ситуациях, в которых воз-

можны желание p и нежелание $не-p$, влечет за собой последующее различие в предпочитаемых изменениях. В случае желания p предпочитаемым изменением является $\sim pYp$, т. е. наступление p ; при нежелании $не-p$ им является pYp , т. е. сохранение p . Очевидно, что два желания (желание p и нежелание $не-p$), возможные только в исключаящих друг друга ситуациях, не являются одним и тем же желанием.

Это означает, что не могут быть приняты ни определения (1) и (2), ни формулы

$$G_p \supset H_{\sim p},$$

$$G_{\sim p} \supset H_p,$$

$$H_p \supset G_{\sim p},$$

$$H_{\sim p} \supset G_p.$$

32. Ранее уже упоминались некоторые аналогии между поведением операторов логики абсолютных оценок и поведением операторов других разделов модальной логики. Указывалось, например, что принципу аксиологической полноты в деонтической логике соответствует утверждение «всякое действие или запрещено, или разрешено» и в логике времени — утверждение «все существует во времени». Была отмечена также аналогия между принципами аксиологической и деонтической непротиворечивости.

Доказуемым в логике оценок формулам

$$G(p \& q) \equiv Gp \& Gq,$$

$$H(p \& q) \equiv Hp \& Hq$$

в деонтической логике соответствует формула

$$O(p \& q) \equiv Op \& Oq,$$

«конъюнкция двух действий p и q обязательна в том и только том случае, когда обязательно каждое из этих действий».

Деонтическим аналогом правил «из $\alpha \supset \beta$ следует $G\alpha \supset G\beta$ » и «из $\alpha \supset \beta$ следует $H\alpha \supset H\beta$ » является правило «из $\alpha \supset \beta$ следует $O\alpha \supset O\beta$ » («логические следствия обязательного — обязательны»).

Эти сходства говорят о том, что оценочные операторы G и H ведут себя подобно деонтическому оператору O .

В ряде систем деонтической логики доказуемы формулы, в которых один оператор находится в сфере действия другого:

$$Op \supset OOp,$$

$$\sim Op \supset O\sim Op,$$

$$O(p \supset \sim O \sim p),$$

$$O(Op \supset p)$$

и т. п.³⁷.

Продолжая аналогию между деонтической логикой и логикой абсолютных оценок, можно было бы расширить системы **GN**, **GNm**, **GNIm** таким образом, чтобы в них оказались доказуемыми формулы типа

$$Gp \supset GGp,$$

«если p хорошо, то хорошо, что p хорошо»;

$$\sim Gp \supset G \sim Gp,$$

«если p не есть добро, то хорошо, что оно не является добром»;

$$G(p \supset Gp),$$

«хорошо, что если некоторое состояние имеет место, то оно является добром»;

$$G(Gp \supset p),$$

«хорошо, что если p есть добро, то оно имеет место» и т. п.

Выражения типа «хорошо, что хорошо p », «хорошо, что p является добром», «плохо, что p не является злом», «хорошо, что p есть зло», «плохо, что хорошо, что p плохо» и т. п. естественно истолковывать как оценки, предметами которых являются иные оценки. Высказывание «хорошо, что p есть зло» означает при таком истолковании, что субъект считает состояние p отрицательной ценностью и убежден, сверх того, что такая оценка им данного состояния представляет собой позитивную ценность. Оценка «плохо, что хорошо, что p плохо» выражает отрицательное отношение субъекта к своей собственной положительной оценке своего плохого мнения о состоянии p .

33. Деонтические и аксиологические модальные утверждения сходны также в своем отношении к фактическим утверждениям.

³⁷ Повторение деонтических операторов и нахождение их в сфере действия друг друга допускается, например, деонтическими системами, построенными А. Андерсоном [27], [28] и Т. Смайли [167]. Р. Баркан-Маркус [40] показала, что формулы $O(Op \supset p)$ и $O(p \supset \sim O \sim p)$, интерпретируемые обычно как «обязанности должны выполняться», «вы должны выполнять свой долг», «только разрешенные вещи должны происходить» и т. п., кажутся приемлемыми только потому, что в них разным вхождением оператора O придается разный смысл: первому вхождению — оценочный, второму — деонтический. Повторения деонтических операторов обсуждаются также в работах [10], [69], [140], [141], [196, введение] и [202]. Многие из того, что говорится в этих работах по поводу итерированных деонтических модальностей, прямо связано с проблемой итерации аксиологических модальных операторов.

Большинство аксиоматизаций алетической модальной логики содержит принцип

$$Lp \supset p,$$

«если высказывание p логически истинно, то оно является также фактически истинным». Ни в деонтической логике, ни в логике абсолютных оценок не могут быть приняты аналоги этого принципа:

$$Op \supset p,$$

«если действие обязательно, то оно выполняется»;

$$Gp \supset p,$$

«состояние, являющееся добром, существует». Они замещаются более слабыми принципами деонтической и аксиологической непротиворечивости. Необходимо имеющее место имеет место (необходимо истинное истинно), но не всегда верно, что обязательное на самом деле выполняется, и далеко не все положительно ценное реально существует.

Это различие между алетическими модальными операторами, с одной стороны, и деонтическими и аксиологическими модальными операторами, с другой, иногда выражается утверждением, что деонтические и аксиологические модальности в отличие от алетических не имеют логической связи с фактами (истиной или ложью).

В большинстве остальных своих свойств деонтические, аксиологические и алетические модальности сходны. Это позволяет рассматривать логику абсолютных оценок как систему, получаемую из (абсолютной) алетической модальной логики путем исключения из последней принципов, касающихся связи фактических и модальных утверждений (таких, как $Lp \supset p$, $p \supset \sim M \sim p$, $p \supset q \supset \cdot Lp \supset Lq$ и т. п.), и интерпретации Lp как « p есть добро».

Оператор «необходимо» алетической модальной логики Я. Лукасевича [19, гл. 7] определим в терминах отрицания, материальной импликации и пропозициональной константы V :

$$Lp =_{Df} \sim (p \supset V),$$

«необходимо p » есть то же, что и «неверно, что p материально имплицитно V ». На интерпретацию константы V не налагается при этом никаких ограничений³⁸.

Аналогично могут быть определены также операторы G и H логики оценок, если наложить подходящие ограничения на класс формул, получаемых из тавтологий логики высказываний с помощью определений.

Примем такое определение правильно построенной формулы логики абсолютных оценок:

(1) Ga есть *пиф* логики оценок, если a есть *пиф* логики высказываний,

³⁸ Это определение приводится в [15].

(2) если α и β являются *нпф* логики оценок, то $\sim\alpha$, $\alpha \supset \beta$, $\alpha \equiv \beta$, $\alpha \& \beta$, $\alpha \vee \beta$ суть также *нпф*.

Примем также следующее определение добра:

$$Gp =_{df} \sim(p \supset V).$$

Примем, наконец, ограничение, в соответствии с которым формула, получаемая из тавтологии логики высказываний с помощью определения добра, является теоремой логики оценок только в том случае, если она является правильно построенной формулой этой логики.

Нетрудно показать, что в обычной пропозициональной логике, дополненной определениями добра и правильно построенной формулы логики оценок, содержится следующая аксиологическая система³⁹:

$$A1. Gp \supset \sim G \sim p,$$

$$A2. G(p \& q) \equiv Gp \& Gq,$$

$$A3. Gp \equiv GGp,$$

$$A4. G \sim G \sim p \equiv Gp,$$

(R1) правило подстановки правильно построенных формул вместо пропозициональных переменных;

(R2) правило отделения;

(R3) если $\alpha \equiv \beta$ на базе пропозициональной логики, то $G\alpha \equiv G\beta$;

(R4) из тавтологии пропозициональной логики может быть получена теорема логики оценок заменой всех пропозициональных переменных, входящих в тавтологию, правильно построенными формулами логики оценок.

Эта логика абсолютных оценок, являющаяся модификацией $\mathcal{L}$ -модальной логики Лукасевича, систематизирует $\mathcal{L}$ -тезисы, не содержащие фактических утверждений в качестве своих правильно построенных частей.

Еще одна логическая теория абсолютных оценок может быть получена таким образом.

Примем указанное ранее определение правильно построенной формулы логики оценок и следующее определение добра в терминах пропозициональной константы V , материальной импликации и отрицания:

$$(*) Gp =_{df} \sim p \supset V.$$

Примем так же, как и ранее, условие, что формула, полученная из тавтологии пропозициональной логики с помощью определения добра, является теоремой логики оценок в том и только том случае, когда она является *нпф* этой логики.

³⁹ Для доказательства этого утверждения необходимы тавтологии $\sim(p \supset q) \supset \sim p \supset q$, $\sim(p \& q \supset r) \equiv \sim(p \supset r) \& \sim(q \supset r)$, $\sim(p \supset q) \equiv \sim(\sim(p \supset q) \supset q)$, $\sim(\sim p \supset q \supset q) \equiv \sim(p \supset q)$, $p \equiv q \supset \sim(p \supset r) \equiv \sim(q \supset r)$.

Расширенная таким образом пропозициональная логика содержит систему, определяемую следующим множеством аксиом и правил вывода:

$$A1. G(p \supset q) \supset Gp \supset Gq,$$

$$A2. Gp \equiv GGp,$$

$$A3. \sim Gp \supset G \sim Gp,$$

(R1) правило подстановки правильно построенных формул вместо пропозициональных переменных;

(R2) правило отделения;

(R3) если $\alpha \supset \beta$ на базе пропозициональной логики, то $G\alpha \supset G\beta$;

(R4) из тавтологии пропозициональной логики может быть получена теорема логики оценок замещением всех пропозициональных переменных, входящих в тавтологию, правильно построенными формулами логики оценок.

Очевидно, что эта же аксиологическая система содержится в обычной пропозициональной логике и в случае замены (*) таким определением добра:

$$(**) Gp =_{df} R \supset p.$$

Константа R может интерпретироваться как представляющая множество утверждений определенного оценочного кодекса. Высказывание « p является добром» означает, согласно этому определению, что реализация состояния, описываемого p , материально имплицитно множество утверждений данного кодекса.

Эта же аксиологическая система содержится и в пропозициональной логике, дополненной следующим определением добра:

$$(***) Gp =_{df} R \supset \sim p \supset V.$$

Константа R снова может интерпретироваться как представляющая множество утверждений исследуемого оценочного кодекса⁴⁰.

34. Разные оценки могут иметь разные основания. До сих пор мы отвлеклись от этого факта, рассматривая все оценки, входя-

⁴⁰ Полезно сравнить определения (*) и (**) «положительной ценности» в терминах материальной импликации и пропозициональных констант с предложениями А. Андерсоном [27], [28] и Т. Смайли [167], [168] определениями обязательности в терминах строгой импликации и пропозициональных констант:

$$Op =_{df} L(\sim p \supset S),$$

$$Op =_{df} L(T \supset p).$$

Константа S интерпретируется Андерсоном как дизъюнкция всех санкций, предусмотренных нормами обсуждаемого нормативного кодекса; константа T представляет, по мысли Смайли, содержание исследуемого нормативного кодекса.

Определение (***) аналогично следующему, предложенному Л. Гобле [69, стр. 208] определению обязательности: действие p обязательно, если и только если из множества правил или принципов, входящих в рассматриваемый нормативный кодекс, логически следует, что выполнение противоположного действия логически влечет за собой одну из санкций, предусмотренных этим кодексом.

щие в рассуждение (формулу, вывод), как имеющие одно и то же основание. Совпадение оснований всех принимаемых во внимание оценок позволяло не вводить специальных обозначений для этих оснований.

Сейчас мы введем средства, позволяющие явно указывать основания оценок, проводить явное различие между оценками с разными основаниями и выявлять влияние оснований на логические связи оценок.

Выражение $G(p/q)$ будет представлять оценку «состояние p является добром с точки зрения состояния q » или « p хорошо относительно q »; выражение $H(p/q)$ — оценку «состояние p является злом с точки зрения состояния q » или « p плохо относительно q »; выражение $I(p/q)$ — оценку « p безразлично с точки зрения q »⁴¹.

Логическую теорию оценок, в которой отсутствуют средства для явного выражения оснований оценок, будем называть логикой неполных оценок. Ею не исключается наличие оснований у всех оценок, но она не позволяет вместе с тем учесть различия этих оснований и охарактеризовать их влияние на логическое поведение оценок.

Логическую теорию оценок, в аппарате которой имеются переменные для представления оснований, будем называть логикой полных оценок.

Под минимальной логикой полных абсолютных оценок будем понимать систему $\mathbf{GH}/m$, определяемую следующим множеством аксиом и правил вывода⁴²:

A0. Полное множество аксиом обычной пропозициональной логики,

$$\mathbf{A1.} \quad G(p \& q/r) \equiv G(p/r) \& G(q/r),$$

$$\mathbf{A2.} \quad H(p \& q/r) \equiv H(p/r) \& H(q/r),$$

⁴¹ То, что все оценки считались ранее имеющими одинаковое основание, не означает, что построенные выше логики абсолютных оценок применимы лишь к системам оценок с одним и тем же основанием. Эти логики могут использоваться и для анализа логических связей оценок с разными основаниями. Для реализации этой возможности необходимо, однако, спести различия оснований оценок к различиям их предметов. Например, оценки «аспирин хорош как лекарство от гриппа» и «аспирин плох в качестве лекарства от ангины» имеют один и тот же предмет, но разные основания. Их предметом является аспирин, оцениваемый сначала с точки зрения избавления от гриппа, а затем как средство избавления от ангины. Но эти же оценки можно истолковать и как оценки с разными предметами, но одним и тем же основанием. Для этого надо различие оснований исходных оценок сделать различием их предметов, т. е. допустить, что предметом первой оценки является не аспирин сам по себе, а аспирин как средство устранения гриппа, и предметом второй — аспирин как средство устранения ангины. В логике оценок, принимающей во внимание различия оснований оценок, исходные оценки должны были бы представляться выражениями $G(p/q)$ и $H(p/r)$. В логике оценок, отвлекающейся от различий оснований, эти оценки должны представляться выражениями Gs и Ht (переменные p, q, r, s, t — различны).

⁴² Опуская скобки, мы предполагаем, что знак «/» связывает слабее, чем любая связка пропозициональной логики.

$$\mathbf{A3.} \quad G(p/q \& r) \equiv G(p/q) \& G(p/r),$$

$$\mathbf{A4.} \quad H(p/q \& r) \equiv H(p/q) \& H(p/r)^{43},$$

$$\mathbf{A5.} \quad G(p/q) \supset \sim H(p/q),$$

(R1) правило отделения;

(R2) правило подстановки *лпф* пропозициональной логики вместо входящих пропозициональных переменных;

(R3) из формулы $\alpha \supset \beta$ пропозициональной логики следует $G(\alpha/\gamma) \supset G(\beta/\gamma)$;

(R4) из формулы $\alpha \supset \beta$ пропозициональной логики следует $H(\alpha/\gamma) \supset H(\beta/\gamma)$;

(R5) из формулы $\alpha \supset \beta$ пропозициональной логики следует $G(\gamma/\alpha) \supset G(\gamma/\beta)$;

(R6) из формулы $\alpha \supset \beta$ пропозициональной логики следует $H(\gamma/\alpha) \supset H(\gamma/\beta)$ ⁴⁴.

Согласно **A1** конъюнкция состояний p и q , рассматриваемая с точки зрения r , является добром в том и только том случае, когда каждое из этих состояний положительно ценно в отношении r .

В соответствии с **A3** состояние p представляет собой добро с точки зрения $q \& r$, если и только если p положительно ценно с точки зрения q и p положительно ценно с точки зрения r .

Аксиома **A5** утверждает, что одно и то же состояние, взятое в одном и том же отношении, не может быть одновременно и добром, и злом.

Утверждения, представляемые аксиомами **A2** и **A4**, отличаются от утверждаемого аксиомами **A1** и **A3** только замсой «добра» на «зло». Вместо **A2** и **A4** можно было бы принять «правило зеркального отображения» (сокращенно: «п. з. о.»), позволяющее заменять все вхождения G в доказанную формулу вхождениями H . С другой стороны, принятие этого правила позволило бы опустить из аксиоматической формулировки системы $\mathbf{GH}/m$ правила вывода (**R4**) и (**R6**).

Формулы

$$G(p \& q/r) \supset G(p/r) \& G(q/r),$$

$$H(p \& q/r) \supset H(p/r) \& H(q/r),$$

$$G(p/q \& r) \supset G(p/q) \& G(p/r),$$

$$H(p/q \& r) \supset H(p/q) \& H(p/r)$$

⁴³ Возражения, направленные против принятия аксиом **A1**—**A4** системы $\mathbf{GH}/m$, во многом сходны с возражениями, высказывавшимися в связи с теоремой $G(p \& q) \equiv Gp \& Gq$ минимальной логики добра. Нет необходимости поэтому специально обсуждать приемлемость этих аксиом.

⁴⁴ Несомненный интерес представляет логика оценок, получаемая из системы $\mathbf{GH}/m$ заменой правил (**R3**)—(**R6**) правилом экстенциональности. Эта логика не исследовалась, однако, нами.

выводимы из теоремы $p \& q \supset p$ пропозициональной логики с помощью правил (R3)—(R6).

Это позволяет дать системе **ГН/м** такую аксиоматическую формулировку:

A0. Полное множество аксиом обычной пропозициональной логики,

A1. $G(p/r) \& G(q/r) \supset G(p \& q/r)$,

A2. $G(p/q) \& G(p/r) \supset G(p/q \& r)$,

A3. $G(p/q) \supset \sim H(p/q)$,

(R1) правило отделения;

(R2) правило подстановки;

(R3) «правило зеркального отображения»;

(R4) из формулы $\alpha \supset \beta$ пропозициональной логики следует $G(\alpha/\gamma) \supset G(\beta/\gamma)$;

(R5) из формулы $\alpha \supset \beta$ пропозициональной логики следует $G(\gamma/\alpha) \supset G(\gamma/\beta)$.

Правило (R4) указывает, что если α является добром с некоторой точки зрения, то логические следствия α также являются добром с этой же точки зрения.

Согласно (R5) состояние, положительно ценное в отношении α , положительно ценно и во всяком отношении, являющемся логическим следствием α .

В логике неполных абсолютных оценок проводилось различие между слабыми и сильными системами. Первые не содержат принципы аксиологической непротиворечивости, доказуемые во вторых.

Аналогичное различие должно проводиться и в логике полных абсолютных оценок. Здесь принципы аксиологической непротиворечивости имеют вид:

$$G(p/q) \supset \sim G(\sim p/q),$$

«состояние и его отрицание не могут быть положительно ценными с одной и той же точки зрения»;

$$H(p/q) \supset \sim H(\sim p/q),$$

«противоречащие друг другу состояния не могут оба быть отрицательно ценными в одном и том же отношении».

Логiku оценок, получаемую присоединением этих принципов к **ГН/м**, будем называть системой **ГН/**. В ней принципам аксиологической непротиворечивости может быть дана такая формулировка:

$$\sim G(p \& \sim p/q),$$

$$\sim H(p \& \sim p/q),$$

«противоречивое состояние не является ни добром, ни злом ни с какой точки зрения».

Непротиворечивость системы **ГН/** показывается интерпретацией связки /как конъюнкции обычной пропозициональной логики. Все аксиомы **ГН/** переходят при этом в теоремы непротиворечивой системы **ГН**, а правила вывода **ГН/** становятся правилами вывода **ГН**.

Логика оценок, в которой идет речь не только о добре и зле, но и о безразличном, может быть охарактеризована такими аксиомами и правилами вывода:

A0—A5. Множество аксиом системы **ГН/м**,

A6. $I(p/q) \supset I(p/q \& r)$,

A7. $\sim(G(p/q) \& I(p/q))$,

A8. $\sim(H(p/q) \& I(p/q))$,

(R1)—(R3) правила вывода **ГН/м**;

(R4) из формулы $\alpha \supset \beta$ пропозициональной логики следует $I(\beta/\gamma) \supset I(\alpha/\gamma)$;

(R5) из формулы $\alpha \supset \beta$ пропозициональной логики следует $I(\gamma/\beta) \supset I(\gamma/\alpha)$.

Назовем эту логику оценок системой **ГН/м**. Она содержится в системе **ГН/м**, дополненной определением безразличного в терминах добра и зла:

$$I(p/q) =_{df} \sim G(p/q) \& \sim H(p/q),$$

«состояние p безразлично с точки зрения q , если это состояние не является ни добром, ни злом с данной точки зрения».

Очевидно, что таким образом расширенная система **ГН/м** дедуктивно эквивалентна системе **ГН/м**, дополненной принципом аксиологической полноты:

$$G(p/q) \vee H(p/q) \vee I(p/q),$$

«всякое состояние, рассматриваемое с произвольной точки зрения, является или положительной, или отрицательной, или нулевой ценностью».

35. Установим теперь отношение между логиками полных и неполных абсолютных оценок.

Проведем с этой целью различие между условными и безусловными ценностями. Безусловно ценным будем называть то, что является ценным с любой точки зрения. Под условно ценным будем понимать то, что представляет собой ценность с некоторой точки зрения⁴⁵.

Безусловно ценное допустимо рассматривать как ценное с аксиологической точки зрения, т. е. с точки зрения состояния, всегда имеющего место. При таком подходе безусловная положительная,

⁴⁵ Для наших целей неважно, существуют ли на самом деле безусловно ценные вещи.

отрицательная и нулевая ценности состояния p могут представляться в терминах логики полных оценок с помощью выражений

$$G(p/q \vee \sim q), H(p/q \vee \sim q), I(p/q \vee \sim q).$$

Условная положительная, отрицательная и нулевая ценности этого состояния представляются, соответственно, выражениями

$$G(p/q), H(p/q), I(p/q).$$

Ясно, что безусловная ценность оказывается при этом частным или предельным случаем условной ценности⁴⁶.

Термин «безусловная оценка» может употребляться в двух связанных между собою смыслах. Один из них мы уже указали. Быть безусловной оценкой в этом смысле значит указывать, что оцениваемое состояние является (положительной, отрицательной или нулевой) ценностью с любой точки зрения. Оценка, являющаяся безусловной во втором смысле, приписывает (положительную, отрицательную или нулевую) ценность с точки зрения основания, совпадающего с основаниями всех других входящих в рассуждение оценок. Первый смысл безусловности оценки можно назвать абсолютным, второй — относительным. Является ли некоторая оценка безусловной в первом смысле, можно решить, ограничиваясь рассмотрением только этой оценки. Безусловность во втором смысле зависит от контекста рассуждения, от оснований других оценок, входящих в исследуемое рассуждение.

Абсолютно безусловной является, например, оценка

$$G(p \& q/q \vee \sim q)$$

(«состояние $p \& q$ хорошо со всех точек зрения»). Ее безусловность не зависит от того, входит ли она в рассуждение

«из $G(p \& q/q \vee \sim q) \supset G(p/q \vee \sim q)$ и $G(p \& q/q \vee \sim q)$ следует $G(p/q \vee \sim q)$ »

или же в рассуждение

«из $G(p \& q/q \vee \sim q) \supset G(p/q \vee \sim q)$ и $G(p/q \vee r) \supset G(p/q) \vee G(p/r)$ следует $G(p \& q/q \vee \sim q) \supset G(p/q)$ ».

Иначе говоря, абсолютно безусловная оценка остается безусловной во всяком контексте.

Оценка

$$G(p \& q/r),$$

взятая в контексте рассуждения

«из $G(p \& q/r) \supset G(p/r) \& G(q/r)$ и $G(p \& q/r)$ следует $G(p/r)$ », является относительно безусловной. Она указывает, что состояние $p \& q$ положительно ценно с точки зрения r . Так как r является основанием всех других входящих в данное рассуждение оценок, основания оценок не оказывают влияния на это рассуждение и могут не приниматься во внимание при его анализе.

⁴⁶ Различие между безусловной и условной ценностью аналогично различию между категорической и гипотетической обязанностью.

Эта же оценка $G(p \& q/r)$ не является ни абсолютно, ни относительно безусловной, если она берется в контексте рассуждения «из $G(p \& q/r)$ следует $G(p/r) \vee G(q/s)$ ».

Таким образом, все оценки можно разделить на указывающие безусловную ценность и указывающие условную ценность. Среди последних можно в свою очередь выделять оценки, являющиеся относительно безусловными, и оценки, не являющиеся относительно безусловными в контексте исследуемого рассуждения.

Описанные ранее системы $\mathbf{GHm}$, $\mathbf{GHIm}$, $\mathbf{GH}$ и $\mathbf{GHI}$ являются логиками относительно безусловных оценок. Этими логиками предполагается, что все оценки, для исследования логических связей которых они применимы, имеют одно и то же основание.

Абсолютно безусловные оценки являются частным или предельным случаем относительно безусловных оценок. В силу этого системы $\mathbf{GHm}$, $\mathbf{GHIm}$, $\mathbf{GH}$ и $\mathbf{GHI}$ представляют собой также логики абсолютно безусловных оценок.

В зависимости от указанных двух пониманий безусловности оценки теория полных абсолютных оценок может содержать теорию неполных абсолютных оценок в одном из следующих двух смыслов:

(а) к утверждениям второй теории относятся те утверждения первой, в которых основаниями являются тавтологические состояния;

(б) к утверждениям второй теории относятся те утверждения первой, в которых основания идентичны.

Логика полных оценок, содержащая во втором из указанных смыслов логику неполных оценок, содержит последнюю также и в первом из этих смыслов, так как тавтологичность оснований всех оценок является частным случаем совпадения этих оснований.

Обратное, однако, не всегда верно.

36. Для доказательства того, что логика полных абсолютных оценок $\mathbf{GH/m}$ содержит в обоих указанных выше смыслах логику неполных абсолютных оценок $\mathbf{GHm}$, достаточно показать, что в $\mathbf{GH/m}$ доказуемы формулы:

$$G(p \supset q/r) \supset G(p/r) \supset G(q/r),$$

$$H(p \supset q/r) \supset H(p/r) \supset H(q/r),$$

$$G(p/q) \supset \sim H(p/q)^{47}.$$

Вывод этих формул в $\mathbf{GH/m}$:

1. $p \& (p \supset q) \supset q$	PL
2. $G(p \& (p \supset q)/r) \supset G(q/r)$	1, (R3)
3. $G(p/r) \& G(p \supset q/r) \supset G(p \& (p \supset q)/r)$	A1, PL

⁴⁷ Правилам (R3) и (R4) системы $\mathbf{GHIm}$ соответствуют правила (R3) и (R4) системы $\mathbf{GH/m}$.

4. $G(p/r) \& G(p \supset q/r) \supset G(q/r)$	2, 3, PL
5. $G(p \supset q/r) \supset . G(p/r) \supset G(q/r)$	4, PL
6. $H(p \supset q/r) \supset . H(p/r) \supset H(q/r)$	5, п. з. о.
7. $G(p/q) \supset \sim H(p/q)$	A5.

Логика неполных абсолютных оценок **GH** содержится в обоих указанных смыслах в логике полных абсолютных оценок **GH/**. Это видно непосредственно из доказуемости в **GH/** формул:

$$G(p/q) \supset \sim G(\sim p/q), G(p/q \vee \sim q) \supset \sim G(\sim p/q \vee \sim q),$$

$$G(p \& q/r) \equiv G(p/r) \& G(q/r), G(p \& q/r \vee \sim r) \equiv$$

$$\equiv G(p/r \vee \sim r) \& G(q/r \vee \sim r),$$

$$H(p/q) \supset \sim H(\sim p/q), H(p/q \vee \sim q) \supset \sim H(\sim p/q \vee \sim q),$$

$$H(p \& q/r) \equiv H(p/r) \& H(q/r), H(p \& q/r \vee \sim r) \equiv$$

$$\equiv H(p/r \vee \sim r) \& H(q/r \vee \sim r),$$

$$G(p/q) \supset \sim H(p/q), G(p/q \vee \sim q) \supset \sim H(p/q \vee \sim q)$$

и правила экстенциональности.

Для доказательства того, что система **GHIm** содержится в обоих рассматриваемых смыслах в системе **GH/m**, следует показать, что теоремой **GH/m** являются формулы:

$$I(p \supset q/r) \supset . I(p/r) \supset I(q/r),$$

$$I(p \supset q/r \vee \sim r) \supset . I(p/r \vee \sim r) \supset I(q/r \vee \sim r)^{48}.$$

Нужный для этого вывод:

1. $q \supset \sim p \vee q$	PL
2. $I(\sim p \vee q/r) \supset I(q/r)$	1, (R4)
3. $I(\sim p \vee q/r) \& I(p/r) \supset I(q/r)$	2, PL
4. $I(p \supset q/r) \supset . I(p/r) \supset I(q/r)$	3, PL

Доказательство того, что система **GH/** содержит в обоих обсуждаемых смыслах систему **GH**, не нуждается в комментариях.

⁴⁸ Аксиомам A5—A6 и правилу (R5) системы **GHIm** соответствуют аксиомы A7—A8 и правило (R4) системы **GH/m**.

Глава 5 ЛОГИКА УТИЛИТАРНЫХ ОЦЕНОК

1. Большинство авторов, занимавшихся этикой или теорией ценностей, согласны с тем, что абсолютные оценки должны делиться на две группы. К первой из них относятся оценки, характеризующие ценность некоторого предмета, рассматриваемого в *изоляции* от всех других вещей. Во вторую входят оценки, приписывающие предмету ценность, принимая во внимание *его связи* с другими вещами¹.

Оценки первой группы чаще всего называются «оценками внутренней ценности», или «внутренними оценками»; противопоставляемые им оценки второй группы обычно именуется «оценками внешней ценности», или «внешними оценками». Иногда говорят о внутренних и утилитарных оценках, о внутренних и телеологических оценках, об эмоциональных и утилитарных оценках, о собственно оценках и утилитарных оценках, об интуитивных и внешних оценках, о первичных и производных оценках, об оценках целей и оценках средств, о внутренних и инструментальных оценках и т. д.

Часто этому делению оценок придается очень важное значение², в других случаях оно характеризуется как поверхностное и схематичное³.

От автора к автору меняется не только терминология, используемая для обозначения противопоставляемых друг другу групп

¹ В. И. Ленин, конспектируя гегелевскую «Науку логики», отмечал, что наряду с благом или добром существует также полезное: «Почему от практики, действия, переход только к „благу“, das Gute? Это узко, односторонне! А полезное?»

Несомненно, полезное тоже входит. Или, по Гегелю, это тоже das Gute?» [17, стр. 193].

² Например, А. Эври заявляет в [60, стр. 69], что без различия между внутренними и инструментальными оценками невозможна вразумительная теория ценностей.

³ Так, Г. фон Райт полагает, что множественность возможных употреблений «добра» ясно показывает «неадекватность и искусственность такой схемы, как, скажем, традиционное деление всякого добра — а иногда и всех ценностей вообще — на два главных типа, а именно, на добро как средство и добро как результат, инструментальное и конечное, внешнее и внутреннее добро» [197, стр. 11—12]. Однако в другой своей работе фон Райт находит возможным внутреннему добру и внутреннему злу противопоставить внешнее добро и зло, добро или зло для некоторой цели или для некоторого существа (см. [198, стр. 34—35]).

абсолютных оценок, но меняются и представления о том, какие именно оценки входят в каждую из этих групп.

Приведем несколько обычных для работ по этике характеристик отношения между внутренним и утилитарным, или инструментальным, добром.

А. Эвин пишет в [60, стр. 67—68]: «Слово «хороший» (good) не только употребляется в связи с разными видами вещей, но и говорит в случае одних вещей нечто очень отличное от того, что оно говорит о других вещах. Дело не просто в том, что это слово означает в разных контекстах разные свойства, а в том, что оно иногда вовсе не означает какого-либо свойства...

Простейшим примером различия значений «хорошего» является различие между «внутренне» и «инструментально» хорошим, хорошим в качестве цели и хорошим как средство. Если указание на внутреннее добро может интерпретироваться как приписывание чему-то свойства быть хорошим, то приписывание инструментального добра явно не означает, будто вещь, о которой идет при этом речь, сама является хорошей; в лучшем случае оно означает, что данная вещь вызывает нечто хорошее».

В качестве одного из возможных способов уточнения значения «добра» («хорошего») Эвин предлагает принять одно простое различие между смыслами добра и отвергнуть все иные различия как незначительные или не имеющие философского интереса. «Можно сказать, — пишет он, — что мы должны как минимум различать «хорошее в качестве цели» и «хорошее как средство» и утверждать, что первое означает наличие определенного свойства, а второе — только способность произвести что-то, имеющее это свойство, или разрушить, предотвратить, изменить обладающее противоположным свойством. Понятие инструментальной ценности окажется в этом случае зависимым и вторичным в отношении понятия внутренней ценности. Нет нужды производить то, что является хорошим только в качестве средства и не позволяет в свою очередь произвести хорошее само по себе или разрушить плохое» [60, стр. 68].

А. Эвин отмечает также, что различие между внутренне и инструментально ценным не противоречит положению, что одна и та же вещь может быть ценной и как средство, и как цель [60, стр. 69].

Несколько иначе представляет себе связи внутреннего и внешнего добра Е. Холл: «Внешнее добро — это, попросту говоря, то, что само не является хорошим, но производит хорошее само по себе. Ясно, что для точного выражения этой мысли мы должны объединить эмпирический закон с оценкой. Внешне ценное является комбинацией эмпирического закона (имеющего форму декларативного предложения) с внутренне ценным (которое должно выражаться в форме оценки). Можно предложить такое квазисемантическое определение синтаксической формы «— — — {...}» (она может читаться так: «было бы внешне ценно, если бы...

было — — —»): «для всех f и всех x , $f\{x\}$ правильно, если и только если существует g , такое, что всякий раз, когда $f(x)$ истинно, $g(x)$ является истинным, а $g\{x\}$ — правильным» [73, стр. 341]⁴.

П. Райс предлагает следующее определение внутреннего добра: « x является внутренне ценным (внутренне хорошим, имеющим положительную внутреннюю ценность) для лица или организации A во время t , если и только если x удовлетворяет некоторую потребность A в t ». Внешнее добро определяется Райсом в терминах внутренне ценного: « x является инструментально ценным для A в t , если и только если x является условием получения внутренне хорошего (удовлетворяющего потребность) или позволяет устранить или отдалить внутренне плохое (противоречащее потребности) для A в t » [150, стр. 311—312].

Еще одна, используемая нами далее, характеристика внешнего добра принадлежит Г. фон Райту. Свойство быть полезными или вредными, утверждает он, присуще вещам в силу их каузальных связей с некоторыми иными вещами. A является каузально благоприятным с точки зрения определенной цели, если A , образно говоря, приближает нас к ней или позволяет не удалиться от нее; A каузально неблагоприятно относительно этой цели, если A удаляет нас от нее или препятствует приближению к ней. Высказывания об утилитарной ценности, не включающие понятие «добро некоторого существа», являются чисто каузальными. Они говорят об уместности использования некоторого средства для достижения определенной цели; сама эта цель является ценностью, но ее оценка выходит за пределы суждения о полезности или вредности рассматриваемых средств (см. [197, стр. 47—49]).

Эти описания внешнего, или утилитарного, добра и его связей с внутренним добром интересны для нас вот в каком отношении. Мы намерены эксплицировать понятие утилитарного добра, дать точно определенные понятия, достаточно близкие по своему содержанию обычным представлениям об утилитарном добре и способные заместить эти представления в большинстве тех контекстов, в которых они используются. Экспликация не может быть полностью адекватной уже потому, что вместо неточного понятия или целого ряда неточных понятий вводятся строго определенные понятия. Тем не менее полезно сформулировать критерии адекватности экспликации, условия, выполнение которых позволило бы надеяться, что вновь вводимые точные понятия могут успешно употребляться вместо замещаемых ими неясных представлений.

Приведенные выше высказывания об утилитарном добре и некоторые иные соображения показывают, что точное понятие утилитарной ценности окажется полезным, если даваемая им харак-

⁴ Выражение $f(x)$ представляет, согласно Холлу, декларативное предложение « x имеет свойство f », выражение $f\{x\}$ — оценочное предложение «было бы хорошо, если бы x имел свойство f ». Декларативные предложения могут быть истинными или ложными, оценочные — правильными или неправильными [73, стр. 340—341].

теристика этой ценности будет удовлетворять по меньшей мере следующим условиям:

(1) существуют утилитарно хорошие, утилитарно плохие и утилитарно безразличные вещи;

(2) утилитарная ценность вещи не предопределяет ее внутреннюю ценность; утилитарно хорошее может не быть внутренним добром, утилитарно плохое может не быть внутренним злом и утилитарно безразличное может не являться внутренне безразличным;

(3) понятие утилитарной ценности производно или вторично относительно понятия внутренней ценности, первое из них определимо в терминах второго;

(4) утверждение об утилитарной ценности является объединением эмпирического закона и оценки;

(5) связь утилитарной и внутренней ценности является каузальной, но утилитарная ценность может не являться полной причиной внутреннего ценного состояния;

(6) утилитарная ценность способствует или препятствует сохранению, возникновению или исчезновению внутренней ценности, или является безразличной с точки зрения внутренней ценности;

(7) одна и та же вещь может быть ценной и как средство, и как цель;

(8) ценно *только* в качестве средства, т. е. связанное каузально лишь с вещами, не являющимися ценностями, не относится к утилитарно ценному.

В некоторых из этих условий повторяется в иных выражениях полностью или частично то, о чем идет речь в других условиях, но это несущественно для наших целей.

Очевидна связь этих условий с приведенными высказываниями разных авторов об утилитарно ценном. Вместе с тем ясно, что не все эти условия могли бы быть приняты ими. В частности, А. Эвин и П. Райс говорят только об утилитарном добре, и вполне вероятно, что первое из наших условий может показаться им неприемлемым. Г. фон Райт мог бы отвергнуть третье и четвертое из этих условий. Е. Холл вряд ли согласился бы принять седьмое условие. Ни один из этих авторов не упоминает утилитарно безразличное, все они отказались бы, по-видимому, признать обоснованность требований, указанных в первом и шестом условиях.

Мы покажем далее, что имеется целый ряд понятий, удовлетворяющих всем восьми условиям. Сейчас же отметим, что эти понятия только частично совпадают с обычными представлениями об утилитарно ценном.

2. На важность логического анализа утилитарных оценок указывали многие⁵. Причины, в силу которых эти оценки остались

⁵ Г. фон Райт писал: «Было бы интересно и полезно исследовать формальную логику различных способов каузального воздействия утилитарного добра и его противоположности. Это исследование показало бы, по меньшей мере, как много разных смыслов может иметь понятие «причины» добра или зла. Обзор этих смыслов важен для всякой этики, измеряющей моральную ценность или правильность действий в терминах следствий действия» [197, стр. 48].

тем не менее полностью неисследованными с точки зрения формальной логики, многочисленными и разнородными. Упомянем здесь только некоторые из них.

Логические свойства абсолютных оценок вообще ранее не исследовались сколь-нибудь систематически. Естественно, что и частный случай этих оценок, каким являются утилитарные оценки, также не привлекал внимания логиков.

Логический анализ утилитарных оценок требует предварительного построения адекватной логической теории причинной связи. Такая теория не создана до сих пор. Исследование утилитарных оценок должно быть предварено также логическим анализом таких выражений, как «способствовать сохранению», «препятствовать возникновению», «способствовать исчезновению» и т. п. Ни одно из этих выражений не рассматривалось, насколько нам известно, с точки зрения формальной логики.

Обычные для работ по этике и теории ценностей определения утилитарного добра и утилитарного зла не являются достаточно ясными. Нередко кажется, что определения, даваемые разными авторами, не могут быть совмещены друг с другом.

Не являются, далее, ясными сами основания деления оценок на внутренние и утилитарные. М. Оссовская [127] указывает следующие три обсуждавшихся в литературе способа различения этих типов оценок:

(1) по терминам или оборотам, специфичным для инструментальных оценок;

(2) по характеру оцениваемого предмета или тех свойств, с точки зрения которых он оценивается;

(3) по месту, занимаемому оценками в системе оценок.

Предлагающие первый способ убеждены, что в формулировках утилитарных оценок обязательно используются такие обороты, как «хорошо для», «необходимо для», «достаточно для» и т. п. Это ошибочное убеждение. Утилитарную оценку можно выразить, не употребляя ни один из этих или близких им оборотов. С другой стороны, указанные обороты вполне могут использоваться для формулировки утверждений, вообще не являющихся оценками. Кроме того, эти обороты недостаточно ясны для того, чтобы с их помощью пытаться дать точное определение утилитарной оценки.

Сторонники второго способа различения утилитарных и внутренних оценок считают, что первые оценки касаются средств, а вторые — целей, или что в первых предмет оценивается с точки зрения его следствий, а во вторых — сам по себе, или что, наконец, утилитарные оценки говорят о внешней ценности предметов, а внутренние — о внутренней их ценности.

Понятия средства, цели, следствия, внутренней и внешней ценности, используемые в этих объяснениях различий утилитарных и внутренних оценок, пугаются в дальнейшем анализе. Можно ли связь средства и цели отождествить со связью причины и следствия? Допустимо ли считать целями вещи, реализация которых

заведомо выходит за пределы способностей человека? Всякая ли внутренняя оценка полностью игнорирует следствия оцениваемого предмета, и если это так, то существуют ли вообще внутренние оценки? Уточнение понятий «средство», «цель» и «следствие», необходимое для ответа на эти и подобные им вопросы, может привести как к мнению, что все оценки являются утилитарными, так и к убеждению, что существуют только внутренние оценки. Ссылка на эти понятия с намерением отделить внутренние оценки от утилитарных является только началом анализа, призванного выявить различия оценок этих двух типов.

В соответствии с третьим способом различения внутренних и утилитарных оценок к первым относятся оценки, принимаемые в рассматриваемой системе без обоснования, ко вторым — оценки, обосновываемые с помощью иных оценок и в конечном счете с помощью внутренних оценок.

Недостаток этого способа в том, что взамен обычных понятий утилитарной и внутренней оценок предлагаются совершенно иные по своему содержанию понятия.

3. Причиной многих разногласий, касающихся утилитарных оценок, является то, что фраза «*A* хорошо с точки зрения достижения *B*» допускает несколько значительно отличающихся друг от друга интерпретаций.

Иногда она используется просто для указания того факта, что между *A* и *B* существует причинная связь. В этом случае вопрос об аксиологических значениях *A* и *B* остается открытым. Каждое из *A* и *B* может быть положительной, отрицательной или нулевой ценностью, но может вообще не являться предметом какой-либо оценки. Таким образом употребляемая фраза «*A* хорошо с точки зрения достижения *B*» не является оценкой в собственном смысле этого слова. Она выражает то, что более адекватно передается предложением «*A* есть причина *B*», и не более этого. Примерами такого употребления слова «хорошо» могут служить обычные высказывания типа: «холодная погода хороша для распространения гриппа», «открытое окно хорошо охлаждает комнату», «алкоголь способствует разрушению здоровья» и т. п.

Гораздо чаще фраза «*A* хорошо с точки зрения достижения *B*» используется для выражения убеждения в существовании каузальной связи между *A* и *B* и убеждения в положительной ценности *B*. Утверждение, выражаемое в этом случае данной фразой, более адекватно передается предложением «*A* является причиной хорошего *B*». Иными словами, высказывание «*A* хорошо с точки зрения достижения *B*» в большинстве обычных контекстов равносильно конъюнкции двух высказываний: «*A* является причиной *B* и *B* положительно ценно». Первое из этих высказываний устанавливает определенную фактическую связь между *A* и *B* и может быть названо эмпирическим законом; второе является абсолютной оценкой. Примерами употребления фразы «*A* хорошо для достижения *B*», при котором ею указывается средство для достижения

того, что само по себе является добром, могут служить обычные оценки «сочувствие способствует установлению равенства», «длительный ритмичный бег положительно влияет на здоровье» и т. п.

В отдельных контекстах выражение «*A* хорошо для достижения *B*» означает, что *A* и *B* положительно ценны и *A* способствует наступлению или сохранению *B*. Например, обычная оценка «честность способствует укреплению взаимного доверия» говорит о том, что честность и доверие являются добром и что, сверх того, честность есть одно из средств установления взаимного доверия.

Можно допустить, что в отдельных случаях выражение «*A* хорошо с точки зрения достижения *B*» употребляется в качестве сокращенной формулировки утверждения «*A* является добром и *A* способствует достижению *B*».

Сходная возможность разных толкований сохраняется и для фразы «*A* плохо с точки зрения достижения *B*» («*A* отрицательно ценно относительно достижения *B*»). Она может просто указывать на тот факт, что *A* препятствует наступлению или сохранению *B*. Но она может также дополнительно устанавливать аксиологическое значение *A* или *B*⁶.

В дальнейшем под утилитарной оценкой мы будем понимать сложное высказывание, представляющее собой объединение двух высказываний, одно из которых устанавливает причинную связь между некоторыми двумя состояниями, а второе утверждает положительную, отрицательную или нулевую ценность состояния, являющегося следствием. Иначе говоря, к утилитарным оценкам нами будет относиться только высказывания формы «*A* есть причина *B* и *B* положительно ценно», «*A* есть причина *B* и *B* отрицательно ценно» или «*A* есть причина *B* и *B* является нулевой ценностью».

Полезность такого ограничения понятия утилитарной оценки станет более ясной из дальнейшего. Сейчас же мы отметим, что фраза «*A* ценно с точки зрения достижения *B*», используемая только для выражения убеждения в наличии причинной связи *A* и *B*, не является оценкой в смысле похвалы или порицания. Ее логическое поведение должно описываться логической теорией причинных связей. С другой стороны, употребления этой фразы, в случае которых оцениваются *A* и *B* или оценивается только *A*, не особен-

⁶ Споры по поводу того, являются ли утилитарные оценки оценками в собственном смысле этого слова, объясняются во многом тем, что разные авторы имеют в виду под утилитарными оценками разные вещи. Те, кто отказывает утилитарным оценкам в праве называться оценками, имеют обычно в виду только утверждения, выражаемые фразой «*A* хорошо с точки зрения достижения *B*» в первом из указанных выше возможных ее употреблений. Отстаивающие оценочный характер утилитарных оценок принимают, как правило, во внимание лишь те употребления данной фразы, в случае которых ею приписывается положительная ценность *A* или *B*. Убеждение, что утилитарные оценки выражают фактические связи и не являются оценками в смысле похвал или порицаний, отстаивается, например, М. Оссопской [128, стр. 49—50] и Г. фон Райтом [197, стр. 48]. Противоположного мнения придерживаются Д. Мур [119, стр. 21], С. Халладен [77, стр. 307] и др.

но распространены и вполне могут быть проанализированы в рамках теории выражения « A есть причина хорошего или плохого B ».

Утилитарные оценки как конъюнкции эмпирического закона и абсолютной оценки являются частным случаем производных оценок, т. е. оценок, в которых одним из оснований приписывания ценности некоторому предмету служит убеждение в ценности некоторого иного предмета. Общая форма производной оценки: « B ценно и A находится в определенном отношении к B (к ценности B)». В случае утилитарных оценок этим «определенным отношением» является отношение средства к цели. Общая форма утилитарной оценки: « B ценно и A является средством для получения, сохранения или устранения B ».

Причинная связь транзитивна: если A есть причина B и B есть причина C , то A является причиной C . Поэтому если C представляет собой ценность, то утилитарной оценкой будет не только высказывание « B ценно с точки зрения достижения C », но и высказывание « A есть причина B и поэтому A ценно с точки зрения достижения C ». И в общем случае, утилитарной оценкой будет всякое высказывание формы: « A^1 есть причина A^2 , A^2 есть причина A^3 , ..., A^{n-1} есть причина A^n и A^n является ценностью».

Платон проводил различие между терминами «пригодное» и «полезное». Первый он соотносил с термином «непригодное», а второй не только с термином «бесполезное», но и с термином «вредное» (см. [21, стр. 530]).

Это различие между «пригодным» и «полезным» важно для нас в связи с вопросом, чем является утилитарное зло.

«Пригодное» и «непригодное» контрадикторно противоположны. Не существует вещей, пригодных для какой-то цели и вместе с тем непригодных для нее; не являющееся пригодным — непригодно и не являющееся непригодным — пригодно.

«Полезное» и «бесполезное» только контрапно противоположны. Ничто не может быть одновременно полезным и бесполезным для определенной цели. Но если A не является полезным для достижения B , то это еще не означает, что A бесполезно с точки зрения получения B ; A может быть не просто бесполезным, но и вредным с этой точки зрения. И если A не бесполезно для достижения B , то из этого не следует, что A полезно в этом отношении; не являющееся бесполезным может быть как полезным, так и вредным⁷.

Что следует понимать под утилитарным злом: непригодное для достижения рассматриваемой цели или же вредное с точки зрения этой цели? Ответ на этот вопрос во многом конвенционален. Мы принимаем, что утилитарным злом является не бесполезное, а вредное; выражение « A утилитарно плохо относительно B »

⁷ Существуют вещи, не являющиеся предметами утилитарных оценок. Наряду с полезными, бесполезными и вредными с точки зрения определенной цели вещами надо поэтому выделять также те вещи, утилитарное значение которых вообще не рассматривается и которым не приписывается ни положительная, ни отрицательная, ни нулевая утилитарная ценность.

истолковывается в соответствии с этим как означающее, что A способствует устранению B или препятствует наступлению или сохранению B . Не являющееся пригодным можно определить в этом случае как то, что является бесполезным или вредным.

4. Логика утилитарных оценок будет основываться нами на логике времени и логике причинной связи. Начнем с описания используемой далее логической теории времени.

Из различных возможных логик времени мы избираем систему, предполагающую дискретность времени, т. е. предполагающую для каждого момента времени существование однозначно определенного *следующего* за ним момента. Для дальнейших рассуждений об утилитарном добре и зле несущественно, рассматривается ли время как непрерывное, или же оно считается дискретным. Логика дискретного времени более проста, поэтому мы предпочитаем ее логике непрерывного времени.

Высказывание «в некоторый момент времени имеет место состояние p и в следующий за ним момент имеет место состояние q » будем представлять с помощью выражения pYq . Это выражение может быть определено таким множеством аксиом и правил вывода⁸.

A0. Полное множество аксиом обычной пропозициональной логики,

$$A1. (p \vee q) Y (r \vee s) \equiv pYr \vee pYs \vee qYr \vee qYs,$$

$$A2. (p \& q) Y (r \& s) \equiv pYr \& pYs \& qYr \& qYs,$$

$$A3. \sim (pY (q \& \sim q)),$$

$$A4. \sim ((q \& \sim q) Y p),$$

$$A5. (p \vee \sim p) Y (p \vee \sim p),$$

(R1) правило отделения;

(R2) правило подстановки правильно построенных формул данной системы вместо пропозициональных переменных;

(R3) правило экстенциональности, позволяющее заменять друг на друга эквивалентные выражения⁹.

Высказывание « p и в следующий момент q » можно понимать как утверждение об изменении p -мира в q -мир, происходящем в два последовательных момента времени. Это позволяет логике времени истолковывать как логическую теорию изменения.

⁸ Определение правильно построенной формулы этой логики времени: (i) отдельная пропозициональная переменная есть *пнф*; (ii) если α и β *пнф*, то $\alpha \& \beta$, $\alpha \vee \beta$, $\alpha \supset \beta$, $\alpha \equiv \beta$, $\alpha Y \beta$ и $\sim \alpha$ являются *пнф*. Условимся, что связка Y , которая может быть названа асимметричной конъюнкцией, связывает теснее, чем любая иная бинарная связка пропозициональной логики, и что отрицание связывает теснее, чем Y .

⁹ Логические теории времени подробно обсуждались нами в работах [12], [13] и [14]. Здесь мы ограничиваемся лишь тем минимумом сведений о логике времени, который необходим для построения логики утилитарных оценок. Логические теории времени, сходные с используемой нами логикой времени, рассматриваются в [53], [144], [196], [200] и [201].

Возможны четыре типа элементарных изменений: pYr , $pY\sim p$, $\sim pYr$ и $\sim pY\sim p$. Изменение pYr есть переход p -мира в p -мир, т. е. сохранение мира неизменным в черте p в течение двух рассматриваемых моментов времени. Изменение $pY\sim p$ есть переход p -мира в $не-p$ -мир, т. е. переход от мира со свойством p к миру со свойством $не-p$. Выражение $\sim pYr$ описывает обратный переход от $не-p$ -мира к p -миру, а $\sim pY\sim p$ говорит о сохранении мира неизменным в черте $не-p$.

С помощью понятия элементарного изменения можно уточнить значения выражений «наступление состояния», «исчезновение состояния» и «сохранение состояния». Наступление состояния p — это то же, что и изменение $\sim pYr$, наступление состояния $не-p$ — это изменение $pY\sim p$; сохранение p — это изменение pYr , и сохранение $не-p$ — изменение $\sim pY\sim p$. Ясно, что наступление p равносильно исчезновению $не-p$ и наступление $не-p$ равносильно исчезновению p .

5. В определениях утилитарных оценок обычно используются выражения «способствовать наступлению (какого-то состояния)», «способствовать сохранению», «препятствовать наступлению» и «препятствовать сохранению». В предыдущем разделе были уточнены значения понятий «сохранение» и «наступление». Используя этот результат, попытаемся дать теперь точные определения выражениям, в которых эти понятия комбинируются с терминами «способствовать» и «препятствовать». Для этого нам потребуется понятие частичной, или неполной, причины.

Слово «причина» употребляется в нескольких различающихся по своей силе смыслах. Наиболее сильный из них предполагает, что имеющее причину *не может не быть*, т. е. не может быть ни отменено, ни изменено никакими иными событиями или действиями. Наряду с этим понятием полной, или необходимой, причины существует также более слабое понятие частичной, или неполной, причины. Для полной причины выполняется утверждение «если событие p причинно имплицитно событие q , то p в конъюнкции с любым событием r также причинно имплицитно q ». Для неполной причины верно, что в случае всяких событий p и q , если p есть частичная причина q , то существует такое событие r , что $p\&r$ является полной причиной q и вместе с тем неверно, что $p\&\sim r$ является полной причиной q . Иначе говоря, полная причина всегда или в любых условиях вызывает свое следствие, в то время как частичная причина только способствует наступлению своего следствия и это следствие реализуется лишь в случае объединения частичной причины с некоторыми иными условиями.

Связь неполного причинения будем представлять с помощью символа $\Rightarrow$. Она может быть определена следующим множеством аксиом и правил вывода, присоединяемых к обычной пропозициональной логике:

$$A1. (p \Rightarrow q) \supset \sim (\sim p \Rightarrow q),$$

$$A2. (p \Rightarrow q) \supset \sim (p \Rightarrow \sim q),$$

$$A3. (p \Rightarrow q) \& (q \Rightarrow r) \supset . p \Rightarrow r,$$

$$A4. (p \Rightarrow q) \& (p \Rightarrow r) \supset . p \Rightarrow (q \& r),$$

$$A5. (p \Rightarrow r) \& (q \Rightarrow r) \supset . (p \& q) \Rightarrow r.$$

$$A6. (p \Rightarrow (q \vee r)) \supset (p \Rightarrow q) \vee (p \Rightarrow r),$$

$$(R1) \text{ из } \alpha \supset \beta \text{ следует } (\alpha \Rightarrow \gamma) \supset (\beta \Rightarrow \gamma);$$

$$(R2) \text{ из } \alpha \supset \beta \text{ следует } (\gamma \Rightarrow \alpha) \supset (\gamma \Rightarrow \beta);$$

$$(R3) \text{ правило экстенциональности.}$$

Выражение $p \Rightarrow q$ может читаться как «состояние p является частичной (неполной) причиной состояния q » или как « p частично причинно имплицитно q ».

Аксиома A1 утверждает, что никакое состояние не может частично причинно имплицитоваться как некоторым состоянием, так и его отрицанием. Согласно A2 одно и то же состояние не может быть частичной причиной как некоторого состояния, так и его отрицания. A3 устанавливает транзитивность связи неполного причинения. Аксиомы A4—A6 являются принципами дистрибутивности связки $\Rightarrow$ относительно конъюнкции и дизъюнкции.

Согласно правилу (R1) если α является неполной причиной некоторого состояния, то логические следствия α также являются неполными причинами этого состояния. В соответствии с (R2) если γ частично причинно имплицитно состояние α , то γ частично причинно имплицитно и логические следствия α .

Обоснованность всех этих утверждений о неполных причинах вряд ли способна вызвать сомнение. Единственным исключением могут показаться только аксиомы A1 и A2. Они будут, однако, использоваться в дальнейшем лишь для специальной и достаточно узкой цели; поэтому мы обратим внимание только на следующее. Аксиома A1 эквивалентна в данной системе утверждению

$$\sim ((p \& \sim p) \Rightarrow q),$$

«противоречивое состояние не может быть частичной причиной какого-либо состояния». Аксиома A2 эквивалентна утверждению

$$\sim (p \Rightarrow (q \& \sim q)),$$

«ничто не может являться частичной причиной противоречивого состояния». Противоречивое состояние логически невозможно. Естественно допустить, что это никогда не наступающее состояние не может быть ни частичной причиной, ни следствием некоторой частичной причины.

Из теории неполного причинения может быть получена теория полного причинения путем замены правила (R1) правилом

$$(R1') \text{ из } \alpha \supset \beta \text{ следует } (\beta \Rightarrow \gamma) \supset (\alpha \Rightarrow \gamma).$$

С его помощью доказывается утверждение

$$p \Rightarrow r \supset . (p \& q) \Rightarrow r,$$

«если состояние p является причиной состояния r , то p в конъюнкции с произвольным состоянием q также причинно имплицитует r »¹⁰. На это утверждение мы ссылались выше, проводя различие между полными и частичными причинами¹¹.

В терминах «неполной причины», «изменения» и «сохранения» определимы понятия «способствовать наступлению (некоторого состояния)», «способствовать сохранению», «препятствовать исчезновению» и т. п.

Состояние p способствует наступлению состояния q , если и только если p является неполной причиной изменения *не- q -мира* в q -мир.

Состояние p способствует наступлению состояния *не- q* , если и только если p является неполной причиной изменения q -мира в *не- q -мир*.

Наступление состояния q означает устранение состояния *не- q* . Поэтому если p способствует наступлению q , то тем самым p способствует устранению *не- q* . Очевидно также, что, способствуя наступлению *не- q* , p способствует устранению q .

Состояние p способствует сохранению состояния q в том и только том случае, когда p является частичной причиной изменения q -мира в q -мир.

Состояние p способствует сохранению состояния *не- q* тогда и только тогда, когда p является частичной причиной изменения *не- q -мира* в *не- q -мир*.

Состояние p препятствует наступлению состояния q (состояния *не- q*) тогда и только тогда, когда p способствует сохранению состояния *не- q* (состояния q).

Состояние p препятствует сохранению состояния q (состояния *не- q*) тогда и только тогда, когда p способствует наступлению состояния *не- q* (состояния q).

Таким образом, символическим эквивалентом выражения « p способствует сохранению q » является формула

$$p \Rightarrow qYq^{12},$$

¹⁰ Логическая теория неполных причин рассматривалась, несколько нам известно, только Ф. Фитчем [64]. Система, сформулированная им, существенно отличается от нашей логики неполных причин. Из других работ, связанных с этой логикой, можно упомянуть [166] и [13].

¹¹ Непротиворечивость логики неполных причин будет показана позднее. Непротиворечивость логики полных причин доказывается интерпретацией выражения $\alpha \Rightarrow \beta$ как всегда ложного высказывания. Аксиомы A1—A5 переходят при этом в тавтологии обычной пропозициональной логики, а правила (R1), (R2) и (R3) оказываются правилами вывода этой логики.

¹² Опуская скобки, мы предполагаем, что связка Y связывает теснее, чем любая иная бинарная связка.

выражения « p препятствует наступлению q » — формула

$$p \Rightarrow \sim qY \sim q$$

и т. д. (см. таблицу).

	наступлению		сохранению	
	q	$\sim q$	q	$\sim q$
p способствует	$p \Rightarrow \sim qYq$	$p \Rightarrow qY \sim q$	$p \Rightarrow qYq$	$p \Rightarrow \sim qY \sim q$
p препятствует	$p \Rightarrow \sim qY \sim q$	$p \Rightarrow qYq$	$p \Rightarrow qY \sim q$	$p \Rightarrow \sim qYq$

6. Существует, как отмечалось ранее, несколько различающихся по своему содержанию понятий утилитарного добра и утилитарного зла. Оставаясь в рамках логики, невозможно выбрать наиболее подходящее из них. Задача логики более скромна: дать точные определения находящимся в обращении понятиям и предоставить средства, позволяющие проследить сколь угодно далекие следствия этих определений. К решению этой задачи мы и приступим сейчас. Сначала будут указаны различные возможные определения утилитарно хорошего и утилитарно плохого, а затем на основе некоторых из этих определений развиты логические теории утилитарных оценок. Итак, определения утилитарного добра и зла:

$$DG1. G_u(p/q) = D_f Gq \& (p \Rightarrow (\sim qYq))^{13},$$

« p является утилитарным добром с точки зрения q » означает то же самое, что и « q есть добро и p способствует наступлению q »;

$$DH1. H_u(p/q) = D_f Hq \& (p \Rightarrow (\sim qYq)),$$

« p утилитарно плохо относительно q , если и только если q плохо и p способствует наступлению q »;

$$DG2. G_u(p/q) = D_f Gq \& (p \Rightarrow (qYq)),$$

« p утилитарно хорошо относительно q , если и только если q хорошо и p способствует сохранению q »;

$$DG3. G_u(p/q) = D_f Gq \& ((p \Rightarrow \sim qYq) \vee (p \Rightarrow qYq)),$$

¹³ Утилитарная ценность является одной из форм или видов ценности. Выражение « p хорошо с точки зрения q » ранее представлялось как $G(p/q)$. Выражение « p утилитарно хорошо с точки зрения q » удобно представлять как $G_u(p/q)$, « p утилитарно плохо относительно q » как $H_u(p/q)$ и « p утилитарно безразлично относительно q » как $I_u(p/q)$.

« p утилитарно хорошо с точки зрения q в том и только том случае, когда q хорошо и p способствует наступлению q или p способствует сохранению q »;

$$\text{DH3. } H_u(p/q) = D_f Hq \& ((p \Rightarrow \sim qYq) \vee (p \Rightarrow qYq)),$$

« p утилитарно плохо относительно q в том и только том случае, когда q плохо и p способствует наступлению q или p способствует сохранению q »;

$$\text{DG4. } G_u(p/q) = D_f Gq \& (p \Rightarrow \sim qYq) \& (p \Rightarrow qYq),$$

« p утилитарно хорошо относительно q , если и только если q хорошо и p способствует как наступлению, так и сохранению q »¹⁴.

$$\text{DG5. } G_u(p/q) = D_f Hq \& (p \Rightarrow qY \sim q),$$

« p утилитарно хорошо относительно q , если и только если q плохо и p способствует устранению q (препятствует сохранению q)»;

$$\text{DH5. } H_u(p/q) = D_f Gq \& (p \Rightarrow qY \sim q),$$

« p утилитарно плохо с точки зрения q тогда и только тогда, когда q хорошо и p препятствует сохранению q »;

$$\text{DG6. } G_u(p/q) = D_f Hq \& (p \Rightarrow \sim qY \sim q),$$

« p утилитарно хорошо с точки зрения q , если и только если q плохо и p препятствует наступлению q »;

$$\text{DG7. } G_u(p/q) = D_f Hq \& ((p \Rightarrow qY \sim q) \vee (p \Rightarrow \sim qY \sim q)),$$

« p утилитарно хорошо относительно q , если и только если q плохо и p способствует устранению q или p препятствует наступлению q »;

$$\text{DG8. } G_u(p/q) = D_f Hq \& ((p \Rightarrow qY \sim q) \& (p \Rightarrow \sim qY \sim q));$$

$$\text{DG9. } G_u(p/q) = D_f (Gq \& (p \Rightarrow \sim qYq)) \vee (Hq \& (p \Rightarrow qY \sim q)),$$

« p утилитарно хорошо относительно q , если и только если q хорошо и p способствует наступлению q или q плохо и p способствует устранению q »;

$$\text{DH9. } H_u(p/q) = D_f (Hq \& (p \Rightarrow \sim qYq)) \vee (Gq \& (p \Rightarrow qY \sim q)),$$

« p утилитарно плохо относительно q , если и только если q плохо и p способствует наступлению q или q хорошо и p препятствует сохранению q »;

$$\text{DG10. } G_u(p/q) = D_f (Gq \& (p \Rightarrow \sim qYq)) \vee (Hq \& (p \Rightarrow \sim qY \sim q));$$

$$\text{DG11. } G_u(p/q) = D_f (Gq \& (p \Rightarrow \sim qYq)) \vee (Hq \&$$

¹⁴ Определения DG1 и DH1, DG2 и DH2, DG3 и DH3 показывают, что определение утилитарно плохого получается из определения утилитарно хорошего простой заменой G на H . Нет необходимости поэтому постоянно выписывать наряду с определениями утилитарного добра также определения утилитарного зла.

$$\& ((p \Rightarrow qY \sim q) \vee (p \Rightarrow \sim qY \sim q)));$$

$$\text{DG12. } G_u(p/q) = D_f (Gq \& (p \Rightarrow \sim qYq)) \vee (Hq \& ((p \Rightarrow qY \sim q) \& (p \Rightarrow \sim qY \sim q)));$$

$$\text{DG13. } G_u(p/q) = D_f (Gq \& (p \Rightarrow qYq)) \vee (Hq \& (p \Rightarrow qY \sim q));$$

$$\text{DG14. } G_u(p/q) = D_f (Gq \& (p \Rightarrow qYq)) \vee (Hq \& (p \Rightarrow \sim qY \sim q));$$

$$\text{DG15. } G_u(p/q) = D_f (Gq \& (p \Rightarrow qYq)) \vee (Hq \& ((p \Rightarrow qY \sim q) \vee (p \Rightarrow \sim qY \sim q)));$$

$$\text{DG16. } G_u(p/q) = D_f (Gq \& (p \Rightarrow qYq)) \vee (Hq \& (p \Rightarrow qY \sim q) \& (p \Rightarrow \sim qY \sim q));$$

$$\text{DG17. } G_u(p/q) = D_f (Gq \& ((p \Rightarrow \sim qYq) \vee (p \Rightarrow qYq))) \vee (Hq \& (p \Rightarrow qY \sim q));$$

$$\text{DG18. } G_u(p/q) = D_f (Gq \& ((p \Rightarrow \sim qYq) \vee (p \Rightarrow qYq))) \vee (Hq \& (p \Rightarrow \sim qY \sim q));$$

$$\text{DG19. } G_u(p/q) = D_f (Gq \& ((p \Rightarrow \sim qYq) \vee (p \Rightarrow qYq))) \vee (Hq \& ((p \Rightarrow qY \sim q) \vee (p \Rightarrow \sim qY \sim q))),$$

« p утилитарно хорошо относительно q , если и только если q есть добро и p способствует наступлению или сохранению q , или q есть зло и p препятствует сохранению или наступлению q »;

$$\text{DH19. } H_u(p/q) = D_f (Hq \& ((p \Rightarrow \sim qYq) \vee (p \Rightarrow qYq))) \vee (Gq \& ((p \Rightarrow qY \sim q) \vee (p \Rightarrow \sim qY \sim q))),$$

« p утилитарно плохо относительно q , если и только если q есть зло и p способствует наступлению или сохранению q , или q есть добро и p препятствует сохранению q или наступлению q »;

$$\text{DG20. } G_u(p/q) = D_f (Gq \& ((p \Rightarrow qYq) \& (p \Rightarrow \sim qYq))) \vee (Hq \& (p \Rightarrow qY \sim q));$$

$$\text{DG21. } G_u(p/q) = D_f (Gq \& ((p \Rightarrow qYq) \& (p \Rightarrow \sim qYq))) \vee (Hq \& (p \Rightarrow \sim qY \sim q));$$

$$\text{DG22. } G_u(p/q) = D_f (Gq \& ((p \Rightarrow qYq) \& (p \Rightarrow \sim qYq))) \vee (Hq \& ((p \Rightarrow qY \sim q) \vee (p \Rightarrow \sim qY \sim q)));$$

$$\text{DG23. } G_u(p/q) = D_f (Gq \& (p \Rightarrow \sim qYq) \& (p \Rightarrow qYq)) \vee (Hq \& (p \Rightarrow \sim qY \sim q) \& (p \Rightarrow qY \sim q)),$$

« p утилитарно хорошо относительно q , если и только если q хорошо и p способствует наступлению и сохранению q , или q плохо и p препятствует наступлению и сохранению q »;

$$\text{DH23. } H_u(p/q) =_{Df} (Hq \& (p \Rightarrow \sim qYq) \& (p \Rightarrow qYq)) \vee \\ \vee (Gq \& (p \Rightarrow \sim qY \sim q) \& (p \Rightarrow qY \sim q)),$$

« p утилитарно плохо относительно q , если и только если q плохо и p способствует наступлению и сохранению q , или q хорошо и p препятствует наступлению и сохранению q ».

Возможны и иные определения утилитарного добра и утилитарного зла и далее мы укажем некоторые из них. Перечисленные определения достаточны, однако, для иллюстрации того, как много разных смыслов может вкладываться в понятия утилитарно хорошего и утилитарно плохого. Эти определения ясно показывают также, каким образом понятия «изменение», «сохранение» и «частичная причина» могут быть использованы для экспликации понятия утилитарной ценности.

Нет необходимости анализировать следствия принятия каждого из приведенных определений. В качестве примеров достаточно рассмотреть логические теории утилитарных оценок, основанные на определениях **DG3** и **DH3**, **DG7** и **DH7**, **DG19** и **GH19**.

7. Под логикой утилитарных оценок $G_u H_u - D3$ будем понимать аксиоматическую систему, содержащую следующие аксиомы и правила вывода:

A0. Полное множество аксиом обычной пропозициональной логики,

$$\text{A1. } (p \vee q)Y(r \vee s) \equiv pYr \vee pYs \vee qYr \vee qYs,$$

$$\text{A2. } (p \& q)Y(r \& s) \equiv pYr \& pYs \& qYr \& qYs,$$

$$\text{A3. } \sim(pY \sim \Delta)^{15},$$

$$\text{A4. } \sim(\sim \Delta Y p),$$

$$\text{A5. } \Delta Y \Delta,$$

$$\text{A6. } (p \Rightarrow q) \supset \sim(\sim p \Rightarrow q),$$

$$\text{A7. } (p \Rightarrow q) \supset \sim(p \Rightarrow \sim q),$$

$$\text{A8. } (p \Rightarrow q) \& (q \Rightarrow r) \supset (p \Rightarrow r),$$

$$\text{A9. } (p \Rightarrow q) \& (p \Rightarrow r) \equiv (p \Rightarrow (q \& r)),$$

$$\text{A10. } (p \Rightarrow r) \& (q \Rightarrow r) \equiv ((p \& q) \Rightarrow r),$$

$$\text{A11. } (p \Rightarrow q) \vee (p \Rightarrow r) \equiv (p \Rightarrow (q \vee r)),$$

$$\text{A12. } G(p \& q) \equiv Gp \& Gq,$$

¹⁵ Здесь Δ , как и ранее, обозначает произвольную тавтологию пропозициональной логики.

$$\text{A13. } H(p \& q) \equiv Hp \& Hq,$$

$$\text{A14. } Gp \supset \sim Hp,$$

(R1) правило отделения;

(R2) правило подстановки правильно построенных формул данной системы¹⁶ вместо пропозициональных переменных;

(R3) правило экстенциональности, позволяющее заменять друг на друга эквивалентные выражения;

(R4) из $\alpha \supset \beta$ следует $(\alpha \Rightarrow \gamma) \supset (\beta \Rightarrow \gamma)$;

(R5) из $\alpha \supset \beta$ следует $(\gamma \Rightarrow \alpha) \supset (\gamma \Rightarrow \beta)$;

(R6) из $\alpha \supset \beta$ следует $G\alpha \supset G\beta$;

(R7) из $\alpha \supset \beta$ следует $H\alpha \supset H\beta$ ¹⁷;

$$\text{DG3. } G_u(p/q) =_{Df} Gq \& ((p \Rightarrow \sim qYq) \vee (p \Rightarrow qYq));$$

$$\text{DH3. } H_u(p/q) =_{Df} Hq \& ((p \Rightarrow \sim qYq) \vee (p \Rightarrow qYq)).$$

Система $G_u H_u - D3$ является результатом расширения минимальной логики добра **GHm** определениями утилитарного добра и утилитарного зла и аксиомами и правилами вывода, характеризующими входящие в эти определения связи Y и $\Rightarrow$.

Система **GH/m** является логикой оценок любых видов, или, точнее, общей частью логических теорий оценок разных видов. Она является, в частности, логикой утилитарных оценок. Ее операторы G и H могут истолковываться не только как представляющие добро и зло вообще, но и как представляющие одну из форм или видов добра и зла, а именно, утилитарное добро и утилитарное зло.

Естественно предположить, исходя из такого понимания общей логики добра, что система **GH/m**, интерпретированная как логика утилитарных оценок, содержится в системе $G_u H_u - D3$.

Для доказательства этого предположения достаточны следующие выводы:

1. $p \& q \supset r \supset . (s \& p) \& (s \& q) \supset s \& r$ PL
2. $((p \Rightarrow s) \& (q \Rightarrow s) \supset . (p \& q) \Rightarrow s) \supset . (Gr \& (p \Rightarrow s)) \& 1, p/p \Rightarrow s,$
 $\& (Gr \& (q \Rightarrow s)) \supset Gr \& ((p \& q) \Rightarrow s)$ $q/q \Rightarrow s,$
 $r/(p \& q) \Rightarrow s, s/Gr$

¹⁶ Определение правильно построенной формулы логики утилитарных оценок: (i) *нпф* пропозициональной логики есть *нпф* логики утилитарных оценок, (ii) если α и β — *нпф* пропозициональной логики, то $\alpha Y \beta$, $\alpha \Rightarrow \beta$, $G\alpha$ и $H\alpha$ являются *нпф* логики утилитарных оценок, (iii) если α и β — *нпф* логики утилитарных оценок, то $\sim \alpha$, $\alpha \supset \beta$, $\alpha \equiv \beta$, $\alpha \& \beta$ и $\alpha \vee \beta$ являются *нпф* этой логики.

¹⁷ Непротиворечивость этой системы может быть показана путем интерпретации Y и $\Rightarrow$ как обычной конъюнкции, а G и H как, соответственно, операций конъюнктивного присоединения всегда истинного и всегда ложного выражения. При такой интерпретации аксиомы **A0—A14** превращаются в тавтологии обычной пропозициональной логики, а правила вывода (R1)—(R7) в правила вывода этой логики.

3. $(Gr \& (p \Rightarrow s)) \& (Gr \& (q \Rightarrow s)) \supset Gr \& ((p \& q) \Rightarrow s)$ 2, A8, п. о.
4. $(Gr \& (p \Rightarrow (\sim rYr \vee rYr))) \& (Gr \& (q \Rightarrow (\sim rYr \vee rYr))) \supset Gr \& ((p \& q) \Rightarrow (\sim rYr \vee rYr))$ 3, $s/\sim rYr \vee rYr$
5. $(p \Rightarrow (q \vee r)) \equiv (p \Rightarrow q) \vee (p \Rightarrow r)$ A11
6. $(p \Rightarrow (\sim rYr \vee rYr)) \equiv (p \Rightarrow \sim rYr) \vee (p \Rightarrow rYr)$ 5, $q/\sim rYr, r/rYr$
7. $(q \Rightarrow (\sim rYr \vee rYr)) \equiv (q \Rightarrow \sim rYr) \vee (q \Rightarrow rYr)$ 5, $p/q, q/\sim rYr, r/rYr$
8. $((p \& q) \Rightarrow (\sim rYr \vee rYr)) \equiv ((p \& q) \Rightarrow \sim rYr) \vee ((p \& q) \Rightarrow rYr)$ 5, $p/p \& q, q/\sim rYr, r/rYr$
9. $(Gr \& ((p \Rightarrow \sim rYr) \vee (p \Rightarrow rYr))) \& (Gr \& ((q \Rightarrow \sim rYr) \vee (q \Rightarrow rYr))) \supset (Gr \& ((p \& q) \Rightarrow \sim rYr) \vee ((p \& q) \Rightarrow rYr))$ 4, 5, 6, 7, п. э.
10. $G_u(p/r) \& G_u(q/r) \supset G_u(p \& q/r)$ 9, DG3
11. $H_u(p/r) \& H_u(q/r) \supset H_u(p \& q/r)$ 1—7 с Hr вместо Gr и $DH3$ вместо $DG3$.
1. $pYr \& pYs \& qYr \& qYs \supset (p \& q)Y(r \& s)$ A2, PL
2. $pYq \& pYr \& pYq \& pYr \supset (p \& p)Y(q \& r)$ 1, $q/p, r/q, s/r$
3. $pYq \& pYr \supset pY(q \& r)$ 2, PL, п. э.
4. $\Delta Yq \& \Delta Yr \supset \Delta Y(q \& r)$ 3, p/Δ
5. $(\sim q \vee q)Yq \& (\sim r \vee r)Yr \supset (\sim(q \& r) \vee (q \& r))Y(q \& r)$ 4, PL, п. э.
6. $(p \vee q)Y(q \vee q) \equiv pYq \vee pYq \vee qYq \vee qYq$ A1, $r/q, s/q$
7. $(p \vee q)Yq \equiv pYq \vee qYq$ 6, PL, п. э.
8. $(\sim q \vee q)Yq \equiv \sim qYq \vee qYq$ 7, $p/\sim q$
9. $(\sim r \vee r)Yr \equiv \sim rYr \vee rYr$ 7, $p/\sim r, q/r$
10. $(\sim(q \& r) \vee (q \& r))Y(q \& r) \equiv \sim(q \& r)Y(q \& r) \vee (q \& r)Y(q \& r)$ 7, $p/\sim(q \& r), q/q \& r$
11. $(\sim qYq \vee qYq) \& (\sim rYr \vee rYr) \supset \sim(q \& r)Y(q \& r) \vee (q \& r)Y(q \& r)$ 5, 8, 9, 10, п. э.
12. $p \Rightarrow ((\sim qYq \vee qYq) \& (\sim rYr \vee rYr)) \supset p \Rightarrow (\sim(q \& r)Y(q \& r) \vee (q \& r)Y(q \& r))$ 11, (R5)

- $\vee (q \& r)Y(q \& r)$
13. $(p \Rightarrow (\sim(q \& r)Y(q \& r) \vee (q \& r)Y(q \& r))) \equiv A9, q/\sim(q \& r)Y(q \& r), r/(q \& r)Y(q \& r)$
 $\equiv (p \Rightarrow \sim(q \& r)Y(q \& r)) \vee \vee (p \Rightarrow (q \& r)Y(q \& r))$
14. $(p \Rightarrow ((\sim qYq \vee qYq) \& (\sim rYr \vee rYr))) \equiv A9, q/\sim qYq \vee qYq, r/\sim rYr \vee rYr, PL$
 $\equiv (p \Rightarrow (\sim qYq \vee qYq) \& (p \Rightarrow \Rightarrow (\sim rYr \vee rYr)))$
15. $(p \Rightarrow (\sim qYq \vee qYq)) \& (p \Rightarrow (\sim rYr \vee rYr)) \supset (p \Rightarrow \sim(q \& r)Y(q \& r)) \vee \vee (p \Rightarrow (q \& r)Y(q \& r))$ 12, 13, 14, п. э.
16. $(p \Rightarrow (\sim qYq \vee qYq)) \equiv (p \Rightarrow \sim qYq) \vee \vee (p \Rightarrow qYq)$ A11, $q/\sim qYq, r/qYq, PL$
17. $(p \Rightarrow (\sim rYr \vee rYr)) \equiv (p \Rightarrow \sim rYr) \vee \vee (p \Rightarrow rYr)$ 16, q/r
18. $((p \Rightarrow \sim qYq) \vee (p \Rightarrow qYq)) \& ((p \Rightarrow \sim rYr) \vee \vee (p \Rightarrow rYr)) \supset (p \Rightarrow \sim(q \& r)Y(q \& r)) \vee \vee (p \Rightarrow (q \& r)Y(q \& r))$ 15, 16, 17, п. э.
19. $Gq \& Gr \supset G(q \& r)$ A12, PL
20. $(p \& q \supset r) \& (s \& t \supset u) \supset (s \& p) \& (t \& q) \supset u \& r$ PL
21. $((p \Rightarrow \sim qYq) \vee (p \Rightarrow qYq)) \& \& ((p \Rightarrow \sim rYr) \vee (p \Rightarrow rYr)) \supset \supset (\sim(q \& r)Y(q \& r)) \vee \vee (p \Rightarrow (q \& r)Y(q \& r)) \& (Gq \& Gr \supset \supset G(q \& r)) \supset (Gq \& ((p \Rightarrow \sim qYq) \vee \vee (p \Rightarrow qYq))) \& (Gr \& ((p \Rightarrow \sim rYr) \vee \vee (p \Rightarrow rYr))) \supset G(q \& r) \& ((p \Rightarrow \sim(q \& r)Y(q \& r)) \vee (p \Rightarrow (q \& r)Y(q \& r)))$ 20, $p/(p \Rightarrow \sim qYq) \vee \vee (p \Rightarrow qYq), q/(p \Rightarrow \sim rYr) \vee \vee (p \Rightarrow rYr), r/(p \Rightarrow \sim(q \& r)Y(q \& r) \& r) \vee (p \Rightarrow (q \& r)Y(q \& r)), s/Gq, t/Gr, u/G(q \& r)$
22. $(Gq \& ((p \Rightarrow \sim qYq) \vee (p \Rightarrow qYq))) \& \& (Gr \& ((p \Rightarrow \sim rYr) \vee (p \Rightarrow rYr))) \supset \supset G(q \& r) \& ((p \Rightarrow \sim(q \& r)Y(q \& r)) \vee (p \Rightarrow (q \& r)Y(q \& r)))$ 19, 20, 21, PL

- $\vee (p \Rightarrow (q \& r) Y (q \& r))$
23. $G_u(p/q) \& G_u(p/r) \supset G_u(p/q \& r)$
24. $H_u(p/q) \& H_u(p/r) \supset H_u(p/q \& r)$
1. $p \supset \sim q \supset p \& r \supset \sim (q \& r)$
2. $Gq \supset \sim Hq \supset Gq \& r \supset \sim (Hq \& r)$
3. $Gq \supset \sim Hq$
4. $Gq \& r \supset \sim (Hq \& r)$
5. $Gq \& ((p \Rightarrow \sim qYq) \vee (p \Rightarrow qYq)) \supset$
 $\supset \sim (Hq \& ((p \Rightarrow \sim qYq) \vee (p \Rightarrow qYq)))$
6. $G_u(p/q) \supset \sim H_u(p/q)$
1. $\alpha \supset \beta$
2. $(\alpha \Rightarrow (\sim \gamma Y \gamma \vee \gamma Y \gamma)) \supset$
 $\supset (\beta \Rightarrow (\sim \gamma Y \gamma \vee \gamma Y \gamma))$
3. $(\alpha \Rightarrow (\sim \gamma Y \gamma \vee \gamma Y \gamma)) \equiv (\alpha \Rightarrow \sim \gamma Y \gamma) \vee$
 $\vee (\alpha \Rightarrow \gamma Y \gamma)$
4. $(\beta \Rightarrow (\sim \gamma Y \gamma \vee \gamma Y \gamma)) \equiv (\beta \Rightarrow \sim \gamma Y \gamma) \vee$
 $\vee (\beta \Rightarrow \gamma Y \gamma)$
5. $(\alpha \Rightarrow \sim \gamma Y \gamma) \vee (\alpha \Rightarrow \gamma Y \gamma) \supset (\beta \Rightarrow$
 $\Rightarrow \sim \gamma Y \gamma) \vee (\beta \Rightarrow \gamma Y \gamma)$
6. $p \supset q \supset r \& p \supset r \& q$
7. $(\alpha \Rightarrow \sim \gamma Y \gamma) \vee (\alpha \Rightarrow \gamma Y \gamma) \supset (\beta \Rightarrow \sim \gamma Y \gamma) \vee$
 $\vee (\beta \Rightarrow \gamma Y \gamma) \supset G\gamma \& ((\alpha \Rightarrow \sim \gamma Y \gamma) \vee$
 $\vee (\alpha \Rightarrow \gamma Y \gamma)) \supset G\gamma \& ((\beta \Rightarrow \sim \gamma Y \gamma) \vee$
 $\vee (\beta \Rightarrow \gamma Y \gamma))$
8. $G\gamma \& ((\alpha \Rightarrow \sim \gamma Y \gamma) \vee (\alpha \Rightarrow \gamma Y \gamma)) \supset$
 $\supset G\gamma \& ((\beta \Rightarrow \sim \gamma Y \gamma) \vee (\beta \Rightarrow \gamma Y \gamma))$
9. $G(\alpha/\gamma) \supset G(\beta/\gamma)$
10. $H(\alpha/\gamma) \supset H(\beta/\gamma)$
22. **DG3**
- 1 — 22 с H вместо G
 и **DH3** вместо **DG3**.
- PL**
- 1, $p/Gq, q/Hq$
- A13, p/q**
- 2, 3, п. о.
- 4, $r/(p \Rightarrow \sim qYq) \vee$
 $\vee (p \Rightarrow qYq)$
- 5, **DG3, DH3.**
- гипотеза
- 1, **(R4)**
- A10, PL**
- A10, PL**
- 2, 3, 4, п. э.
- PL**
- 6, $p/(\alpha \Rightarrow \sim \gamma Y \gamma) \vee$
 $\vee (\alpha \Rightarrow \gamma Y \gamma), q/(\beta \Rightarrow$
 $\Rightarrow \sim \gamma Y \gamma) \vee (\beta \Rightarrow$
 $\Rightarrow \gamma Y \gamma), r/G\gamma$
- 5, 7, п. о.
- 8, **DG3**
- 1 — 9 с H вместо G и
DH3 вместо **DG3**

11. $p \& q \supset p$
12. $G_u(p \& q/r) \supset G_u(p/r)$
13. $p \& q \supset q$
14. $G_u(p \& q/r) \supset G_u(q/r)$
15. $G_u(p \& q/r) \supset G_u(p/r) \& G_u(q/r)$
16. $H_u(p \& q/r) \supset H_u(p/r) \& H_u(q/r)$
1. $\Delta Y \Delta$
2. $\Delta Y (\sim \beta \vee \beta)$
3. $\Delta Y \sim \beta \vee \Delta Y \beta$
4. $\sim (\Delta Y \sim \beta) \supset \Delta Y \beta$
5. $\sim (\Delta Y (\beta \& \sim \beta))$
6. $\sim (\Delta Y \beta \& \Delta Y \sim \beta)$
7. $\Delta Y \beta \supset \sim (\Delta Y \sim \beta)$
8. $\Delta Y \beta \equiv \sim (\Delta Y \sim \beta)$
9. $\alpha \supset \beta$
10. $(\alpha \& \sim \beta) \equiv \sim \Delta$
11. $\sim (\Delta Y (\alpha \& \sim \beta))$
12. $\sim (\Delta Y \alpha \& \Delta Y \sim \beta)$
13. $\Delta Y \alpha \supset \sim (\Delta Y \sim \beta)$
14. $\Delta Y \alpha \supset \Delta Y \beta$
15. $(\sim \alpha \vee \alpha) Y \alpha \supset (\sim \beta \vee \beta) Y \beta$
16. $\sim \alpha Y \alpha \vee \alpha Y \alpha \supset \sim \beta Y \beta \vee \beta Y \beta$
17. $(\gamma \Rightarrow (\sim \alpha Y \alpha \vee \alpha Y \alpha)) \supset (\gamma \Rightarrow$
 $\Rightarrow (\sim \beta Y \beta \vee \beta Y \beta))$
18. $G\alpha \supset G\beta$
19. $(p \supset q) \& (r \supset s) \supset p \& r \supset q \& s$
20. $(G\alpha \supset G\beta) \& ((\gamma \Rightarrow (\sim \alpha Y \alpha \vee \alpha Y \alpha)) \supset$
 $\supset (\gamma \Rightarrow (\sim \beta Y \beta \vee \beta Y \beta))) \supset G\alpha \& (\gamma \Rightarrow$
 $\Rightarrow (\sim \alpha Y \alpha \vee \alpha Y \alpha) \supset G\beta \& (\gamma \Rightarrow$
- PL**
- 11,9
- PL**
- 13,9
- 12, 14, **PL**
- 10, 11, 13, **PL**
- A5**
- 1, **PL, п. э.**
- 2, **A1, PL**
- 3, **PL**
- A3, $p/\Delta, PL, п. э.$**
- 5, **A2, PL**
- 6, **PL**
- 4, 7, **PL**
- гипотеза
- PL**
- A3, $p/\Delta, PL, 10, п. э.$**
- 11, **A2, PL**
- 12, **PL**
- 10, 13, п. э.
- 14, **PL, п. э.**
- 15, **A1, PL**
- 16, **(R5)**
- 9, **(R6)**
- PL**
- 19, $p/G\alpha, q/G\beta,$
 $r/\gamma \Rightarrow (\sim \alpha Y \alpha \vee \alpha Y \alpha),$
 $s/\gamma \Rightarrow (\sim \beta Y \beta \vee \beta Y \beta)$

- $\Rightarrow (\sim \beta Y \beta \vee \beta Y \beta)$
21. $G\alpha \& (\gamma \Rightarrow (\sim \alpha Y \alpha \vee \alpha Y \alpha)) \supset$
 $\supset G\beta \& (\gamma \Rightarrow (\sim \beta Y \beta \vee \beta Y \beta))$ 18, 19, PL
22. $(\gamma \Rightarrow (\sim \alpha Y \alpha \vee \alpha Y \alpha)) \equiv$
 $\equiv (\gamma \Rightarrow \sim \alpha Y \alpha) \vee (\gamma \Rightarrow \alpha Y \alpha)$ A11, p/γ ,
 $q/\sim \alpha Y \alpha$, $r/\alpha Y \alpha$
23. $(\gamma \Rightarrow (\sim \beta Y \beta \vee \beta Y \beta)) \equiv$
 $\equiv (\gamma \Rightarrow \sim \beta Y \beta) \vee (\gamma \Rightarrow \beta Y \beta)$ A11, p/γ , $q/\sim \beta Y \beta$,
 $r/\beta Y \beta$
24. $G\alpha \& ((\gamma \Rightarrow \sim \alpha Y \alpha) \vee (\gamma \Rightarrow \alpha Y \alpha)) \supset$
 $\supset G\beta \& ((\gamma \Rightarrow \sim \beta Y \beta) \vee (\gamma \Rightarrow \beta Y \beta))$ 21, 22, 23, п. э.
25. $G_u(\gamma/\alpha) \supset G_u(\gamma/\beta)$ 24, DG3
26. $H_u(\gamma/\alpha) \supset H_u(\gamma/\beta)$ 1 — 25 с H_u вместо G_u и DH3 вместо DG3
27. $q \& r \supset q$ PL
28. $G_u(p/q \& r) \supset G_u(p/q)$ 25, 27
29. $q \& r \supset r$ PL
30. $G_u(p/q \& r) \supset G_u(p/r)$ 25, 29
31. $G_u(p/q \& r) \supset G_u(p/q) \& G_u(p/r)$ 28, 30, PL
32. $H_u(p/q \& r) \supset H_u(p/q) \& H_u(p/r)$ 27 — 31 с H_u вместо G_u и 26 вместо 25.

На этом заканчивается доказательство того, что минимальная логика полных абсолютных оценок **GH/m**, интерпретированная как логика утилитарных оценок, содержится в минимальной логике неполных абсолютных оценок **GHm**, дополненной утверждениями логики изменения, логики неполных причин и определениями утилитарного добра и утилитарного зла.

Приведенное доказательство несколько громоздко, но оно очень важно для понимания взаимных отношений логик полных и неполных абсолютных оценок. Оно интересно так же как одно из свидетельств обоснованности утверждения, что логики добра **GHm** и **GH/m** являются общими частями логических теорий оценок любых видов.

Интересно отметить, что в системе $G_u H_u$ — D3 содержится не только система $G_u H_u/m$, но и более сильная система $G_u H_u$ (сильная логика полных абсолютных утилитарных оценок). Для доказательства этого утверждения необходима аксиома A6, не использовавшаяся в приведенных выше выводах:

1. $p \Rightarrow q \supset \sim (\sim p \Rightarrow q)$ A6

2. $p \Rightarrow (\sim q Y q \vee q Y q) \supset \sim (\sim p \Rightarrow$
 $\Rightarrow (\sim q Y q \vee q Y q))$ 1, $q/\sim q Y q \vee q Y q$
3. $p \supset \sim q \supset r \& p \supset \sim (r \& q)$ PL
4. $(Gq \& (p \Rightarrow (\sim q Y q \vee q Y q)) \supset$
 $\supset \sim (Gq \& (\sim p \Rightarrow (\sim q Y q \vee q Y q)))$ 3, $p/p \Rightarrow (\sim q Y b \vee$
 $\vee q Y q)$, $q/\sim p \Rightarrow$
 $\Rightarrow (\sim q Y q \vee q Y q)$, r/Gq
5. $(p \Rightarrow (\sim q Y q \vee q Y q)) \equiv$
 $\equiv (p \Rightarrow \sim q Y q) \vee (p \Rightarrow q Y q)$ A1
6. $(\sim p \Rightarrow (\sim q Y q \vee q Y q)) \equiv$
 $\equiv (\sim p \Rightarrow \sim q Y q) \vee (\sim p \Rightarrow q Y q)$ 5, $p/\sim p$
7. $Gq \& ((p \Rightarrow \sim q Y q) \vee (p \Rightarrow q Y q)) \supset$
 $\supset \sim (Gq \& ((\sim p \Rightarrow \sim q Y q) \vee (\sim p \Rightarrow q Y q)))$ 4, 5, 6, п. э.
8. $G_u(p/q) \supset \sim G_u(\sim p/q)$ 7, DG3
9. $H_u(p/q) \supset \sim H_u(\sim p/q)$ 1 — 8 с H_u вместо G_u и DH3 вместо DG3.

8. Займемся теперь другими определениями утилитарного добра и утилитарного зла, а именно определениями DG7 и DH7.

Под системой $G_u H_u$ — D7 будем понимать логику утилитарных оценок, получаемую из системы $G_u H_u$ — D3 заменой определений DG3 и DH3 определениями DG7 и DH7.

Можно показать, что в $G_u H_u$ — D7 содержатся все аксиомы и правила вывода системы $G_u H_u/m$ ¹⁸, кроме аксиом

$$G(p/q \& r) \supset G(p/q) \& G(p/r),$$

$$H(p/q \& r) \supset H(p/q) \& H(p/r)$$

и правил (R5) и (R6):

1. $(p \Rightarrow r) \& (q \Rightarrow r) \supset (p \& q) \Rightarrow r$ A10
2. $(p \Rightarrow (r Y \sim r \vee \sim r Y \sim r)) \& (q \Rightarrow (r Y \sim r \vee$
 $\vee \sim r Y \sim r)) \supset (p \& q) \Rightarrow (r Y \sim r \vee$
 $\vee \sim r Y \sim r)$ 1, $r/r Y \sim r \vee$
 $\vee \sim r Y \sim r$
3. $p \& q \supset r \supset (s \& p) \& (s \& q) \supset s \& r$ PL
4. $((p \Rightarrow (r Y \sim r \vee \sim r Y \sim r)) \& (q \Rightarrow$ 3

¹⁸ Т. е. общей минимальной логики добра **GH/m**, интерпретируемой как логическая теория утилитарных оценок.

- $\Rightarrow (rY \sim r \vee \sim rY \sim r) \supset (p \& q) \Rightarrow$
 $\Rightarrow (rY \sim r \vee \sim rY \sim r) \supset (Hr \& (p \Rightarrow$
 $\Rightarrow (rY \sim r \vee \sim rY \sim r)) \& (Hr \& (q \Rightarrow$
 $\Rightarrow (rY \sim r \vee \sim rY \sim r)) \supset (Hr \& ((p \& q) \Rightarrow$
 $\Rightarrow (rY \sim r \vee \sim rY \sim r))$
5. $(Hr \& (p \Rightarrow (rY \sim r \vee \sim rY \sim r))) \& (Hr \&$ 2, 4, п. о.
 $\& (q \Rightarrow (rY \sim r \vee \sim rY \sim r))) \supset Hr \&$
 $\& ((p \& q) \Rightarrow (rY \sim r \vee \sim rY \sim r))$
6. $(p \Rightarrow (rY \sim r \vee \sim rY \sim r)) \equiv$ A1
 $\equiv (p \Rightarrow rY \sim r) \vee (p \Rightarrow \sim rY \sim r)$
7. $(q \Rightarrow (rY \sim r \vee \sim rY \sim r)) \equiv$ 6, p/q
 $\equiv (q \Rightarrow rY \sim r) \vee (q \Rightarrow \sim rY \sim r)$
8. $((p \& q) \Rightarrow (rY \sim r \vee \sim rY \sim r)) \equiv$ 7, q/p & q
 $\equiv ((p \& q) \Rightarrow rY \sim r) \vee$
 $\vee ((p \& q) \Rightarrow \sim rY \sim r)$
9. $(Hr \& ((p \Rightarrow rY \sim r) \vee (p \Rightarrow \sim rY \sim r))) \&$ 5, 6, 7, 8, п. э.
 $\& (Hr \& ((q \Rightarrow rY \sim r) \vee (q \Rightarrow \sim rY \sim r))) \supset$
 $\supset Hr \& (((p \& q) \Rightarrow rY \sim r) \vee$
 $\vee ((p \& q) \Rightarrow \sim rY \sim r))$
10. $G_u(p/r) \& G_u(q/r) \supset G_u(p \& q/r)$ 9, DG7
11. $H_u(p/r) \& H_u(q/r) \supset H_u(p \& q/r)$ 1 — 10 с H_u вместо G_u и DH7 вместо DG7
1. $p \& q \supset p \vee q$ PL
2. $pYq \& pYr \supset pYq \vee pYr$ 1, p:pYq, q:pYr
3. $pYq \vee pYr \supset pY(q \vee r)$ A1, PL, п. э.
4. $pYq \& pYr \supset pY(q \vee r)$ 2, 3, PL
5. $\Delta Y \sim q \& \Delta Y \sim r \supset \Delta Y (\sim q \vee \sim r)$ 4, p/\Delta, q/\sim q, r/\sim r
6. $(q \vee \sim q)Y \sim q \& (r \vee \sim r)Y \sim r \supset$ 5, PL, п. э.
 $\supset ((q \& r) \vee \sim (q \& r))Y \sim (q \& r)$
7. $(q \vee \sim q)Y \sim q \equiv qY \sim q \vee \sim qY \sim q$ A1, PL, п. э.

8. $(r \vee \sim r)Y \sim r \equiv rY \sim r \vee \sim rY \sim r$ A1, PL, п. э.
9. $((q \& r) \vee \sim (q \& r))Y \sim (q \& r) \equiv$ 8, r/q & r
 $\equiv (q \& r)Y \sim (q \& r) \vee \sim (q \& r)Y \sim (q \& r)$
10. $(qY \sim q \vee \sim qY \sim q) \& (rY \sim r \vee$ 6, 7, 8, 9, п. э.
 $\vee \sim rY \sim r) \supset (q \& r)Y \sim (q \& r) \vee$
 $\vee \sim (q \& r)Y \sim (q \& r)$
11. $p \Rightarrow ((qY \sim q \vee \sim qY \sim q) \& (rY \sim r \vee$ 10, (R5)
 $\vee \sim rY \sim r)) \supset p \Rightarrow ((q \& r)Y \sim (q \& r) \vee$
 $\vee \sim (q \& r)Y \sim (q \& r))$
12. $(p \Rightarrow ((qY \sim q \vee \sim qY \sim q) \& (rY \sim r \vee$ A9, A11
 $\vee \sim rY \sim r))) \equiv (p \Rightarrow qY \sim q) \vee$
 $\vee (p \Rightarrow \sim qY \sim q) \& ((p \Rightarrow rY \sim r) \vee$
 $\vee (p \Rightarrow \sim rY \sim r))$
13. $(p \Rightarrow ((q \& r)Y \sim (q \& r) \vee \sim (q \& r)Y \sim (q \&$ A11
 $\& r))) \equiv (p \Rightarrow (q \& r)Y \sim (q \& r)) \vee$
 $\vee (p \Rightarrow \sim (q \& r)Y \sim (q \& r))$
14. $((p \Rightarrow qY \sim q) \vee (p \Rightarrow \sim qY \sim q)) \&$ 11, 12, 13, п. э.
 $\& ((p \Rightarrow rY \sim r) \vee (p \Rightarrow \sim rY \sim r)) \supset$
 $\supset (p \Rightarrow (q \& r)Y \sim (q \& r)) \vee$
 $\vee (p \Rightarrow \sim (q \& r)Y \sim (q \& r))$
15. $(p \& q \supset r) \& (s \& t \supset u) \supset (p \& s) \&$ PL
 $\& (q \& t) \supset r \& u$
16. $(Hq \& Hr \supset H(q \& r)) \& (((p \Rightarrow qY \sim q) \vee$ 15
 $\vee (p \Rightarrow \sim qY \sim q)) \& ((p \Rightarrow rY \sim r) \vee$
 $\vee (p \Rightarrow \sim rY \sim r)) \supset (p \Rightarrow (q \& r)Y \sim (q \&$
 $\& r)) \vee (p \Rightarrow \sim (q \& r)Y \sim (q \& r))) \supset (Hq \&$
 $\& ((p \Rightarrow qY \sim q) \vee (p \Rightarrow \sim qY \sim q))) \&$
 $\& (Hr \& ((p \Rightarrow rY \sim r) \vee (p \Rightarrow \sim rY \sim r))) \supset$
 $\supset H(q \& r) \& ((p \Rightarrow (q \& r)Y \sim (q \& r)) \vee$
 $\vee (p \Rightarrow \sim (q \& r)Y \sim (q \& r)))$

17. $Hq \& Hr \supset H(q \& r)$ A13, PL
 18. $(Hq \& ((p \Rightarrow qY \sim q) \vee (p \Rightarrow \sim qY \sim q))) \& (Hr \& ((p \Rightarrow rY \sim r) \vee (p \Rightarrow \sim rY \sim r))) \supset H(q \& r) \& ((p \Rightarrow (q \& r)Y \sim (q \& r)) \vee (p \Rightarrow \sim (q \& r)Y \sim (q \& r)))$ 14, 16, 17, PL
 19. $G_u(p/q) \& G_u(p/r) \supset G_u(p/q \& r)$ 18, DG7
 20. $H_u(p/q) \& H_u(p/r) \supset H_u(p/q \& r)$ 1—19 с H_u вместо G_u и DH7 вместо DG7

1. $p \supset \sim q \supset p \& r \supset \sim (q \& r)$ PL
 2. $(Hq \supset \sim Gq) \supset (Hq \& ((p \Rightarrow qY \sim q) \vee (p \Rightarrow \sim qY \sim q))) \supset \sim (Gq \& ((p \Rightarrow qY \sim q) \vee (p \Rightarrow \sim qY \sim q)))$ 1
 3. $Hq \supset \sim Gq$ A14, PL
 4. $Hq \& ((p \Rightarrow qY \sim q) \vee (p \Rightarrow \sim qY \sim q)) \supset \sim (Gq \& ((p \Rightarrow qY \sim q) \vee (p \Rightarrow \sim qY \sim q)))$ 2, 3, п. о.
 5. $G_u(p/q) \supset \sim H_u(p/q)$ 4, DG7, DH7.

Правила (R3) и (R4) легко выводятся в $G_u H_u - D7$ с помощью правила (R4) и аксиомы A10 этой системы.

Доказательство того, что формула

$$(1) G_u(p/q \& r) \supset G_u(p/q)$$

не является теоремой системы $G_u H_u - D7$, можно провести так. Необходимым условием выводимости этой формулы является выводимость формулы

$$(2) H(q \& r) \& (((p \Rightarrow (q \& r)Y \sim (q \& r)) \vee (p \Rightarrow \sim (q \& r)Y \sim (q \& r))) \supset \supset Hq \& ((p \Rightarrow qY \sim q) \vee (p \Rightarrow \sim qY \sim q)))$$

и, значит, формулы

$$(3) (p \Rightarrow (q \& r)Y \sim (q \& r)) \vee (p \Rightarrow \sim (q \& r)Y \sim (q \& r)) \supset (p \Rightarrow qY \sim q) \vee (p \Rightarrow \sim qY \sim q).$$

Последняя формула доказуема, если и только если доказуема формула

$$(4) p \Rightarrow ((q \& r)Y \sim (q \& r) \vee \sim (q \& r)Y \sim (q \& r)) \supset p \Rightarrow (qY \sim q \vee \sim qY \sim q),$$

необходимым условием доказуемости которой является выводимость формулы

$$(5) (q \& r)Y \sim (q \& r) \vee \sim (q \& r)Y \sim (q \& r) \supset qY \sim q \vee \sim qY \sim q$$

и, следовательно, выводимость формулы

$$(6) \Delta Y (\sim q \vee \sim r) \supset \Delta Y \sim q.$$

Если бы эта последняя формула была теоремой $G_u H_u - D7$, то данная система оказалась бы, вопреки установленному ранее, противоречивой:

1. $\Delta Y (\sim q \vee \sim r) \supset \Delta Y \sim q$
 2. $\Delta Y \sim q \vee \Delta Y \sim r \supset \Delta Y \sim q$ A1, PL
 3. $\Delta Y \sim r \supset \Delta Y \sim q$ 2, PL
 4. $\Delta Y \sim (r \& \sim r) \supset \Delta Y \sim (q \vee \sim q)$ 3, $r/r \& \sim r, q/q \vee \sim q$
 5. $\Delta Y \Delta \supset \Delta Y \sim \Delta$ 4, PL, п. э.
 6. $\sim (\Delta Y \Delta)$ A3
 7. $\sim (\Delta Y \Delta)$ 5, 6, PL
 8. $\Delta Y \Delta$ A5.

Сходным образом можно показать, что в $G_u H_u - D7$ не доказуема формула

$$H_u(p/q \& r) \supset H_u(p/q).$$

Это означает, что в данной системе не выводимы ни утверждения

$$G_u(p/q \& r) \supset G_u(p/q) \& G_u(p/r),$$

$$H_u(p/q \& r) \supset H_u(p/q) \& H_u(p/r),$$

ни правила (R5) и (R6) системы $G_u H_u / m$.

Отметим, что аксиома A6 не использовалась пока в выводах. Она необходима только для доказательства принципов

$$G_u(p/q) \supset \sim G_u(\sim p/q),$$

$$H_u(p/q) \supset \sim H_u(\sim p/q).$$

Как и в случае системы $G_u H_u - D3$, при выводе этих принципов в $G_u H_u - D7$ из формул, содержащих операторы G и H , используются только A6 и определения $G_u(p/q)$ и $H_u(p/q)$. Принципы аксиологической непротиворечивости оказываются, таким образом, доказуемыми в расширениях минимальной логики не-

полных абсолютных оценок, не содержащих в числе своих аксиом формул

$$Gp \supset \sim G \sim p,$$

$$Hp \supset \sim H \sim p.$$

9. В системе, получаемой из $G_u H_u - D3$ заменой определений $DG3$ и $DH3$ определениями $DG19$ и $DH19$, доказуемы правила $(R3) - (R6)$ системы GH/m , но не выводимы формулы

$$G_u(p/r) \& G_u(q/r) \supset G_u(p \& q/r),$$

$$H_u(p/q) \& H_u(p/r) \supset H_u(p/q \& r).$$

Теоремами $G_u H_u - D19$ являются формулы

$$G_u(p/q) \supset \sim G_u(\sim p/q),$$

$$H_u(p/q) \supset \sim H_u(\sim p/q),$$

$$G_u(p/q) \supset \sim H_u(p/q):$$

1. $p \supset \sim r \supset . s \& p \supset \sim (s \& r)$	PL
2. $(p \Rightarrow r) \supset \sim (\sim p \Rightarrow r) \supset . (Gq \& (p \Rightarrow r)) \supset (Gq \& (\sim p \Rightarrow r))$	1, $p/p \Rightarrow r,$ $r/\sim p \Rightarrow r, s/Gq$
3. $p \Rightarrow r \supset \sim (\sim p \Rightarrow r)$	A6
4. $Gq \& (p \Rightarrow r) \supset \sim (Gq \& (\sim p \Rightarrow r))$	2, 3, п. о.
5. $Gq \& (p \Rightarrow (\sim qYq \vee qYq)) \supset \sim (Gq \& (\sim p \Rightarrow (\sim qYq \vee qYq)))$	4, $r/\sim qYq \vee qYq$
6. $Hq \& (p \Rightarrow r) \supset \sim (Hq \& (\sim p \Rightarrow r))$	1—4 с H вместо G
7. $Hq \& (p \Rightarrow (qY \sim q \vee \sim qY \sim q)) \supset \sim (Hq \& (\sim p \Rightarrow (qY \sim q \vee \sim qY \sim q)))$	6, $r/qY \sim q \vee \sim qY \sim q$
8. $\sim (p \& q) \supset \sim (p \& r \& q \& s)$	PL
9. $\sim (Gq \& Hq) \supset \sim (Gq \& (p \Rightarrow (\sim qYq \vee qYq)) \& Hq \& (\sim p \Rightarrow (qY \sim q \vee \sim qY \sim q)))$	8
10. $\sim (Gq \& Hq)$	A14, PL
11. $\sim (Gq \& (p \Rightarrow (\sim qYq \vee qYq)) \& Hq \& (\sim p \Rightarrow (qY \sim q \vee \sim qY \sim q)))$	9, 10, п. о.

12. $Gq \& (p \Rightarrow (\sim qYq \vee qYq)) \supset \sim (Hq \& (\sim p \Rightarrow (qY \sim q \vee \sim qY \sim q)))$	11, PL
13. $Gq \& (p \Rightarrow (qY \sim q \vee \sim qY \sim q)) \supset \sim (Hq \& (\sim p \Rightarrow (\sim qYq \vee qYq)))$	8, 10
14. $Hq \& (p \Rightarrow (qY \sim q \vee \sim qY \sim q)) \supset \sim (Gq \& (\sim p \Rightarrow (\sim qYq \vee qYq)))$	8, 10
15. $(p \supset q) \& (p \supset r) \supset . p \supset q \& r$	PL
16. $Gq \& (p \Rightarrow (\sim qYq \vee qYq)) \supset \sim (Gq \& (\sim p \Rightarrow (\sim qYq \vee qYq))) \& \sim (Hq \& (\sim p \Rightarrow (qY \sim q \vee \sim qY \sim q)))$	5, 12, 15
17. $Hq \& (p \Rightarrow (qY \sim q \vee \sim qY \sim q)) \supset \sim (Hq \& (\sim p \Rightarrow (qY \sim q \vee \sim qY \sim q))) \& \sim (Gq \& (\sim p \Rightarrow (\sim qYq \vee qYq)))$	7, 14, 15
18. $(p \supset q) \& (r \supset q) \supset . p \vee r \supset q$	PL
19. $(Gq \& (p \Rightarrow (\sim qYq \vee qYq))) \vee (Hq \& (p \Rightarrow (qY \sim q \vee \sim qY \sim q))) \supset \sim (Gq \& (\sim p \Rightarrow (\sim qYq \vee qYq))) \& \sim (Hq \& (\sim p \Rightarrow (qY \sim q \vee \sim qY \sim q)))$	16, 17, 18
20. $(Gq \& (p \Rightarrow (\sim qYq \vee qYq))) \vee (Hq \& (p \Rightarrow (qY \sim q \vee \sim qY \sim q))) \supset \sim ((Gq \& (\sim p \Rightarrow (\sim qYq \vee qYq))) \vee (Hq \& (\sim p \Rightarrow (qY \sim q \vee \sim qY \sim q))))$	19, PL
21. $(p \Rightarrow (\sim qYq \vee qYq)) \equiv (p \Rightarrow \sim qYq) \vee (p \Rightarrow qYq)$	A11
22. $(p \Rightarrow (qY \sim q \vee \sim qY \sim q)) \equiv (p \Rightarrow qY \sim q) \vee (p \Rightarrow \sim qY \sim q)$	A11
23. $(\sim p \Rightarrow (\sim qYq \vee qYq)) \equiv (\sim p \Rightarrow \sim qYq) \vee (\sim p \Rightarrow qYq)$	21, $p/\sim p$
24. $(\sim p \Rightarrow (qY \sim q \vee \sim qY \sim q)) \equiv (\sim p \Rightarrow qY \sim q) \vee (\sim p \Rightarrow \sim qY \sim q)$	22, $p/\sim p$

25. $(Gq \& ((p \Rightarrow \sim qYq) \vee (p \Rightarrow qYq))) \vee$
 $\vee (Hq \& ((p \Rightarrow qY \sim q) \vee (p \Rightarrow \sim qY \sim q))) \supset$
 $\supset \sim ((Gq \& ((\sim p \Rightarrow \sim qYq) \vee (\sim p \Rightarrow$
 $\Rightarrow qYq))) \vee (Hq \& ((\sim p \Rightarrow qY \sim q) \vee$
 $\vee (\sim p \Rightarrow \sim qY \sim q))))$
26. $G_u(p/q) \supset \sim G_u(\sim p/q)$
27. $H_u(p/q) \supset \sim H_u(\sim p/q)$
- 20, 21, 22, 23, 24
- 25, **DG19**
- 1—26 с H_u вместо G_u и **DH19** вместо **DG19**

1. $p \supset \sim q \supset . p \& r \supset \sim (q \& r)$ **PL**
2. $Gq \supset \sim Hq \supset . Gq \& ((p \Rightarrow \sim qYq) \vee (p \Rightarrow$
 $\Rightarrow qYq)) \supset \sim (Hq \& ((p \Rightarrow \sim qYq) \vee (p \Rightarrow$
 $\Rightarrow qYq)))$ 1
3. $Gq \supset \sim Hq$ **A14**
4. $Gq \& ((p \Rightarrow \sim qYq) \vee (p \Rightarrow qYq)) \supset$
 $\supset \sim (Hq \& ((p \Rightarrow \sim qYq) \vee (p \Rightarrow qYq)))$ 2, 3, п. о.
5. $Hq \& ((p \Rightarrow qY \sim q) \vee (p \Rightarrow \sim qY \sim q)) \supset$
 $\supset \sim (Gq \& ((p \Rightarrow qY \sim q) \vee (p \Rightarrow \sim qY \sim q)))$ 1, 3
6. $\sim (\sim qYq \& qY \sim q)$ **A2, A3, A4**
7. $\sim (p \Rightarrow (\sim qYq \& qY \sim q))$ **A7, 6**
8. $\sim ((p \Rightarrow \sim qYq) \& (p \Rightarrow qY \sim q))$ **A9, 7**
9. $(p \Rightarrow \sim qYq) \supset \sim (p \Rightarrow qY \sim q)$ **8, PL**
10. $\sim (\sim qYq \& \sim qY \sim q)$ **A2, A3**
11. $\sim (p \Rightarrow (\sim qYq \& \sim qY \sim q))$ **A7, 10**
12. $\sim ((p \Rightarrow \sim qYq) \& (p \Rightarrow \sim qY \sim q))$ **A9, 11**
13. $(p \Rightarrow \sim qYq) \supset \sim (p \Rightarrow \sim qY \sim q)$ **12, PL**
14. $\sim (qYq \& qY \sim q)$ **A2, A4**
15. $\sim (p \Rightarrow (qYq \& qY \sim q))$ **A7, 14**
16. $\sim ((p \Rightarrow qYq) \& (p \Rightarrow qY \sim q))$ **A9, 15**

17. $(p \Rightarrow qYq) \supset \sim (p \Rightarrow qY \sim q)$ **16, PL**
18. $\sim (qYq \& \sim qY \sim q)$ **A2, A3, A4**
19. $\sim (p \Rightarrow (qYq \& \sim qY \sim q))$ **A7, 18**
20. $\sim ((p \Rightarrow qYq) \& (p \Rightarrow \sim qY \sim q))$ **A9, 19**
21. $(p \Rightarrow qYq) \supset \sim (p \Rightarrow \sim qY \sim q)$ **20, PL**
22. $(p \Rightarrow \sim qYq) \vee (p \Rightarrow qYq) \supset \sim ((p \Rightarrow$
 $\Rightarrow qY \sim q) \vee (p \Rightarrow \sim qY \sim q))$ **9, 13, 17, 21, PL**
23. $p \supset \sim q \supset . r \& p \supset \sim (r \& q)$ **PL**
24. $Gq \& ((p \Rightarrow \sim qYq) \vee (p \Rightarrow qYq)) \supset$
 $\supset \sim (Gq \& ((p \Rightarrow qY \sim q) \vee (p \Rightarrow \sim qY \sim q)))$ **23, 22**
25. $Hq \& ((p \Rightarrow \sim qYq) \vee (p \Rightarrow qYq)) \supset$
 $\supset \sim (Hq \& ((p \Rightarrow qY \sim q) \vee (p \Rightarrow \sim qY \sim q)))$ **23, 22**
26. $(Gq \& ((p \Rightarrow \sim qYq) \vee (p \Rightarrow qYq))) \vee$
 $\vee (Hq \& ((p \Rightarrow \sim qYq) \vee (p \Rightarrow qYq))) \supset$
 $\supset \sim ((Hq \& ((p \Rightarrow \sim qYq) \vee (p \Rightarrow qYq))) \vee$
 $\vee (Gq \& ((p \Rightarrow qY \sim q) \vee (p \Rightarrow \sim qY \sim q))))$ **4, 5, 24, 25, PL**
27. $G_u(p/q) \supset \sim H_u(p/q)$ **26, DG19, DH19.**

Из других возможных определений утилитарного добра и утилитарного зла упоминаются заслуживают определения

DG24. $G_u(p/q) =_{df} (Gq \supset . p \Rightarrow \Delta Yq) \vee (Hq \supset . p \Rightarrow \Delta Y \sim q),$

DH24. $H_u(p/q) =_{df} (Hq \supset . p \Rightarrow \Delta Yq) \vee (Gq \supset . p \Rightarrow \Delta Y \sim q),$

DG25. $G_u(p/q) =_{df} (Gq \supset . p \Rightarrow \Delta Yq) \& (Hq \supset . p \Rightarrow \Delta Y \sim q),$

DH25. $H_u(p/q) =_{df} (Hq \supset . p \Rightarrow \Delta Yq) \& (Gq \supset . p \Rightarrow \Delta Y \sim q).$

С помощью определений **DG24** и **DH24** или **DG25** и **DH25** могут быть доказаны, например, принципы

$$G_u(p/q) \& G_u(p/r) \supset G_u(p/q \& r),$$

$$H_u(p/q) \& H_u(p/r) \supset H_u(p/q \& r),$$

не являющиеся теоремами системы $G_u H_u$ — **D19**.

10. Следует обратить специальное внимание на то, что использованная для исследования определений **DG3**, **DH3**, **DG7**, **DH7** и **DG19**, **DH19** логика изменения (времени) не пригодна для анали-

за определений утилитарного добра и утилитарного зла, содержащих в определяющей части выражения

$$(p \Rightarrow \sim qYq) \& (p \Rightarrow qYq) \text{ и } (p \Rightarrow qY \sim q) \& (p \Rightarrow \sim qY \sim q),$$

т. е. определений **DG12**, **DH12**, **DG16**, **DH16**, **DG21**, **DH21** и т. п. Эти выражения эквивалентны соответственно формулам

$$p \Rightarrow (\sim qYq \& qYq) \text{ и } p \Rightarrow (qY \sim q \& \sim qY \sim q).$$

Входящие в эти формулы части

$$\sim qYq \& qYq \text{ и } qY \sim q \& \sim qY \sim q$$

являются, согласно принятой логике изменения, противоречивыми.

Очевидно, что используемые в утилитарных оценках обороты типа « q положительно ценно и p способствует наступлению и сохранению q » и « q отрицательно ценно и p препятствует наступлению и сохранению q » не являются противоречивыми. В них не утверждается, что p оказывает воздействие на противоречивое состояние $q \& \sim q$, превращая его в q или в $\sim q$.

Требуется, таким образом, модификация логики изменения, позволяющая использовать эту логику для исследования определений, подобных **DG12** и **DH12**. Эта модификация может состоять в принятии вместо аксиомы

$$(p \& q)Y(r \& s) \equiv pYr \& pYs \& qYr \& qYs$$

аксиом

$$(p \& q)Y(r \& s) \supset pYr \& pYs \& qYr \& qYs,$$

$$pYr \& qYr \supset ((p \& q) \vee pYq \vee qYp)Yr,$$

$$pYq \& pYr \supset pY((q \& r) \vee qYr \vee rYq),$$

$$pY(qYr) \equiv pYq \& pYr \& qYr.$$

На этом мы закончим обсуждение проблем, связанных с построением адекватной логической теории утилитарных оценок.

Глава 6 ОЦЕНКИ И НОРМЫ

1. Разногласия по поводу того, что является и что не является оценкой, очень велики.

Некоторые этики и философы склонны отказывать оценкам во всяком дескриптивном значении и резко противопоставлять их описательным утверждениям. Другие, напротив, сводят оценки к описаниям, не находя в оценках ничего такого, что отличало бы их от иных описаний.

Столь же разноречивы суждения и по вопросу о взаимных отношениях оценок и норм. Оценка иногда определяется как говорящая о том, что должно иметь место, и противопоставляется декларативу, описывающему, что имеет место. При этом в класс оценок оказываются включенными не только собственно оценки, но и нормы¹. В иных случаях оценки отождествляются с нормами или отдельные виды оценок объявляются идентичными с определенными видами норм².

Имются некоторые типы выражений, относительно которых особенно трудно определить, являются они оценками или же нормами. Таковы, в частности, так называемые *правила идеала*, говорящие о том, каким нечто должно, может или не должно быть. Примерами этих правил могут служить: «солдат должен быть храбрым», «ученый должен быть беспристрастным», «часы должны быть точными» и т. п.

Э. Гуссерль относит все выражения, говорящие о должном существовании, к оценкам: «... мы часто говорим и о должном существовании независимо от чьего-либо желания или хотения. Когда мы говорим: «воин должен быть храбрым», то это не значит, что мы или кто-то другой желаем или хотим, повелеваем или требуем этого; такого рода мнение скорее можно понимать так, что вообще, т. е. по отношению к каждому воину, правомерно соответствующее желание или требование; правда, и это не совсем верно,

¹ Нормы включаются в число оценок Е. Холлом [73, стр. 334], Р. Гартманом [81, стр. 165] и другими. Гартман называет, в частности, «должно быть» аксиологической связкой и заявляет, что «должно быть» эквивалентно отношению «лучше» и что « X должен быть C » эквивалентно «лучше для X быть C ».

² Р. Карнап утверждал, например, что различие между формулировками «убийство есть зло» и «не убивай!» является чисто стилистическим [44, стр. 25].

так как в сущности нет необходимости, чтобы здесь действительно была палица такая оценка какого-либо желания или требования. «Воин должен быть храбрым» означает только, что храбрый воин есть «хороший» воин, и при этом — так как предикаты «хороший» и «дурной» распределяют между собой объем понятия «воин» — подразумевается, что не храбрый воин есть «дурной» воин» [2, стр. 33]. И далее Гуссерль пишет: «Вообще мы можем считать тождественными или по меньшей мере равнозначными формы: «А должно быть В» и «А, которое не есть В, есть дурное А» или «только А, которое есть В, есть хорошее А». Термином «хороший» мы пользуемся здесь, разумеется, в самом широком смысле для обозначения всего ценного в каком бы то ни было отношении...» [там же, стр. 34].

Но, согласно Гуссерлю, оценочные суждения, говорящие о том, что должно или может быть, определенным образом связаны с нормативными суждениями: «Каждое нормативное суждение предполагает известного рода оценку (одобрение, признание), из которой вытекает понятие «хорошего» (ценного) в известном смысле или же «дурного» (лишенного ценности) в отношении известного класса объектов; сообразно с этим такие объекты распадутся на хорошие и дурные. Чтобы иметь возможность высказать нормативное суждение «воин должен быть храбрым», я должен иметь некоторое понятие о «хорошем» воине, и это понятие не может основываться на произвольном номинальном определении, а должно исходить из общей оценки, которая давала бы возможность признавать воинов — сообразно с теми или иными их свойствами — хорошими или дурными» [там же, стр. 35].

Оказывается, таким образом, что по мысли Гуссерля одно и то же предложение «воин должен быть храбрым» может выражать и оценочное, и нормативное суждение. При этом в тех случаях, когда оно выражает оценку, оно если и не влечет логически определенную норму, то во всяком случае обосновывает или оправдывает ее: «так как это оценивающее суждение «воин должен быть храбрым» верно, то прав всякий, кто требует от воина храбрости» [там же, стр. 33]. С другой стороны, выражая норму³, такое суждение предполагает одновременно оценку, является ее конкретизацией и вне ее не имеет смысла: «В связи с основным оценочным положением и определяемым им содержанием соответствующей пары предикатов ценности нормативным называется каждое суждение, в котором выражены какие-нибудь необходимые или достаточные условия (или необходимые и достаточные) для обладания подобным предикатом» [там же, стр. 36].

Г. фон Райтом [196, стр. 13—14] правила идеала, требующие, чтобы люди обладали определенными свойствами, или допускающие наличие у людей некоторых свойств, относятся к нормам. Он

³ Под нормой Гуссерль понимает требование в широком смысле, могущее иметь смысл даже в ситуации, когда нет не только того, кто требует, но и того, кому предъявляется данное требование.

отказывается, однако, от разрешения вопроса, следует ли утверждения, касающиеся должных и допустимых свойств таких вещей, как автомобили, часы, молотки и т. п., включать в класс правил идеала или же их надо рассматривать как суждения об отношениях средств к целям⁴. Фон Райт отмечает также особую близость всех правил идеала к оценкам: «Правила идеала тесно связаны с понятием добра. Свойства, о которых мы говорим, что ремесленник, администратор или судья должны обладать ими, являются характеристиками не каждого ремесленника, администратора или судьи, но только хорошего ремесленника, администратора или судьи» [196, стр. 14].

2. На наш взгляд, вопрос об оценочном или нормативном статусе правил идеала не имеет однозначного решения.

Те из этих правил, которые требуют наличия определенных свойств у вещей или позволяют вещам иметь некоторые свойства, должны быть отнесены к оценкам. Субъектом нормы всегда является человек и было бы неразумным расширять понятие нормы таким образом, чтобы в класс субъектов оказались включенными и сущности, отличные от людей.

Нормы обращены в будущее и имеют проектирующий характер. Субъектами норм не могут быть поэтому умершие люди. Выражения «часы должны быть точными», «жившие в прошлом ученые должны были быть беспристрастными» и т. п. являются оценками, а не нормами⁵.

В случаях, когда правила идеала говорят о свойствах реальных людей, невозможно по одному виду этих правил решить, выражают они оценки или же ими выражаются нормы. Когда мы говорим, что предложение «не убивай!» выражает норму, мы имеем в виду, что типичной функцией императивных предложений является выражение норм разных видов, и предполагаем, что в данном конкретном случае императив используется обычным образом (а не для выражения, скажем, совета, предостережения, оценки, напоминания об обещании не убивать или т. п.). Предложения

⁴ В работе [197, гл. 2] фон Райт относит правила идеала этого вида к инструментальным оценкам, определяющим, в какой мере та или иная вещь служит некоторой цели.

⁵ Направленность норм в будущее отставалась Л. Петражицким и Г. Кельзенем. Возражая им, М. Оссовская указывает, что нормы могут формулироваться как в настоящем времени, так и в прошлом и будущем. Норма «ученый должен быть беспристрастным» касается, по ее мнению, всех ученых, включая тех, которые были, и тех, которые будут [128, стр. 392]. Но если допускается, что предложение «жившие в прошлом ученые должны были быть беспристрастными» выражает норму, то возникает целый ряд вопросов, на которые невозможно ответить удовлетворительным образом. Кто является субъектом этой нормы? Вряд ли возможно предписывать ученым, которые уже умерли. И какое наказание может ждать этих ученых за нарушение такой нормы? И как сообщить им эту норму, если она не существовала или не обязывала в то время, когда они жили? Естественнее считать, что норма, обращенная в прошлое, становится оценкой, или, точнее говоря, что предложение, выражающее норму настоящего и будущего поведения, будучи распространено на прошлое (периформулировано в прошлом времени), выражает уже не норму, а оценку.

с глаголом «должен» (они называются обычно «деонтическими предложениями»⁶) не имеют ясно выраженной нормативной функции, они употребляются для выражения оценок столь же или почти столь же часто, как и для выражения норм. Поэтому при определении главной функции деонтического предложения мы не можем сослаться на его типичную или обычную функцию; нам нужно знание контекста, в котором было использовано это предложение.

Таким образом, предложения «солдат должен быть храбрым», «человек должен быть честным» и т. п. могут выражать как оценки, так и нормы. Иногда они могут даже выражать одновременно и то и другое, являясь конъюнкциями оценочного и нормативного утверждений. Возможны, сверх того, случаи, когда вообще нельзя определить, является ли главной функцией деонтического предложения оценивание или же оно является нормированием.

3. Кант утверждал, что «должен», употребленное в нормативном смысле, имплицитно «способен», т. е. что человек не может считаться обязанным выполнить определенное действие, если оно находится за пределами его способностей. Этот принцип Канта⁷ принято использовать для отличия обязывающих норм, т. е. норм, налагающих некоторые обязанности, от вещей, не являющихся нормами или являющихся только существующими, но не обязывающими нормами.

Допустим, что в некоторый нормативный кодекс вкралось по недосмотру законодателя противоречие: в кодексе оказались существующими две нормы, одна из которых требует выполнить определенное действие, а вторая предписывает воздержаться от его выполнения. Обе эти нормы существуют, т. е. они изложены в кодексе и предполагается, что за их нарушение последует наказание. Но эти нормы не являются обязывающими, так как никакой субъект не является способным выполнить и не выполнить одно и то же действие в одной и той же ситуации. Данные нормы не налагают на своего субъекта никакой обязанности.

Аналогично обстоит дело и в том случае, когда одной или несколькими нормами от субъекта требуется осуществление не ло-

⁶ К деонтическим предложениям относятся также предложения с «может» и «не должен».

⁷ Данный принцип обычно называется «кантовским». Различные его формулировки встречаются, однако, и у предшествовавших Канту авторов. В «Опытах» М. Монтеня описывается, в частности, следующий случай. Граф Эгмонт говорил своему товарищу графу Горна отдать в руки герцогу Альбе, уверив Горна в безопасности этого шага. После того, как герцог Альба принял решение казнить обоих пленников, граф Эгмонт настойчиво домогался умереть первым; он хотел, чтобы смерть сняла с него обязательство, которым он связал себя по отношению к графу Горну. Монтень замечает в связи с этим, что в этом случае обязательство не имело никакой силы, даже если бы принявший его на себя и не умерал. «Мы не можем отвечать за то, что сверх наших сил и возможностей. И поскольку последствия и даже само выполнение обещания вне нашей власти и распоряжения, строго говоря, мы можем лишь своей волей, эта последняя по необходимости и является той основой и тем мерилом, которое позволяет определить, что есть долг человека» [20, т. I, стр. 37—38] (курсив наш. — А. И.).

гически, а физически невозможного действия (например, создание вечного двигателя).

Кажется, однако, что предлагаемый принципом Канта критерий отличия норм от того, что не является ими, и в частности от оценок, не всегда достаточно эффективен. «Люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего», «любите врагов ваших, благословляйте проклинаящих вас и т. п.» — что выражается этими предложениями, нормы или оценки? Любовь и ненависть иногда находятся в пределах способностей человека, но гораздо чаще выходят за сферу контролируемого человеческой волей. Кроме того, разные люди с разным успехом регулируют свои чувства. Нормы же обычно игнорируют индивидуальные различия; вещи, столь сугубо индивидуальные, как любовь и ненависть, сложно поэтому сделать предметом нормирования. Типичные нормы касаются физических действий, а не чувств человека. Кажется, таким образом, что приведенные предложения не могут выражать нормы, а выражают оценки.

Но можно рассуждать и иначе. Указанными выражениями не требуется действие, прямо выходящее за пределы человеческих способностей. В них идет речь не о немедленном придании нужного направления чувствам, а о постепенной трансформации этих чувств, о постоянном и контролируемом волей преобразовании их с целью неуклонного приближения к должному направлению и предписываемой интенсивности. Иными словами, в «люби ближнего твоего» говорится о необходимости такой любви к ближнему, на которую способен данный конкретный человек, и требуется, сверх того, чтобы он на протяжении всей своей жизни вел себя таким образом, чтобы возростала его способность любви к ближнему⁸. Правовые и сходные с ними нормы требуют выполнения физических действий или допускают осуществление таких действий; эти нормы не могут касаться человеческих чувств, мыслей и желаний. Можно, однако, предполагать, что моральные и сходные с ними нормы, являясь более тонкими регуляторами человеческого поведения, способны вторгаться в наиболее интимные стороны

⁸ Сходным образом рассуждал Д. Мур, придававший важное значение различию между моральными правилами, касающимися действий, и моральными правилами, требующими определенных чувств, мыслей и желаний. Он утверждал, что моральное «должен» употребляется в двух разных смыслах: в одном — долженствование имплицитно способно, в другом — нет. Значение первого «должен» может быть выражено утверждением, что «я должен был сделать то-то и то-то» означает «действительно моим долгом было выполнение этого». Значение второго «должен» выражимо с помощью утверждения, что, например, «я не должен был иметь такие-то чувства» означает не «моим долгом было избежание этих чувств», но «моим долгом было бы избежание данных чувств, если бы я был способен на это». В соответствии с этими двумя значениями «должен» Мур различал два вида моральных правил, выражаемых обычно одинаково, но означающих в действительности очень разные вещи. Правила одного вида он называл «правилами долга», правила другого — «правилами идеала» [12]. Он не утверждал, однако, что правила идеала относятся к нормам, а говорил более осторожно о «моральных правилах».

человеческой жизни и способны делать объектами нормирования не только внешние, но и внутренние действия, не только физическую, но и психическую деятельность. Ограничение правовых норм кругом внешних действий существенным образом связано с определенностью и внешним характером предусмотренных за их нарушение наказаний. Санкции за несоблюдение моральных норм более многообразны и менее определены. Это позволяет данным нормам быть приложимыми и к тем сторонам человеческого поведения, которых не могут касаться правовые нормы. Допуская большие модификации в своих приложениях, моральные нормы способны иметь своим предметом человека не только как среднего члена общества, но и как ни с кем другим не отождествимого индивида.

Оба приведенных способа рассуждения имеют определенные основания и трудно отдать предпочтение какому-либо одному из них. Трудно, иными словами, решить, имеем ли мы дело в случае некоторых правил идеала с нормами или же с оценками.

4. Еще одним примером выражений, в случае которых трудно решить, являются они нормами или оценками, могут служить так называемые целевые нормы. Они говорят о том, что должно, может или не должно быть сделано для достижения определенного результата. Их следует отличать от утверждений о каузальных связях, о необходимых и достаточных условиях наступления чего-то, с одной стороны, и от условных или гипотетических норм, с другой. Пример целевой нормы: «если вы хотите, чтобы в комнате было тепло, держите окно закрытым»; пример утверждения о каузальной связи: «открытое окно достаточно для того, чтобы в комнате было холодно»; пример гипотетической нормы: «закрывайте окно всякий раз, когда в комнате становится холодно». Гипотетические нормы говорят о том, что должно, может или не должно быть сделано в некоторых обстоятельствах, указываемых в формулировке нормы. Для отличия гипотетических норм от целевых можно воспользоваться тем, что вторые могут выражаться не только предложениями с «если, то», но и предложениями с «потому, что» и «так как». Целевую норму «если вы не хотите опоздать, то выходите сейчас же» можно выразить также с помощью предложения «выходите сейчас же, так как вы не хотите опоздать»; но выражение гипотетической нормы «если идет дождь, то закройте окно» предложением «закройте окно, потому что идет дождь» не является полным. Согласно исходной гипотетической норме окно должно быть закрыто не просто потому, что идет дождь, но и потому, что существует норма, связывающая закрытие окна с дождем. Ослованием, в силу которого должна выполняться целевая норма, является желание достижения определенного результата; основанием следования гипотетической норме является само существование этой нормы.

Общая форма целевой нормы: «если вы хотите *A*, вы должны сделать *B*».

Являются целевые нормы нормами или же они выражают в действительности оценки? Чем отличаются целевые нормы от утверждений, устанавливающих каузальную связь двух состояний?

С. Халлден относит выражения типа «если вы хотите сделать *A*, то вы должны сделать *B*» к оценкам [77, стр. 307]. Г. фон Райтом они включаются в класс норм, говорящих о средствах, нужных для достижения определенной цели. Однако предложения, выражающие такие нормы, не являются, по мнению фон Райта, ни дескриптивными, ни прескриптивными [197, стр. 10].

Мы отнесли (см. гл. 5) так называемые целевые нормы к оценкам на том основании, что в этих нормах, в отличие от простых каузальных утверждений, идет речь не только о существовании причинной связи между двумя состояниями, но и о желательности одного из этих состояний.

5. Мы рассматриваем сравнительно подробно проблему проведения различия между нормами и оценками в силу того, что соблюдение этого различия, недопущение смешения оценок и норм является важным с точки зрения логического анализа взаимных отношений оценок и норм. Независимо от того, утверждается ли, что оценки никогда не влекут нормы или что из норм никогда не следуют оценки, или же утверждается, что случаи следования оценок из норм, или наоборот, имеют место, установление точного значения этих утверждений предполагает проведение достаточно ясных разграничительных линий между оценками и нормами.

Сталкиваясь с предложениями «*X* должен сделать *A*» и «*X* не должен делать *A*», мы не можем сказать, принимая во внимание только их форму, что именно находится в конфликте: две нормы, две оценки или же норма и оценка. Раскрытие содержания этих высказываний может привести к одной из следующих четырех пар: «*X* обязан сделать *A*» и «*X* обязан сделать не-*A*»; «было бы хорошо, если бы *X* сделал *A*» и «было бы хорошо, если бы *X* сделал не-*A*»; «*X* обязан сделать *A*» и «было бы хорошо, если бы *X* сделал не-*A*»; «было бы хорошо, если бы *X* сделал *A*» и «*X* обязан сделать не-*A*».

Обязанности сделать *A* и сделать не-*A* противоречат друг другу. Согласно одному из основных законов логики норм невозможно, чтобы один и тот же субъект был обязан выполнить как некоторое действие, так и его отрицание; символически

$$\sim (Op \& O \sim p).$$

В предложениях, составляющих вторую пару, утверждается, что как выполнение *A*, так и воздержание от выполнения этого действия является добром. Согласно одному из основных законов логики добра некоторое действие и действие, противоположное ему, не могут оба быть хорошими; символически

$$\sim (Gp \& G \sim p).$$

Члены второй пары оказываются также противоречащими друг другу, но здесь имеет место противоречие оценок, а не норм.

Противоречат ли друг другу члены третьей и четвертой пар? Ясно, что независимо от того, будет ли ответ на этот вопрос утвердительным или отрицательным, он не будет зависеть от ответов на первые два вопроса о противоречивости двух норм и о противоречивости двух оценок. Мы имеем три разных вопроса, и нет оснований заранее предполагать, что ответы на все эти вопросы окажутся одинаковыми или зависящими друг от друга.

6. Нормативное рассуждение и оценочное рассуждение являются видами или формами практического рассуждения. Логическая теория нормативного рассуждения, известная под именем деонтической логики, исследует выводы, посылаками которых являются нормы или нормы в комбинации с некоторыми фактическими утверждениями. Логическая теория оценочного рассуждения изучает выводы, посылаками которых являются оценки. Она должна, вероятно, заниматься и теми умозаключениями, посылаками которых являются оценки в комбинации с некоторыми фактическими утверждениями.

В практическом рассуждении нередки случаи, когда в числе посылок фигурируют не только нормы и описательные предложения или оценки и описательные предложения, но и нормы в комбинации с оценками и некоторыми описаниями фактической ситуации. Философы морали зачастую обосновывают одну норму при помощи другой нормы и некоторой оценки. Пример такого обоснования, приводимый Оссовской в [128, стр. 144—145]: при помощи общей нормы, согласно которой в каждой ситуации мы должны выполнять наилучшее действие, и оценки некоторого действия *A* как являющегося наилучшим из возможных в данных условиях обосновывается норма, в соответствии с которой в настоящей ситуации следует сделать *A*. Из оценки *A* как дурного действия и общей нормы, запрещающей совершать дурные действия, может быть выведена, как утверждает Оссовская, норма, говорящая, что не следует лгать.

Некоторые этики, основываясь отчасти именно на возможности выведения одних норм из других при помощи оценок, предлагали особые общие или исходные нормы, из которых могли бы, по их мнению, быть получены указанным способом все иные нормы. В качестве таких норм назывались, например, такие: «следует выбирать наилучшую из всех достижимых вещей», «следует делать добро и избегать зла».

Можно предположить, что из посылок, содержащих оценки и нормы, могут следовать не только нормы, но и оценки (мы имеем в виду, конечно, не выводы типа «из *A* и *B* следует *A*», где *A* — оценка, а *B* — норма).

Приведенные примеры показывают, что логическая теория практического рассуждения должна содержать раздел, в котором

исследовались бы формальные отношения между оценками и нормами.

Мы рассмотрим один из типов этих отношений, а именно имплицитное отношение оценок чисто нормативным посылакам и норм чисто оценочным посылакам. При этом будет предполагаться, что нормы и оценки, являющиеся антецедентами и консеквентами, относятся к моральным нормам и оценкам. Причина этого ограничения обязанностей моральными обязанностями (моральным долгом) и ценностей моральным добром состоит в том, что, на наш взгляд, связь норм и оценок существенно различна для разных видов норм и оценок. В силу этого выводы о характере этой связи, сделанные применительно к нормам и оценкам одного вида, не могут быть распространены на нормы и оценки иных видов. Сопоставим для примера моральные нормы и оценки с правовыми.

Наиболее важные этические понятия можно разделить на две группы: оценочные и нормативные. К оценочным относятся такие понятия, как «добро», «зло», «порок», «добродетель» и т. п.; к нормативным — «долг», «обязанность» и т. п. Принято считать, что в основе системы правовых норм всегда лежит некоторая система оценок. Но можно ли говорить, что основные правовые понятия делятся на нормативные и оценочные, подобно тому, как они делятся в этике? Что соответствует «доброе» в области права? И если утверждается, что добро влечет долг, то как это утверждение можно интерпретировать в терминах собственно правовых понятий?

Далее, существуют этические понятия, находящиеся как бы между указанными двумя группами понятий и имеющие как нормативный, предписывающий, так и оценочный оттенок. Таковы, например, играющие важную роль в этике понятия «правильное» и «ошибочное». В области права эти понятия мало употребительны, широко используемое здесь понятие «право» является явно нормативным.

Эти и другие соображения⁹ заставляют нас ограничиться взаимоотношениями между моральными оценочными и нормативными понятиями и не распространять полученные выводы на другие области.

7. От проблемы, как нормы и оценки логически связаны друг с другом, надо отличать широко обсуждавшуюся в этике проблему: что является более фундаментальным — оценки или нормы. Иногда различие между главными типами этических теорий проводится в соответствии с тем, какой ответ предлагается данной теорией на вопрос о «большей фундаментальности». Под этикой ценностей понимается при этом взгляд, согласно которому оценки

⁹ В частности то, что моральный долг и моральное добро более очевидным образом связаны друг с другом, чем, скажем, правовая обязанность и соответствующая ей оценка, и то, что отношения между долгом и добром в области морали исследованы несколько лучше, чем в иных областях.

являются более фундаментальными, а нормы каким-то образом извлекаются из оценок или устанавливаются на их основе. Под этикой долга понимается взгляд, утверждающий долг в качестве основной идеи. Этический учения Д. Мура и Ф. Брентано являются этиками ценностей, этика Канта есть этика долга.

Что именно понимается при таком противопоставлении этики долга этике ценностей — это не всегда легко понять. Мур определяет этику как общее исследование того, что есть добро. Сторонников деонтологической этики (Причард, Росс, Брод) интересует, в отличие от Мура, не проблема моральной оценки, морального добра, а проблема моральной обязанности. Различия не исчерпываются, однако, этой разницей подходов или интересов; сама эта разница нередко обосновывается ссылками на определенное, не зависящее от симпатий и антипатий исследователя отношение между нормами и оценками.

В [121, стр. 312—313] Мур обсуждает вопрос, какая из двух идей, идея долга или идея ошибочности, является более фундаментальной. Он полагает, что если считать идею ошибочного (*wrong*) более фундаментальной, то естественно утверждать, что идея долга должна быть определена в ее терминах. Например, утверждение «выполнение обещаний является моим долгом» следовало бы истолковывать при этом просто как означающее «было бы ошибочным для меня не выполнять своих обещаний», а утверждение «не лгать — это мой долг» означало бы то же самое, что и «было бы ошибочным для меня говорить ложь». Другой отмечаемый Муром возможный подход состоит в заявлении, что «долг» является более фундаментальным понятием и «ошибочное» должно быть определено в его терминах. Мыслим и третий подход, согласно которому «должное» и «ошибочное» являются в равной мере фундаментальными и могут быть определены в терминах друг друга.

Мы хотим заранее подчеркнуть, что последующее обсуждение логических отношений норм и оценок и, в частности, обсуждение определительности одних этических понятий в терминах других, не имеет отношения к вопросу о «большей фундаментальности» одних этических идей в сравнении с другими.

8. В нескольких последующих разделах будут рассмотрены концептуальные этические схемы, устанавливающие логические связи между центральными этическими понятиями. Эти схемы основываются на анализе значений таких понятий, как «добро», «зло», «долг», «правильное», «ошибочное», «извинимое», «предосудительное» и т. д.

Два основных требования, предъявляемых к этим схемам, таковы: (а) исключать логически невозможные принципы, касающиеся связей указанных понятий, и принципы, несовместимые с обычным употреблением этих понятий в языке морали и этике; (б) быть настолько общими, чтобы содержать в качестве одного из своих ограничений всякую теорию отношений основных этиче-

ских понятий, предлагаемую конкретной этической системой, не порывающей с обычным употреблением этих понятий.

Начнем с концептуальных схем, предложенных А. Мейнонгом и Р. Чизомом.

Согласно Мейнонгу¹⁰ каждое действие, не являющееся морально безразличным, может быть подведено под одну из следующих четырех категорий: оно может быть названо или похвальным, или требуемым, или предосудительным (извинимым), или непростительным¹¹. Мейнонг полагает, что эти четыре понятия (похвальное, требуемое, извинимое и непростительное) определенным образом связаны с тем, что является добром и что является злом. Он предлагает два тезиса для характеристики этой связи: (1) все, являющееся похвальным или требуемым, является добром; все, являющееся извинимым или непростительным, есть зло; (2) похвальное лучше, чем требуемое; требуемое лучше, чем извинимое; извинимое лучше, чем непростительное.

Мейнонг предлагает также следующий «закон воздержания»: в случае любого действия *A*, выполнение *A* похвально, если и только если воздержание от *A* извинимо; воздержание от *A* похвально, если и только если выполнение *A* извинимо; выполнение *A* является требуемым, если и только если непростительно воздержание от *A*; воздержание от *A* является требуемым, если и только если непростительно выполнение *A*.

В своих двух тезисах Мейнонг связывает понятия похвального, требуемого, извинимого и непростительного с абсолютными и сравнительными моральными оценками. Знание того, к какой из данных четырех категорий относится некоторое конкретное действие, позволяет указать, является это действие добром или же оно является злом, т. е. абсолютная моральная ценность каждого действия определяется однозначно категорией, к которой оно относится (безразличное действие — это действие, не подпадающее ни под одну из указанных категорий; оно также таково, что не является ни добром, ни злом). Знание того, к каким двум разным категориям из четырех относятся два действия, позволяет сказать, какое из этих действий является лучшим.

Эквивалентности, указываемые Мейнонгом в «законе воздержания», можно рассматривать как определение требуемого и непростительного, похвального и извинимого в терминах друг друга.

Будем, как и ранее, обозначать «добро» буквой *G* и «зло» буквой *H*. В качестве символов для «выполнения действия»

¹⁰ Рассматриваемая здесь концептуальная схема предложена А. Мейнонгом в [114]. Нами она излагается по работе Р. Чизома [48]; с усовершенствованиями, внесенными в схему Мейнонга Е. Шварцем, мы знакомы также только по указанной работе Чизома.

¹¹ Терминами самого Мейнонга являются соответственно: *das Verdienstliche*, *das Correcte*, *das Zulässige*, *das Verwerfliche*. Е. Шварц вместо *verwerflich* использует *unzulässig*.

и «воздержания от действия» будем использовать буквы d и f соответственно. Выражение dp представляет, таким образом, предложение, описывающее выполнение действия p , т. е. действия, реализующего ситуацию, описываемую предложением p . Выражение Gdp представляет предложение, выражающее оценку действия p как являющегося добром. Hdp может читаться как «выполнение действия p является злом», Hfp — «воздержание от выполнения действия p есть зло». Под «добром» и «злом» мы понимаем, как указывалось ранее, «моральное добро» и «моральное зло» соответственно. В качестве символа для «моральной обязанности» («морального долга») будем использовать букву D . Формула Ddp может читаться как «должно быть выполнено действие p », Dfp — «следует воздержаться от действия p ». Выражение Dd представляет «позитивный долг», или «долг сделать», называемый нами также «обязанностью». Выражение Df представляет «негативный долг», или «долг воздержаться», который будет называться также «запрещением». Можно ввести также специальный символ для запрещения: пусть Fdp означает запрещение выполнять действие p , а Ffp — запрещение воздерживаться от действия p .

Введем также особые символы для обозначения «похвального» и «извинимого»: S и C . Sdp может читаться как «похвально выполнение действия p », Sfp — «похвально воздержание от действия p », Cdp — «извинимо выполнение действия p » и Cfp — «извинимо воздержание от действия p ».

В дальнейшем нам придется использовать также символы R для «правильного» и W для «ошибочного». Rdp может читаться как «правильно выполнение действия p », или «выполнение действия p является правильным», Wfp — «ошибочно воздержание от действия p ». Символ I будет обозначать, как и ранее, «безразличие», B будет представлять «лучше, чем».

Фразы, используемые для прочтения символических выражений, употребляются нами в смыслах, которые особо оговариваются. Обычно эти технические смыслы довольно близки обычным смыслам этих фраз или смыслам этих фраз в обычном языке.

Используя указанную символику и принимая, что требуемое и непростительное в смысле Мейнонга обозначают соответственно то же самое, что и должное (обязательное) и запрещенное, мы можем так представить символически утверждения Мейнонга:

$$(1) Sdp \vee Ddp \supset Gdp,$$

$$Sfp \vee Dfp \supset Gfp,$$

$$Cdp \vee Fdp \supset Hdp,$$

$$Cfp \vee Ffp \supset Hfp;$$

$$(2) Sdp \& Ddq \supset dpBdq,$$

$$Sfp \& Dfq \supset fpBfq,$$

$$Ddp \& Cdq \supset dpBdq,$$

$$Dfp \& Cfq \supset fpBfq,$$

$$Cdp \& Fdq \supset dpBdq,$$

$$Cfp \& Ffq \supset fpBfq;$$

«закон воздержания»:

$$Sdp \equiv Cfp,$$

$$Sfp \equiv Cdp,$$

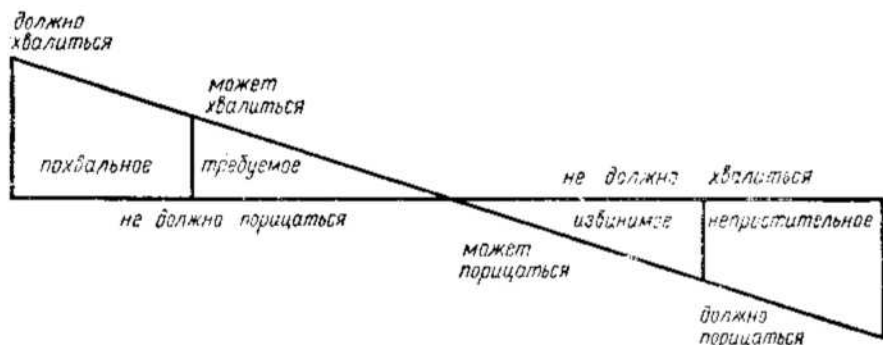
$$Ddp \equiv Ffp,$$

$$Dfp \equiv Fdp.$$

Последние два тезиса являются обычными утверждениями логики норм, нет смысла поэтому останавливаться на них особо. Приемлемость остальных тезисов Мейнонга будет рассматриваться далее.

9. Е. Шварцем¹² было предложено интересное усовершенствование концептуальной схемы Мейнонга. Шварц полагает, что четыре термина Мейнонга могут быть определены в терминах «похвалы» и «порицания» и тем самым формально связаны друг с другом таким образом: похвальное есть то, что должно хвалиться и не может порицаться; требуемое есть то, что может хвалиться и не может порицаться; извинимое есть то, что не может хвалиться и может порицаться; непростительное есть то, что не может хвалиться и должно порицаться. Шварц иллюстрирует свое предложение специальной схемой, которая может рассматриваться как альтернатива для квадрата противоположностей, связывающего обязательное, разрешенное, запрещенное и не являющееся обязательным. В этой схеме область над горизонтальной линией представляет добро, область под нею — зло; диагональ отражает указанное Мейнонгом размещение четырех типов действий в зависимости от того, какое из них лучше или хуже; точка пересечения диагонали с горизонтальной линией представляет действия, являющиеся морально безразличными (эти действия не могут ни порицаться, ни хвалиться).

¹² См. [159].

10. Насколько успешными являются предложенные Шварцем определения похвального, требуемого, извинимого и непростительного в терминах оценочных понятий? Обсуждение приемлемости этих определений может идти по двум линиям. Можно рассмотреть возможность получения в рамках логики оценок, в терминах, которой определяются указанные четыре понятия, тех утверждений о связях этих понятий, которые считает истинными Мейнонг. Иными словами, можно задаться вопросом, является ли адекватным предложенный Шварцем «перевод» тезисов Мейнонга в формулы логики оценок. Если окажется, что некоторые из этих тезисов, будучи «переведены» таким образом, потребуют для своего доказательства в качестве теорем логики оценок неприемлемых утверждений о формальных свойствах добра и зла, то нужно будет признать, что «перевод» Шварца не является адекватным. Можно, с другой стороны, распространить на утверждения о связях рассматриваемых четырех понятий — в представлении этих связей в терминах Шварца — критику, приложимую к утверждениям об этих же связях, принимаемым Мейнонгом.

Для реализации первой из этих возможностей нам потребуется особая символика. Шварц определяет похвальное, требуемое и т. д. не просто в терминах «похвалы» и «порицания», но в терминах «должной похвалы», «возможной (позволяющей) похвалы», «испозволяющего порицания» и т. п. Для символического представления последних понятий потребуется комбинирование операторов логики норм и логики оценок. Пусть DGr представляет утверждение, что должно быть выполнено действие, квалифицирующее действие, реализующее ситуацию p , как добро, или, короче, утверждение «действие p должно хвалиться». Сходным образом «действие p может хвалиться» можно представить символически как PGp , «действие p не может порицаться» как $\sim PHp$, «действие p не может хвалиться» как $\sim PGp$ и т. д. Определения Шварца можно придать в случае таких соглашений следующую форму:

$$\begin{aligned} Sp &=_{df} DGr \& \sim PHp, & Cp &=_{df} PHp \& \sim PGp, \\ Dp &=_{df} PGp \& \sim PHp, & Fp &=_{df} DHp \& \sim PGp. \end{aligned}$$

В тезисах Мейнонга фигурирует понятие «лучше, чем». В терминах Шварца оно может быть определено так:

$$pBq =_{df} (DGr \& PGq) \vee (PGp \& PHq) \vee (PHp \& DHq) \vee (DGr \& PHq) \vee (DGr \& DHq) \vee (FGp \& DHq).$$

Мейнонг говорит о выполнении действия и воздержании от действия, Шварц говорит просто о действии. Примем соглашение, что в символике, призванной передать утверждения Шварца, переменная p означает «выполнение действия, реализующего состояние, описываемое предложением p », а $\sim p$ означает воздержание от такого действия. Тезисы Мейнонга о превосходстве одного действия над другим в «перевод» Шварца имеют такой вид:

$$\begin{aligned} DGr \& \sim PHp \& FGq \& \sim PHq \supset (DGr \& PGq) \vee (PGp \& PHq) \vee \\ & \vee (PHp \& DHq) \vee (DGr \& PHq) \vee (DGr \& DHq) \vee (PGp \& DHq), \\ PH \sim p \& \sim PG \sim p \& DH \sim q \& \sim FG \sim q \supset (DG \sim p \& PG \sim q) \vee \\ & \vee (PG \sim p \& PH \sim q) \vee (PH \sim p \& DH \sim q) \vee (DG \sim p \& PH \sim q) \vee \\ & \vee (DG \sim p \& DH \sim q) \vee (PG \sim p \& DH \sim q) \end{aligned}$$

и т. п. Последние формулы являются теоремами пропозиционального исчисления (точнее: результатами подстановок выражений, подобных DGr , PHq и т. д., вместо пропозициональных переменных).

Тезис Мейнонга

$$Ddp \equiv Ffp$$

в терминах Шварца имеет вид:

$$PGp \& \sim PHp \equiv DH \sim p \& \sim PG \sim p,$$

« p может хвалиться и не может порицаться, если и только если $\sim p$ не может хвалиться и должно порицаться». Мы не будем пытаться развить логическую теорию выражений типа PGp , DHq и т. п., а будем лишь ссылаться на то, что могло бы быть теоремой такой теории и что не могло бы быть ею. В частности, импликация

$$PGp \& \sim PHp \supset DH \sim p,$$

«если p может хвалиться и не может порицаться, то должно порицаться $\sim p$ », не является приемлемой для более или менее обычного смысла слов «хвалиться», «порицаться», «может» и «должно». А без нее не доказуема формула

$$PGp \& \sim PHp \equiv DH \sim p \& \sim PG \sim p.$$

Таким образом, одно из наиболее очевидных утверждений Мейнонга, что «требуется выполнить действие p » означает то же

самое, что и «непростительно воздержание от действия p », оказывается неприемлемым, если оно представляется в терминах Шварца.

Тезис Мейнонга

$$Sdp \equiv Cfp$$

в «переводе» Шварца имеет вид

$$DGp \& \sim PHp \equiv PH \sim p \& \sim PG \sim p.$$

Импликация

$$DGp \supset \sim PG \sim p,$$

«если должно хвалиться p , то не может хвалиться $не-p$ », кажется приемлемой, так как согласно одному из законов логики добра p и $не-p$ не могут являться добром вместе. Менее очевидны импликация

$$PH \sim p \& \sim PG \sim p \supset DGp,$$

«если $не-p$ может порицаться и не может хвалиться, то должно хвалиться p », и импликация

$$PH \sim p \& \sim PG \sim p \supset \sim PHp,$$

«если $не-p$ может порицаться и не может хвалиться, то не может порицаться p ».

Таким образом, утверждения Мейнонга, будучи переформулированы в терминах должных, возможных и невозможных похвал и порицаний, становятся менее очевидными, чем они были в первоначальной формулировке.

Можно было бы попытаться избежать использования в записях определений Шварца терминов «должно» и «может». Допустим, что «должно», как это понятие употребляется Шварцем, означает наличие достаточного условия. «Должно хвалиться действие p » является в этом случае сокращенной формой выражения «выполнение действия p является достаточным условием для похвалы p (похвалы субъекта, сделавшего p)». И допустим, что «может» означает отсутствие достаточных условий для наступления противоположного тому, возможность чего утверждается. «Может хвалиться действие p » является в случае такого допущения сокращенной формой выражения «отсутствуют достаточные условия, которые позволяли бы сказать, что действие p не является похвальным». Наличие и отсутствие (логически) достаточного условия можно выразить с помощью импликации и ее отрицания. Пусть в соответствии со сказанным импликация

$$p \supset Gp$$

представляет выражение «должно хвалиться p »,

$$\sim (p \supset \sim Gp)$$

— «может хвалиться p »,

$$p \supset \sim Gp$$

— «не может хвалиться p »,

$$p \supset Hp$$

— «должно порицаться p »,

$$\sim (p \supset \sim Hp)$$

— «может порицаться p » и

$$p \supset \sim Hp$$

— «не может порицаться p ».

В таком случае определения S , D , C и F в терминах должных и возможных похвал и порицаний принимают вид

$$Sp =_{df} (p \supset Gp) \& (p \supset \sim Hp), \quad Cp =_{df} (p \supset \sim Gp) \& \sim (p \supset \sim Hp),$$

$$Dp =_{df} \sim (p \supset \sim Gp) \& (p \supset \sim Hp), \quad Fp =_{df} (p \supset \sim Gp) \& (p \supset Hp).$$

Используемая в этих определениях импликация не является материальной импликацией. В обычном пропозициональном исчислении формула $\sim (p \supset \sim q)$ влечет формулу $(p \supset q)$, в соответствии с чем оказалось бы, что $\sim (p \supset \sim Gp)$, «может хвалиться p », влечет $p \supset Gp$, «должно хвалиться p ». Естественно предположить, однако, что связь между «может хвалиться» и «должно хвалиться» является как раз противоположной: второе влечет первое, но не наоборот. Это наводит на мысль, что в основании логики оценок, к которой могли бы быть присоединены приведенные определения S , D , C и F , должна лежать не теория материальной импликации, а теория коннексивной импликации. Для последней верно $p \supset q \supset \sim (p \supset \sim q)$, но неверно $\sim (p \supset \sim q) \supset p \supset q$.

Мы не будем исследовать логику оценок, основанную на исчислении коннексивной импликации, а ограничимся замечаниями о том, что не могло бы быть теоремой такой логики.

Формула

$$Dp \equiv F \sim p$$

в случае определения D и F в терминах добра, зла и достаточного условия имеет вид

$$\sim (p \supset \sim Gp) \& (p \supset \sim Hp) \equiv (\sim p \supset \sim G \sim p) \& (\sim p \supset H \sim p).$$

Импликация

$$\sim (p \supset \sim Gp) \& (p \supset \sim Hp) \supset (\sim p \supset H \sim p)$$

определенно является чрезмерно сильным утверждением о связи похвал и порицаний. Согласно ей, если выполнение действия p

является достаточным условием для отсутствия порицания и вместе с тем не является таким условием для отсутствия похвалы, то невыполнение действия p есть достаточное условие для порицания. Сходным образом обстоит дело и в случае таких формул, как

$$(\sim p \supset \sim G \sim p) \& \sim (\sim p \supset \sim H \sim p) \supset .p \supset Gr,$$

$$(p \supset Gr) \& (p \supset \sim Hp) \supset \sim (\sim p \supset \sim H \sim p)$$

и т. п.

Таким образом, и в случае второго возможного истолкования должной и т. п. похвалы и должного и т. п. порицания утверждения Мейнонга, будучи истолкованы в терминах Шварца, становятся менее очевидными.

II. Вернемся, однако, к схеме Мейнонга. На наш взгляд, ни один из трех утверждаемых им тезисов о связях S , C , D и F не может быть принят.

Если выполнение некоторого действия является добром, то оно является или долгом, или поступком, выходящим за рамки долга, т. е. тем, что мы называем похвальным. Символически:

$$Gdp \supset Sdp \vee Ddp,$$

соответственно в случае воздержания от действия:

$$Gfp \supset Sfp \vee Dfp.$$

Сходным образом, если выполнение некоторого действия является злом, то выполнять это действие или запрещено, или предосудительно:

$$Hdp \supset Cdp \vee Fdp,$$

и в случае воздержания:

$$Hfp \supset Cfp \vee Ffp.$$

Но обратные импликации не могут быть приняты без того, чтобы не уменьшить существенно общность предлагаемой схемы. Если действие похвально, то оно является добром. Но если выполнение действия является долгом, то из этого еще не следует, что оно является добром. Не все то, что есть должное, есть одновременно и хорошее. Аналогично в случае запрещенного и плохого: не все запрещенное является злом уже в силу того, что оно запрещено. Мейнонг принимает, что не всякое добро есть предмет позитивного долга и не всякое зло есть предмет негативного долга. Следует принять также, что не все должное является добром и не все запрещенное является злом. Иными словами, для того, чтобы концептуальная схема была достаточно общей, надо отвергнуть не только тезисы

$$Gr \supset Dp,$$

$$Hp \supset Fp,$$

но и тезисы

$$Dp \supset Gr,$$

$$Fp \supset Hp.$$

Схема Мейнонга не является в достаточной степени общей; мы получим ее далее путем наложения ограничений на некоторую более общую схему.

Но коль скоро допускается, что возможны не только хорошие действия, не являющиеся вместе с тем должными, и плохие действия, не являющиеся уже в силу этого запрещенными, но возможны также должные и вместе с тем не являющиеся хорошими действия и запрещенные и вместе с тем не являющиеся плохими действия, то встает вопрос о характере безразличных действий. С одной стороны, безразличное действие определяется как такое действие, которое не является ни обязательным, ни запрещенным. С другой стороны, под безразличными действиями понимаются действия, не являющиеся ни хорошими, ни плохими. Первое из этих пониманий безразличного можно назвать нормативным (I_n), второе — оценочным (I_v).

Определения I_n и I_v :

$$I_n p =_{df} \sim Dp \& \sim Fp, \quad I_v p =_{df} \sim Gr \& \sim Hp.$$

Если принимаются тезисы

$$Dp \supset Gr,$$

$$Fp \supset Hp,$$

то можно доказать, что оценочно безразличное влечет нормативно безразличное:

$$(Dp \supset Gr) \& (Fp \supset Hp) \supset .(Dp \vee Fp) \supset (Gr \vee Hp),$$

$$Dp \vee Fp \supset Gr \vee Hp,$$

$$\sim (Gr \vee Hp) \supset \sim (Dp \vee Fp),$$

$$\sim Gr \& \sim Hp \supset \sim Dp \& \sim Fp,$$

$$I_v p \supset I_n p$$

(предполагается, что указанные тезисы присоединяются к обычному пропозициональному исчислению). В этом случае можно сказать, что обычное в языке этики выражение «морально безразличное» означает не являющееся ни добром, ни злом, т. е. оценочно безразличное, так как если действие является оценочно безразличным, то оно в силу этого есть уже нормативно безразличное.

Но если допускается, что не все должное есть добро и не все запрещенное есть зло (или принимается хотя бы одно из

этих положений), то ни I_{np} не влечет I_p , ни I_p не влечет I_{np} . Выражение «морально безразличное» оказывается обозначающим разные вещи в разных контекстах.

С вопросом о том, что представляет собой используемое в схеме Мейнонга понятие «морально безразличное действие», связан вопрос о положении, которое должны занимать в концептуальной схеме понятия «правильное» и «ошибочное». Мейнонг не устанавливает связей этих двух понятий с «похвальным», «требуемым» и т. п., и в этом отношении его схема неполна. В терминах правильного и ошибочного может быть определено понятие безразличия: безразличное есть то, что не является ни правильным, ни ошибочным.

Не может быть принято, далее, утверждение, что похвальное всегда лучше должного. Не совсем верно, однако, было бы считать тезис Мейнонга о том, что похвальное лучше требуемого, ошибочным. Под похвальным он понимает различные героические поступки. Мы же понимаем под похвальным все поступки, являющиеся добром и вместе с тем не предписываемые долгом. Очевидно, что похвальное в смысле Мейнонга будет похвальным и в нашем смысле, но не наоборот. Нет оснований ограничивать похвальное героическим или выделять в рамках похвального героическое и просто похвальное. Но если так, то утверждение о превосходстве похвального над должным не может быть принято. Сходным образом обстоит дело и в случае запрещенного и предосудительного. Пустяковое благодеяние ничуть не лучше героизма, проявленного при выполнении долга, и нарушение незначительного запрещения может быть лучшим, чем выполнение кем-то очень плохого, но тем не менее не запрещенного действия (см. [48, стр. 8]). Это возражение относится и к предложению Шварца. То, что должно цениться, очевидно, лучше того, что только может цениться, и то, что может порицаться, лучше того, что должно порицаться. В силу этого похвальное, определяемое как то, что должно хвалиться и не может порицаться, оказывается всегда лучшим, чем требуемое, определяемое как то, что может цениться и не должно порицаться. Не всегда похвальное лучше требуемого и не всегда предосудительное лучше непростительного.

Обратимся, далее, к «закону воздержания» Мейнонга, а именно к той его части, в которой похвальное связывается с предосудительным. Быть похвальным, как говорилось ранее, означает примерно то же, что и быть добром и вместе с тем не быть долгом, т. е. быть недолжным добром. Предосудительное — это примерно то же, что является злом, не являясь одновременно запрещенным, т. е. это незапрещенное зло. (Мы говорим в данном случае о «примерных» значениях этих двух понятий, имея в виду то, что более точные их определения будут даны далее в рамках системы, связывающей добро и долг.) Символически эти утверждения можно представить так:

$$Sdp \equiv DpGdp \& \sim Ddp, \quad Cdp \equiv DpHdp \& \sim Fdp,$$

$$Sfp \equiv DpGfp \& \sim Dfp, \quad Cfp \equiv DpHfp \& \sim Ffp.$$

В случае таких определений тезисы

$$Sdp \equiv Cfp,$$

$$Sfp \equiv Cdp$$

Мейнонга выражают то же самое, что и эквивалентности

$$(1) Gdp \& \sim Ddp \equiv Hfp \& \sim Ffp,$$

$$(2) Gfp \& \sim Dfp \equiv Hdp \& \sim Fdp.$$

Вопрос о приемлемости

$$Sdp \equiv Cfp,$$

$$Sfp \equiv Cdp$$

сводится, таким образом, к вопросу о приемлемости указанных двух более длинных эквивалентностей (1) и (2).

Выражение Ffp согласно логике норм и согласно самому Мейнонгу эквивалентно Ddp . Используя этот факт и тезис пропозиционального исчисления $p \& \sim r \supset q \& \sim r \supset p \& \sim q \supset r$, нетрудно получить из эквивалентности (1) формулу

$$Gdp \& \sim Hfp \supset Ddp,$$

«если выполнение действия p является добром и воздержание от этого действия не является злом, то данное действие должно быть выполнено». Последнее утверждение не согласуется с интуициями, касающимися добра, зла и долга. Оно плохо согласуется также с другими принимаемыми Мейнонгом положениями. По мысли Мейнонга, Ddp влечет Gdp , но не наоборот, следовательно, конъюнкт $\sim Hfp$ является существенным для получения Ddp . Но из $\sim Hfp$ можно вывести лишь $\sim Ffp$, но не Ddp . Аналогичная ситуация имеет место и в случае эквивалентности (2).

В силу импликации $p \equiv q \supset p \& r \equiv q \& r$ достаточным условием доказуемости эквивалентности (1) является доказуемость эквивалентности

$$Gdp \equiv Hfp,$$

и соответственно доказуемость

$$Gfp \equiv Hdp$$

является достаточным условием доказуемости эквивалентности (2). Но эти условия не являются необходимыми. В случае некоторых форм добра Gp означает то же самое, что и $H \sim p$, но было бы ошибочным утверждать, что это справедливо для каждой формы добра.

12. Рассмотрим, далее, концептуальную схему для этики, предложенную Р. Чизомом [48]¹³. Основная идея подхода Чизома к описанию связей между основными понятиями этики состоит в принятии утверждения, что при обсуждении этических характеристик некоторого действия должен приниматься во внимание моральный статус не только выполнения этого действия, но и его невыполнения. Понятиями, в терминах которых определяются все иные понятия этики, являются понятия добра и зла или хвального и порицаемого. Чизом допускает, что понятия этих пар взаимно несовместимы, т. е. контрарны, но не контрэдикторны. Ничто не может быть одновременно добром и злом, но если что-то не является добром, то это еще не означает, что оно есть зло, точно так же, как если нечто не есть зло, то из этого еще не следует, что оно есть добро. Понятия добра и зла интерпретируются им как приложимые именно к действиям, а не к агентам, выполняющим эти действия, и не к следствиям данных действий. Всякое действие таково, что или было бы хорошо, если бы оно было сделано, или было бы плохо, если бы оно было сделано, или, наконец, не было бы ни хорошо, ни плохо, если бы данное действие было сделано. «Добро» и «зло» приложимы не только к выполнению действий, но и к воздержаниям от действий, в соответствии с чем последние также делятся на хорошие, плохие и безразличные. Условием адекватности классификации моральных понятий Чизом считает удовлетворение требования, чтобы приложение «добра» или «зла» к выполнению действия было логически независимым от приложения этих терминов к невыполнению, и наоборот. «Было бы хорошо (добром), если бы было сделано *A*» не должно имплицировать «было бы плохо (злом), если бы не было сделано *A*» и «было бы плохо не делать *A*» не должно имплицировать «было бы хорошо сделать *A*».

Чизом следующим образом определяет понятия обязательного, запрещенного, превышающего требования долга и предосудительного действия.

Действие является обязательным, или должным, если было бы добром выполнение его и злом невыполнение.

Действие является запрещенным, если было бы злом сделать его и добром не делать его.

Из этих определений и указанных свойств добра и зла следует, что выполнение действия обязательно, если и только если невыполнение его запрещено, и невыполнение обязательно, если и только если выполнение этого действия запрещено.

Действие, выполнение которого превышает требования долга, является таким, что было бы добром, если бы оно было сделано, и не было бы ни добром, ни злом, если бы оно не было выполнено. Действие, невыполнение которого превышает требова-

ние долга, таково, что было бы добром, если бы оно не было сделано, и не было бы ни добром, ни злом, если бы оно было сделано.

Действие, выполнение которого предосудительно, есть действие, которое было бы злом сделать и не было бы ни добром, ни злом не делать. Действие, воздержание от которого предосудительно, таково, что было бы злом не делать его и не было бы ни добром, ни злом выполнение его.

Чизом вводит также понятие полностью безразличного действия (*totally indifferent act*). Как выполнение, так и невыполнение такого действия не являются ни добром, ни злом. Разрешенное действие определяется им обычным образом как действие, не являющееся запрещенным, необязательное действие — как действие, не являющееся обязательным. В соответствии с этими определениями как выполнение, так и опущение предосудительного действия являются разрешенными, и как выполнение, так и опущение действия, превышающего требование долга, не являются требуемыми, или должными.

Остаются еще две возможности: действия, как выполнение, так и невыполнение которых является добром, и действия, как выполнение, так и невыполнение которых является злом. Действия первого из этих типов называются Чизомом полностью превышающими требования долга (*totally supererogatory*), второго — полностью предосудительными (*totally offensive*).

Таким образом, для определения морального статуса любого частного действия следует решить два вопроса: является ли выполнение данного действия добром, злом или ни добром, ни злом, и является ли его невыполнение добром, злом или ни тем, ни другим. Зная значение выполнения и невыполнения данного действия, можно по описанной схеме определить моральную характеристику этого действия.

Прибегнув к описанным ранее средствам символизации, можно представить определения, данные Чизомом, в таком виде:

$$Ddp = D_1Gdp \& Hfp, \quad Fdp = D_1Hdp \& Gfp,$$

$$Dfp = D_1Gfp \& Hdp, \quad Ffp = D_1Hfp \& Gdp,$$

$$Sdp = D_1Gdp \& \sim Gfp \& \sim Hfp,$$

$$Sfp = D_1Gfp \& \sim Gdp \& \sim Hdp,$$

$$Cdp = D_1Hdp \& \sim Gfp \& \sim Hfp,$$

$$Cfp = D_1Hfp \& \sim Gdp \& \sim Hdp.$$

«Полностью безразличное» будем обозначать буквой *I*, «полностью превышающее требование долга» буквой *S*, «полностью предосудительное» буквой *C*.

$$Ip = D_1 \sim Gdp \& \sim Gfp \& \sim Hdp \& \sim Hfp.$$

¹³ Обсуждению проблем, связанных с этой схемой, посвящены также работы [49], [50], [173].

Взаимоотношения рассматриваемых понятий можно представить с помощью следующей компактной таблицы:

	<i>Gfp</i>	<i>Hfp</i>	<i>Gfp & ~ Hfp</i>
<i>Gdp</i>	<i>Sp</i>	<i>Ddp</i>	<i>Sdp</i>
<i>Hdp</i>	<i>Fdp</i>	<i>Cp</i>	<i>Cdp</i>
<i>~ Gdp & ~ Hdp</i>	<i>Sfp</i>	<i>Cfp</i>	<i>Ip</i>

Чизом отмечает возможность использования развитой им схемы взаимоотношений этических понятий для классификации моральных систем.

Наиболее богатой была бы моральная система, допускающая существование действий всех девяти типов. В наиболее бедной системе могло бы утверждаться, что не существует ни один из этих типов действий, т. е. что все действия, если они существуют, таковы, что им не может быть приписана ни одна из следующих девяти характеристик: *Sp*, *Ddp*, *Sdp*, *Fdp*, *Cp*, *Cdp*, *Sfp*, *Cfp* и *Ip*. Такую систему вряд ли можно было бы назвать моральной (по мысли Чизома, о детерминизме можно сказать, что он подразумевает «моральную» систему этого типа). Согласно нигилистической морали всякое действие может быть только полностью безразличным. Согласно строгому утилитаризму, предполагающему, что в случае любого действия выполнение его обязательно, если оно лучше невыполнения, и запрещено, если невыполнение лучше выполнения, всякое действие может иметь только одну из следующих характеристик: *Sp*, *Fdp*, *Ip*, *Ddp*, *Cp*. Более строгая моральная система могла бы требовать, чтобы каждое действие классифицировалось или как обязательное, или как запрещенное. Наиболее естественно думать, полагает Чизом, что можно найти примеры действий каждой из категорий, исключая, возможно, только *Sp*- и *Cp*-действия; такой взгляд, допускающий как разрешенные дурные действия, так и не являющиеся обязательными хорошие действия, можно было бы назвать «взглядом терпимого человека». Так как для каждого действия имеется 9 возможностей, перечень возможных моральных систем мог бы быть продолжен до 512.

13. Основная неадекватность концептуальной схемы Чизома состоит в определении нормативных моральных понятий в терминах оценочных моральных понятий. Можно принять, что каждое действие является или добром, или злом, или не является ни тем, ни другим, т. е. каждое действие имеет или положительную

моральную ценность, или отрицательную, или не имеет ни той, ни другой ценности, являясь оценочно безразличным. Но этим еще не предопределяется нормативный статус действия. В большинстве случаев для определения нормативного характера человеческих действий недостаточно знать оценочный характер выполнения этих действий. Если выполнение действия является добром, то из этого еще ничего не следует относительно обязательности этого действия. Не всякое моральное добро требует своей реализации. Оно может стоять над долгом в качестве идеала, к которому следует стремиться, но осуществление которого не является настоятельной обязанностью; оно может быть также просто нормативно безразличным. Единственное, что можно с определенностью сказать о действии, являющемся добром, это то, что оно не запрещено, т. е. позволительно в моральном смысле. Иными словами, приемлем тезис

$$Gdp \supset Ddp \vee I_p, \text{ т. е.}$$

$$Gdp \supset Ddp \vee \sim Fdp,$$

но не приемлем тезис

$$Gdp \supset Ddp.$$

Неясны основания, в силу которых Чизом находит возможным принять последний тезис в случае усиления его антецедента утверждением, что воздержание от выполнения действия *p* является злом, т. е. отвергает импликацию

$$Gdp \supset Ddp,$$

находит возможным принять импликацию

$$Hfp \& Gdp \supset Ddp.$$

Аналогично обстоит дело и с принятием такого тезиса, как

$$Gfp \& Hdp \supset Dfp.$$

Далеко не во всякой этической системе допускается, что определение оценочного статуса выполнения некоторого действия и воздержания от этого действия является достаточным условием для определения нормативного статуса данного действия. Тем более недопустима возможность такого определения в концептуальной схеме, претендующей на достаточную общность, схеме, наложением ограничений на которую могла бы быть получена всякая конкретная этическая схема.

Указание оценочного характера действия не только не является достаточным условием для определения нормативного

характера данного действия, но не является и необходимым условием такого определения. Принятие импликаций

$$Ddp \supset Gdp \& Hfp,$$

$$Dfp \supset Gfp \& Hdp$$

существенно снижает общность схемы Чизома. Ни одна этическая система, допускающая возможность существования действий, являющихся должными, но не являющихся добром, не может рассматриваться в рамках схемы, предполагающей истинным утверждение, что все должное является по самой своей природе добром. Это возражение высказывалось нами и в связи со схемой Мойнонга. Ссылка на то, что этическая система, допускающая должные и не являющиеся добрыми вещи, была бы неестественной и имела бы малый интерес, в данном случае не исправляет положения. В задачи логики не входит отделение естественных этических или вообще моральных систем от неестественных, интересных от неинтересных. Конструируемая концептуальная схема должна основываться не на обсуждении приемлемости и неприемлемости систем морали, а на анализе значений основных понятий, используемых в моральном рассуждении. И она должна быть настолько общей, чтобы, модифицируя ее, можно было бы получать теории взаимоотношений между этими понятиями, характерные для всех моральных систем, не порывающих с обычными смыслами этих понятий.

В «Системе этики» Л. Нельсон выдвигает следующий «принцип морального ригоризма»: хотя действие, противоположное долгу (аморальное действие) имеет отрицательную ценность, обратное не имеет места; должному (моральному) действию не приписывается никакая позитивная ценность. В принятой нами терминологии этот принцип означает, что принимаются утверждения

$$Fdp \supset Hdp$$

и

$$Ffp \supset Hfp,$$

но отвергаются утверждения

$$Ddp \supset Gdp$$

и

$$Dfp \supset Gfp.$$

Нельсон выводит этот принцип из представления о моральном законе как ограничении, налагаемом на свободу человека действовать так, как он желает [123, стр. 42 и далее].

Можно было бы не согласиться с ним и заявить, что моральный закон не только ограничивает, т. е. указывает, чего не следует делать, но осуществляет также позитивную регулировку деятельности человека, указывая, иногда во всяком случае, что

следует ему делать. Можно было бы, далее, сослаться на то, что характеристика морального закона как запрещающего ни о чем не говорит, так как Fd (запрещение выполнять) есть то же самое, что и $\bar{D}f$ (долг воздержаться), и Ff есть то же самое, что и Dd . Но это несогласие и эта ссылка ничего в принципе не меняют. Система, содержащая принципы, подобные «принципу морального ригоризма» Нельсона, должна укладываться в рамки общей концептуальной схемы. И то, что таким принципам не находится места среди моральных принципов, признаваемых нами, не означает, конечно, что они являются логически невозможными и не могут быть получены в качестве следствий ограничения некоторой непротиворечивой схемы.

Пример с принципом Нельсона показывает не только то, что следует допустить возможность действий, являющихся должными, но не являющихся добром, но также то, что характеристика взаимоотношений между добром и злом должна позволять проводить различие между случаями, когда воздержание от действия есть зло, но выполнение этого действия не является добром, и случаями, в которых выполнение действия является злом, но воздержание от него не является добром. Короче говоря, импликация

$$Hdp \supset Gfp$$

и

$$Hfp \supset Gdp$$

не должны приниматься в исходной системе отношений этических понятий. В противном случае система Нельсона не могла бы быть уложена в рамки общей схемы. Согласно ему, истинны утверждения:

$$Fdp \supset Hdp$$

и

$$Ffp \supset Hfp.$$

Но Fdp эквивалентно Dfp и Ffp эквивалентно Ddp . В силу этого истинными должны быть признаны также утверждения

$$Dfp \supset Hdp$$

и

$$Ddp \supset Hfp,$$

и если Hdp влечет Gfp и Hfp влечет Gdp , то должны быть приняты также утверждения

$$Dfp \supset Gfp$$

и

$$Ddp \supset Gdp.$$

Позиция Нельсона не могла бы, таким образом, быть адекватно описанной в терминах системы, принимающей

$$Hdp \supset Gfp$$

и

$$Hfp \supset Gdp,$$

так как он принимает, что противоположное долгу есть зло, но отвергает, что должное есть добро.

Возможна в общем случае и такая точка зрения, когда принимается, что все должное есть добро, но противоположному долгу (запрещенному) не приписывается отрицательная моральная ценность. Оценочный оттенок запрещенного является, конечно, несколько более ясным, чем оценочный оттенок должного. Но решить, в самом ли деле это так, может лишь этическая система, а не логика.

Мы приходим, таким образом, к выводу, что концептуальная схема, предложенная Чизомом, не является достаточно общей. Подобно схеме Мейпонга, она исключает возможность не приносящих добра должных действий и возможность не приносящих зла запрещенных действий. Она недостаточно обща еще и в том отношении, что ею предполагается, что каждая моральная система может быть сформулирована исключительно в терминах добра и зла. Возможность такой формулировки в случае любой моральной системы сомнительна.

Дело не в том, что мы отвергаем утверждение, согласно которому добро и зло являются более фундаментальными идеями, чем обязанность и запрещение, и принимаем вместо него противоположное положение, что вторая пара понятий более фундаментальна, чем первая, или положение, что добро и зло, с одной стороны, и обязанность и запрещение, с другой, являются в равной мере фундаментальными. Мы вообще не имеем дела с фундаментальностью каких-либо идей, если под «более или менее фундаментальным» понимается то, что обычно понимается под этими понятиями в работах по этике.

Один пример уместен в этой связи. Л. Нельсон в упоминавшейся ранее работе ставит в неравное положение обязанность и запрещение. По его мнению, основывающемся на анализе природы или сущности моральных явлений, запрещение «более фундаментально» или оно более ясно выражает ограничивающий характер моральных норм. Формулировка этих норм в виде запрещающих, а не в виде обязывающих является в соответствии с этим более адекватной. Мы же утверждаем, что запрещение означает то же самое, что и обязательность, а именно: запрещение воздержаться есть то же самое, что и обязанность сделать, а запрещение сделать есть то же, что и обязанность воздержаться. Тем не менее между нашим утверждением и утверждением Нельсона нет никакого противоречия. Различие позиций состоит лишь в природе тех абстракций, к которым мы прибегаем. Если обя-

занность воздержаться означает то же самое, что и запрещение сделать, то из этого еще не следует, что во всяком контексте запрещение предполагает все то, что предполагает соответствующая ему обязанность, и с его помощью достигаются те же результаты, что и посредством связанной с ним обязанности. Одну и ту же норму можно сформулировать различными способами. Например, норме, предписывающей помогать ближнему, можно дать одну из следующих формулировок: «помогайте ближнему», «вы должны помогать ближнему», «вам необходимо помогать ближнему», «недопустимо не помогать ближнему», и т. п. Все эти предложения выражают одну и ту же норму, но каждое из них может предполагать или выражать и нечто отличное от того, что предполагается или выражается другими предложениями.

Схема Чизома не является, далее, полной. В этом она опять-таки сходна со схемой Мейпонга. И в той, и в другой не находят места понятия правильного и ошибочного. В дальнейшем мы получим обе эти схемы в качестве частных случаев более общей и более полной схемы.

14. Предлагаемая нами схема взаимоотношений между основными моральными понятиями будет иметь форму аксиоматического построения (система **OG**). Оно будет содержать три группы аксиом. Первая группа дает характеристику логическим свойствам добра и зла, вторая характеризует логические свойства долга, третья связывает добро и зло с долгом.

Аксиомы **OG**:

$$A1. Gdp \supset \sim Gfp,$$

$$A2. G(dp \& dq) \equiv Gdp \& Gdq,$$

$$A3. Hdp \supset \sim Hfp,$$

$$A4. H(dp \& dq) \equiv Hdp \& Hdq,$$

$$A5. Gdp \supset \sim Hdp,$$

$$A6. Ddp \supset \sim Dfp,$$

$$A7. D(dp \& dq) \equiv Ddp \& Ddq,$$

$$A8. Gdp \supset \sim Dfp,$$

$$A9. Hdp \supset \sim Ddp.$$

Правила вывода:

(R1) вместо пропозициональной переменной может быть подставлена (на места всех вхождений этой переменной) правильно построенная формула пропозиционального исчисления;

(R2) правило отделения;

(R3) правило экстенциональности: если $\vdash A \equiv B$ и C получается из D заменой одного или более вхождений A в D вхождениями B в D и $\vdash D$, то $\vdash C \equiv D$;

(R4) если $\vdash A$ и B получается из A заменой вхождений d в A вхождениями f в A и вхождений f в A вхождениями d в A , то $\vdash B$;

(R5) формула, полученная из тавтологии пропозиционального исчисления заменой вхождений пропозициональных переменных вхождениями правильно построенных формул системы **OG**, является теоремой **OG**.

Предполагаемым нитым правилом определение правильно построенной формулы **OG** не должно позволять такой формуле содержать вхождения немодализированных пропозициональных переменных, т. е. переменных, не находящихся в сфере действия одного из операторов G, H, D . Оно не должно позволять также повторение этих операторов или нахождение их в сфере действия друг друга. Формулы

$$Gdp \& q, Gdp \& fq, G(Gdp \& Dfp), GDfp, GGdp$$

и т. п. не являются, таким образом, правильно построенными.

Система **OG** предполагает не просто пропозициональное исчисление, но пропозициональное исчисление, расширенное подходами аксиомами для d и f ; иными словами, ее основанием является логика действия.

Многие сложные вопросы взаимоотношений между долгом и добром, в частности вопросы, связанные с взаимоотношениями похвального и предосудительного, не могут быть успешно решены без предварительного анализа понятий действия и воздержания, точнее, понятий выполнения действия (d) и воздержания от действия или его невыполнения (f). Мы не будем, однако, останавливаться на вещах, обсуждение которых требует предварительного уточнения взаимоотношений между выполнением и невыполнением действия. Поэтому нет необходимости усложнять предлагаемое построение введением в него одной из систем логики действия. Для наших целей достаточно принятия правила (R4) и некоторых указываемых далее теорем логики действия.

В терминах долга могут быть обычным образом определены различные иные нормативные понятия: «разрешенное», «запрещенное», «безразличное» и т. п. Например:

$$Fdp =_{Df} Dfp,$$

$$Ffp =_{Df} Ddp,$$

$$Pdp =_{Df} \sim Dfp,$$

$$I_n dp =_{Df} \sim Ddp \& \sim Dfp,$$

$$I_n fp =_{Df} \sim Dfp \& \sim Ddp.$$

Очевидно, что нормативное безразличие к выполнению действия есть то же самое, что и нормативное безразличие к воздержанию от этого действия.

В терминах добра и зла определимо понятие оценочно безразличного:

$$I_o dp =_{Df} \sim Gdp \& \sim Hdp,$$

$$I_o fp =_{Df} \sim Gfp \& \sim Hfp.$$

Оценочное безразличие к выполнению действия не является, в рамках системы **OG**, тем же, что и оценочное безразличие к воздержанию от действия. Эти понятия обозначают одно и то же только в рамках системы, в которой доказуема эквивалентность

$$Gdp \equiv Hfp.$$

В самом деле, необходимым условием доказуемости импликации

$$\sim Gdp \& \sim Hdp \supset \sim Gfp \& \sim Hfp$$

является доказуемость импликации

$$Gdp \vee Hdp \supset Gfp \vee Hfp,$$

а необходимым условием доказуемости последней является доказуемость импликаций

$$Gdp \supset Gfp \vee Hfp,$$

$$Hdp \supset Gfp \vee Hfp.$$

Так как в **OG** — и, значит, во всех расширениях этой системы — имеют место теоремы

$$Gdp \supset \sim Gfp,$$

$$Hdp \supset \sim Hfp,$$

то необходимым условием доказуемости двух указанных импликаций является доказуемость

$$Gdp \supset Hfp,$$

$$Hdp \supset Gfp.$$

Сходное рассуждение показывает, что необходимым условием доказуемости импликации

$$\sim Gfp \& \sim Hfp \supset \sim Gdp \& \sim Hdp$$

является доказуемость

$$Hfp \supset Gdp,$$

$$Gfp \supset Hdp.$$

Ранее упоминалось понятие полного безразличия или понятие полностью безразличного. Ему может быть дано такое определение в терминах оценочно и нормативно безразличного:

$$I_p =_{Df} I_o dp \& I_o fp \& I_n p,$$

здесь $I_n p$ представляет $I_n d p$ или $I_n f p$, или и то и другое вместе, так как $I_n d p$ есть то же самое, что и $I_n f p$. Используя определения $I_n d p$, $I_n f p$ и $I_n p$, получаем следующее определение

$$I p =_{Df} \sim G d p \& \sim H d p \& \sim G f p \& \sim H f p \& \sim D d p \& \sim F d p.$$

Наше понятие полностью безразличного совпадает с соответствующим понятием Чизома в случае, если вслед за ним D и F определяются в терминах G и H :

$$D d p =_{Df} G d p \& H f p,$$

$$F d p =_{Df} H d p \& G f p,$$

$$I p =_{Df} \sim G d p \& \sim H d p \& \sim G f p \& \sim H f p \& (\sim G d p \vee \sim H f p) \& (\sim H d p \vee \sim G f p),$$

отсюда по $p \& q \& r \& s \& (p \vee q) \& (r \vee s) \equiv p \& q \& r \& s$ получаем

$$I p =_{Df} \sim G d p \& \sim H d p \& \sim G f p \& \sim H f p.$$

Можно было бы сказать, что аксиомы **A8** и **A9** дают негативную характеристику отношению добра и зла к должному, и наоборот. Они говорят о том, каким не является выполнение действия или воздержание от него в случае, когда оно обладает определенной позитивной характеристикой. Аксиома **A8** утверждает, что если выполнение действия является добром, то невыполнение этого действия не является долгом. Другими словами, отношение между моральным добром и моральным долгом согласно **A8** таково, что добро не может быть запрещенным:

$$\sim (G d p \& F d p),$$

$$\sim (G f p \& F f p).$$

В соответствии с **A9** моральное зло не может быть морально обязательным:

$$\sim (H d p \& D d p),$$

$$\sim (H f p \& D f p).$$

Кажется, что в этих аксиомах находят выражение достаточно очевидные свойства взаимной связи трех рассматриваемых моральных понятий.

Из **A8** и **A9** с помощью пропозиционального исчисления выводятся теоремы:

$$F d p \supset \sim G d p,$$

$$D d p \supset \sim H d p,$$

$$F f p \supset \sim G f p,$$

$$D f p \supset \sim H f p.$$

Они утверждают, что являющееся предметом негативного морального долга не является добром, и то, что является предметом позитивного морального долга, не есть зло. Дальнейшие теоремы, доказуемые с помощью **A8** и **A9**:

$$G d p \supset \sim D f p,$$

$$H d p \supset \sim F f p,$$

$$D d p \supset \sim G f p,$$

$$D f p \supset \sim G d p,$$

$$H f p \supset \sim D f p,$$

$$D f p \supset \sim G d p \& \sim H f p,$$

$$D d p \supset \sim G f p \& \sim H d p,$$

$$F f p \supset \sim G f p \& \sim H d p,$$

$$F d p \supset \sim G d p \& \sim H f p,$$

$$G d p \vee H f p \supset \sim D f p,$$

$$G d p \& H f p \supset \sim D f p,$$

$$G f p \& H d p \supset \sim D d p$$

и т. д.

15. Несомненно больший интерес представляет позитивная характеристика логических отношений добра и зла к долгу, и наоборот, т. е. характеристика, говорящая о том, каким является оценочный (нормативный) статус данного действия в случае, когда это действие имеет определенный нормативный (оценочный) статус. Мы уже говорили в начале этой главы о том, что попытки дать такую характеристику наталкиваются на серьезные трудности.

Признается обычно, что моральный долг имеет достаточно ясный оценочный оттенок. Часто также отмечается, что негативный моральный долг имеет более ясную оценочную окраску, чем позитивный. Отмечается, с другой стороны, что оценочные моральные понятия являются нормативными в своей сущности или по самой своей природе. Нередки также попытки определения морального долга в терминах морального добра и зла или наоборот. Однако точная природа связи основных моральных понятий пока не ясна.

Мы не претендуем на решение этого вопроса. Предлагаемые далее позитивные расширения системы **OG** призваны указать возможные пути его решения и следствия, связанные с принятием того или иного решения. Иначе говоря, эти расширения являются обзором возможностей или схемой, палочные ограничения на которую позволяет отбросить все варианты, кроме одного или не-

многих, связанных между собой вариантов. Какие отношения между «добром», «долгом» и «злом» являются возможными, а какие невозможны, определяется смыслами, вкладываемыми в эти понятия в моральном рассуждении. В силу этого обзор возможностей есть предмет концептуального или логического анализа. Селекция возможностей определяется обычно соображениями о природе морали, о ее связях с иными областями жизни и т. п. Такая селекция не будет интересовать нас.

Предлагаемые шестнадцать расширений системы **OG** систематизируются следующей таблицей:

OG1	$Ddp \supset Gdp \vee Hfp$	$Gdp \& Hfp \supset Ddp$	OG2	I
OG3 OG5	$Ddp \& Hfp \supset Gdp$ $Ddp \& Gdp \supset Hfp$	$Gdp \supset Ddp \vee Hfp$ $Hfp \supset Ddp \vee Gdp$	OG4 OG6	II
OG7 OG9	$Ddp \supset Gdp$ $Ddp \supset Hfp$	$Gdp \supset Ddp$ $Hfp \supset Ddp$	OG8 OG10	III
OG11	$Ddp \supset Gdp \& Hfp$	$Gdp \vee Hfp \supset Ddp$	OG12	IV
OG13 OG15	$Ddp \vee Hfp \supset Gdp$ $Ddp \vee Gdp \supset Hfp$	$Gdp \supset Ddp \& Hfp$ $Hfp \supset Gdp \& Ddp$	OG14 OG16	V

В двух центральных колонках указаны формулы, присоединяемые к **OG** в качестве аксиом. Рядом с каждой формулой стоит наименование системы, получаемой в результате добавления данной формулы к **OG**. Если присоединяется к **OG** более чем одна формула, то наименование результирующей системы легко получается путем соединения наименований более простых систем. Например, объединение систем **OG7** и **OG8**, т. е. добавление к **OG** формул

$$Ddp \supset Gdp,$$

$$Gdp \supset Ddp,$$

дает систему **OG 7—8** и т. д.

Нечетные **OG**-системы предлагают перечень тех смыслов, в которых моральный долг имеет оценочную окраску. Мы не утверждаем, однако, что нами перечислены здесь все те смыслы, которые могут вкладываться во фразы «моральный долг является не только нормативным, но и оценочным понятием», «моральный долг предполагает оценку» и т. п. в моральном рассуждении. Мы не утверждаем также, что нами перечислены все те смыслы из общей совокупности смыслов, вкладываемых в указанные и им подобные фразы, которые могут быть выражены средствами используемого нами формализованного языка.

Выражение $Ddp \supset Gdp \vee Hfp$ утверждает, что если выполнение действия является предметом морального долга, то или является добром выполнение этого действия или злом воздержание от него. Более сильные идеи выражаются формулами

$$Ddp \supset Gdp,$$

«если выполнение действия p является моральным долгом, то выполнение этого действия является моральным добром», и

$$Ddp \supset Hfp,$$

«если должно быть в силу морали выполнено действие p , то воздержание от этого действия есть моральное зло». В **OG1**, **OG7**, **OG9** и **OG11** из нормативных утверждений могут следовать оценочные утверждения, нормы влекут здесь оценки. В **OG3**, **OG5**, **OG13** и **OG15** нормативные утверждения в комбинации с оценочными утверждениями влекут оценочные утверждения. Относительно **OG13** и **OG15** можно также сказать, что здесь из норм вытекают оценки, так как

$$Ddp \vee Hfp \supset Gdp$$

влечет

$$Ddp \supset Gdp,$$

а

$$Ddp \vee Gdp \supset Hfp$$

влечет

$$Ddp \supset Hfp.$$

Четные **OG**-системы предлагают перечень смыслов, вкладываемых в утверждение, что моральные добро и зло являются по своей природе нормативными понятиями, или что они предполагают нормы, или что они влекут нормы и т. п.

Мы опять-таки не претендуем на полноту обзора тех смыслов, которые обычно вкладываются во фразы, подобные «моральное добро (зло) предполагает моральный долг». Формула

$$Gdp \& Hfp \supset Ddp$$

утверждает, что если является добром выполнение некоторого действия и злом воздержание от него, то выполнение этого действия является моральным долгом. Более сильные идеи выражаются формулами

$$Gdp \supset Ddp,$$

«если выполнение действия является моральным добром, то оно является моральным долгом», и

$$Hfp \supset Ddp.$$

В **OG2**, **OG8**, **OG10** и **OG12** из оценочных утверждений могут следовать нормативные, оценки влекут здесь нормы. В **OG4**, **OG6**, **OG14** и **OG16** оценочные утверждения влекут комбинации оценочных утверждений с нормативными. Относительно **OG14** и **OG16** можно сказать также, что из оценок здесь вытекают нормы, так как

$$Gdp \supset Ddp \& Hfp$$

дает

$$Gdp \supset Ddp$$

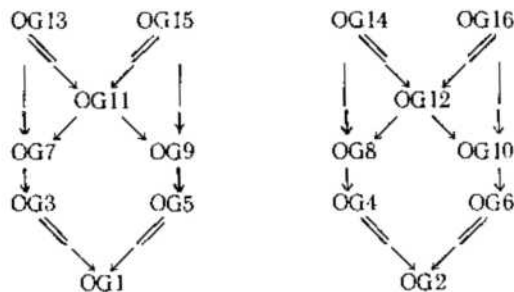
и

$$Hfp \supset Gdp \& Ddp$$

дает

$$Hfp \supset Ddp.$$

Дедуктивные отношения между нечетными (их можно назвать также «нормативными») расширениями **OG** и дедуктивные отношения между четными (их можно назвать также «оценочными») расширениями **OG** можно представить с помощью следующих двух схем:

Одинарная стрелка означает здесь, что система, расположенная у ее основания, содержит все теоремы, доказуемые в системе, расположенной у острия стрелки, и некоторые теоремы сверх того. Двойная стрелка означает, что система, получаемая объединением двух систем, от которых отходят двойные стрелки, содержит все теоремы системы, на которую эти стрелки обращены своими остриями, и сверх того еще некоторые теоремы. Например, **OG15** содержит все теоремы **OG9**, **OG12** все теоремы **OG8** и все теоремы **OG10**, в **OG4—6** доказуемы все теоремы **OG2**.

В системе **OG9** докажем отстаиваемый Л. Нельсоном «принцип морального ригоризма»: действию, противоречащему долгу, приписывается отрицательная моральная ценность, по должному

действию не приписывается никакой положительной моральной ценности; символически:

$$Ffp \supset Hfp,$$

$$Fdp \supset Hdp.$$

На этом основании **OG9** можно было бы назвать системой Нельсона. В ней не является доказуемым принцип, согласно которому должному действию приписывается положительная моральная ценность; символически:

$$Ddp \supset Gdp,$$

$$Dfp \supset Gfp.$$

В **OG9** являются теоремами формулы

$$Ddp \supset Hfp$$

и

$$Dfp \supset Hdp.$$

Они не должны истолковываться как утверждающие, что в этой системе должному действию приписывается отрицательная ценность, так как если должным в

$$Ddp \supset Hfp$$

является выполнение действия, то злом является не выполнение данного действия, а воздержание от него, и сходно в случае

$$Dfp \supset Hdp.$$

В **OG7** доказуемы

$$Ffp \supset Gdp$$

и

$$Fdp \supset Gfp.$$

Истолкование их как утверждающих позитивную ценность запрещенного действия также было бы ошибочным.

Система **OG13—15** могла бы быть названа системой Мейнонга. Согласно ему, должное действие является добром, запрещенное — злом; символически:

$$Ddp \supset Gdp,$$

$$Dfp \supset Gfp,$$

$$Fdp \supset Hdp,$$

$$Ffp \supset Hfp.$$

Все эти тезисы легко выводимы из формул

$$Ddp \supset Gdp$$

и

$$Ddp \supset Hfp$$

и принятого определения F в терминах D . Определим похвальное и извинимое в смысле Мейнонга так:

$$Sdp =_{Df} Gdp \& \sim Ddp,$$

$$Sfp =_{Df} Gfp \& \sim Dfp,$$

$$Cdp =_{Df} Hdp \& \sim Fdp,$$

$$Cfp =_{Df} Hfp \& \sim Ffp.$$

С этими определениями доказуемы такие принимаемые Мейнонгом утверждения:

$$Sdp \supset Gdp,$$

$$Sfp \supset Gfp,$$

$$Cdp \supset Hdp,$$

$$Cfp \supset Hfp.$$

Таким образом, тезис Мейнонга, что все, являющееся похвальным или требуемым, является добром, и все, являющееся извинимым или непростительным, есть зло, доказуем в рамках системы **OG7—9**.

Эта система не является, однако, достаточно сильной для доказательства первых двух эквивалентностей «закона воздержания» Мейнонга, связывающих S и C . Покажем, что «закон воздержания» выводим только в системе, являющейся по меньшей мере столь же сильной, как и система **OG13—15**.

Ранее утверждалось, что достаточное условие доказуемости эквивалентностей

$$Gdp \& \sim Ddp \equiv Hfp \& \sim Ffp$$

и

$$Gfp \& \sim Dfp \equiv Hdp \& \sim Fdp$$

состоит в доказуемости формулы

$$Gdp \equiv Hfp,$$

т. е. что в системе, имеющей среди своих теорем последнюю эквивалентность, могут быть доказаны формулы

$$Sdp \equiv Cfp$$

и

$$Sfp \equiv Cdp.$$

Если доказуема формула

$$Ddp \supset Gdp,$$

то необходимым условием доказуемости импликации

$$Hfp \& \sim Ddp \supset Gdp \& \sim Ddp$$

является доказуемость формулы

$$Hfp \supset Gdp$$

(в силу тавтологии пропозиционального исчисления $(p \supset q) \& (\sim p \& r \supset q) \supset r \supset q$). Сходным образом, необходимое условие доказуемости импликации

$$Gdp \& \sim Ddp \supset Hfp \& \sim Ddp$$

в случае, когда является теоремой формула

$$Ddp \supset Hfp,$$

состоит в доказуемости формулы

$$Gdp \supset Hfp.$$

Таким образом, доказуемость

$$Gdp \equiv Hfp$$

есть не только достаточное, но и необходимое условие доказуемости эквивалентностей

$$Sdp \equiv Cfp$$

и

$$Sfp \equiv Cdp,$$

если рассматриваемая система должна содержать не только эти две эквивалентности, но и тезисы

$$Ddp \supset Gdp$$

и

$$Ddp \supset Hfp.$$

Именно такой является система Мейнонга. На этом основании система **OG13—15** заслуживает название системы Мейнонга.

Проведенное рассуждение показывает также независимость «закона воздержания» Мейнонга от первого его тезиса.

Система **OG2—11** могла бы быть названа системой Чизома. Ее можно рассматривать в более общем контексте систем, в ко-

торых добро и зло определимы в терминах долга, или наоборот, долг определим в терминах этих двух оценочных понятий.

Между добром и злом, с одной стороны, и долгом, с другой, может иметь место одно из следующих трех отношений:

(1) долг определим в терминах добра и зла, или в терминах одного из этих понятий,

(2) добро и зло или одно из этих понятий определимо в терминах долга,

(3) ни добро, ни зло не являются определимыми в терминах долга, и долг не определим в терминах оценочных понятий.

Говоря об определимости в некоторых терминах, мы имеем в виду возможность определения рассматриваемого понятия с помощью указываемых терминов и некоторых понятий пропозиционального исчисления, а не просто возможность определения данного понятия с помощью указываемых терминов и некоторых иных, не характеризующих строго понятий. Иначе говоря, мы проводим в данном случае строгое различие между исходными понятиями и понятиями, определимыми в терминах исходных, и требуем ясного отчета о том, какие именно понятия приняты в качестве исходных.

Это замечание о понимании *определимости одного понятия в терминах других* существенно. Многие принимаемые обычно в этике определения добра в терминах долга или наоборот не будут являться определениями в нашем смысле. Например, предлагаемое в [60, стр. 93] определение долга в терминах добра: «я должен сделать *A*» означает то же самое, что и «из действий, находящихся в пределах моих возможностей в данное время, выполнение *A* принесло бы наибольшее добро», — не есть определение в более строгом смысле, так как в нем помимо «добра» и пропозициональных связей используется еще ряд терминов, не включаемых явно в число исходных.

Распространено мнение, что моральный долг может быть определен в терминах морального добра или в терминах морального зла. В частности, в «Principia Ethica» Д. Мур определял этику как науку о том, что есть добро, полагая, что долг может быть разъяснен в терминах добра и его противоположности. (В более поздней работе «Ethics» он придерживается, однако, уже мнения, что долг и добро не определимы в терминах друг друга и должны при систематическом построении этики оба приниматься в качестве исходных.)

Рассмотрим проблему взаимной определимости добра и долга применительно к указанным расширениям системы **OG**.

В системе **OG7—8** доказуема эквивалентность

$$Ddp \equiv Gdp,$$

из нее по (R4) получается эквивалентность

$$Dfp \equiv Gfp.$$

Используя эти эквивалентности и правило экстенциональности, из аксиом **A1** и **A2** можно получить формулы

$$Ddp \supset \sim Dfp$$

и

$$D(dp \& dq) \equiv Ddp \& Ddq$$

(при выведении последней формулы используется теорема логики действия $d(p \& q) \equiv dp \& dq$). Из **A1** выводится также формула

$$Gdp \supset \sim Dfp,$$

а из **A5** формула

$$Hdp \supset \sim Ddp.$$

Таким образом, аксиомы **A6—A9**, дающие имплицитное определение формальных свойств долга и его связи с добром и злом, в системе **OG7—8** выводимы из аксиом **A1, A2, A5, Ddp $\supset$ Gdp** и **Gdp $\supset$ Ddp**. Аксиомы **A6—A9** являются в силу этого избыточными и могут быть опущены из формулировки системы **OG7—8**. Будем говорить на этом основании, что в данной системе долг определен в терминах добра.

Подобная определимость долга, а именно определимость его в терминах зла, имеет место и в случае системы **OG9—10**. В ней доказуемы эквивалентности

$$Ddp \equiv Hfp,$$

$$Dfp \equiv Hdp,$$

используя которые вместе с правилом экстенциональности, аксиомами **A3, A4** и **A5**, можно вывести аксиомы **A6—A9** (в выводах используется теорема логики действия $j(p \& q) \equiv fp \& fq$).

В системе **OG11—12** доказуемы как эквивалентности

$$Ddp \equiv Gdp$$

и

$$Dfp \equiv Gfp,$$

так и эквивалентности

$$Ddp \equiv Hfp$$

и

$$Dfp \equiv Hdp.$$

Здесь долг оказывается определимым как в терминах добра, так и в терминах зла (точнее было бы говорить, что долг определим в терминах добра и выполнения действия и в терминах зла и воздержания от действия).

В **OG11—12** доказуема эквивалентность

$$Ddp \equiv Gdp \& Hfp$$

и эквивалентность

$$Dfp \equiv Gfp \& Hdp.$$

Легко показать, что с помощью этих эквивалентностей из аксиом **A1—A5** в **OG11—12** выводимы аксиомы **A6—A9**. Следовательно, в этой системе долг определим в терминах добра и зла.

В **OG13—14** являются теоремами формулы

$$Ddp \equiv Gdp$$

и

$$Dfp \equiv Gfp.$$

Долг здесь опять-таки определим в терминах добра. Так как Gdp эквивалентно здесь Hfp и Gfp эквивалентно Hdp , то Ddp эквивалентно здесь Hfp и Dfp эквивалентно Hdp . Долг оказывается определяемым здесь и в терминах зла. Сверх того, долг определим здесь, как и в случае системы **OG11—12**, и в терминах добра и зла.

Аналогичным образом обстоит дело с определяемостью долга в терминах добра, в терминах зла и в терминах добра и зла в случае системы **OG15—16**.

Особый интерес представляет система **OG2—11**, названная системой Чизома. В ней долг определим в терминах добра и зла, но не определим в терминах только добра или только зла и не предрешается вопрос о взаимоотношении между оценочными статусами выполнения некоторого действия и воздержания от него. В системе Чизома доказуемы эквивалентности

$$Ddp \equiv Gdp \& Hfp$$

и

$$Dfp \equiv Gfp \& Hdp.$$

Покажем, как с их помощью из аксиом **A1—A5** могут быть выведены аксиомы **A6—A9**:

$$\begin{aligned} Gdp &\supset \sim Gfp, \\ \sim Gfp &\supset \sim Gfp \vee \sim Hdp, \\ Gdp &\supset \sim Gfp \vee \sim Hdp, \\ Gdp \& Hfp &\supset \sim Gfp \vee \sim Hdp, \\ Gdp \& Hfp &\supset \sim (Gfp \& Hdp), \\ Ddp &\equiv Gdp \& Hfp, \end{aligned}$$

$$Dfp \equiv Gfp \& Hdp,$$

$$Ddp \supset \sim Dfp;$$

$$H(fp \& fq) \equiv Hfp \& Hfq,$$

$$f(p \& q) \equiv fp \& fq,$$

$$Hf(p \& q) \equiv Hfp \& Hfq,$$

$$G(dp \& dq) \equiv Gdp \& Gdq,$$

$$d(p \& q) \equiv dp \& dq,$$

$$Gd(p \& q) \equiv Gdp \& Gdq,$$

$$\therefore (Gd(p \& q) \equiv Gdp \& Gdq) \& (Hf(p \& q) \equiv Hfp \& Hfq) \supset Gd(p \& q) \&$$

$$\& Hf(p \& q) \equiv Gdp \& Gdq \& Hfp \& Hfq,$$

$$Gd(p \& q) \& Hf(p \& q) \equiv Gdp \& Hfp \& Gdq \& Hfq,$$

$$Ddp \equiv Gdp \& Hfp,$$

$$Dd(p \& q) \equiv Gd(p \& q) \& Hf(p \& q),$$

$$Dd(p \& q) \equiv Ddp \& Ddq,$$

$$D(dp \& dq) \equiv Ddp \& Ddq;$$

$$Gdp \supset \sim Gfp,$$

$$Gdp \supset \sim Gfp \vee \sim Hdp,$$

$$Gdp \supset \sim (Gfp \& Hdp),$$

$$Gdp \supset \sim Dfp;$$

$$Hdp \supset \sim Hfp,$$

$$Hdp \supset \sim Hfp \vee \sim Gdp,$$

$$Hdp \supset \sim (Gdp \vee Hfp),$$

$$Hdp \supset \sim Ddp.$$

Таким образом, если к логике добра присоединить следующие определения позитивного и негативного долга в терминах добра и зла:

$$Ddp = {}_D Gdp \& Hfp,$$

$$Dfp = {}_D Gfp \& Hdp,$$

то в ней будут доказуемы все теоремы логики долга или деонтической логики. Иначе говоря, логика норм содержится в логике

абсолютных оценок, дополненной определением долга в терминах добра и зла.

В системе **OG1—12** долг не определим в рассматривавшемся выше смысле в терминах добра и зла. В ней доказуемы эквивалентности

$$Ddp \equiv Gdp \vee Hfp$$

и

$$Dfp \equiv Gfp \vee Hdp.$$

Покажем, что с их помощью выводимы аксиомы **A6**, **A8** и **A9**:

$$Gdp \supset \sim Gfp,$$

$$Gdp \supset \sim Hdp,$$

$$Gdp \supset \sim Gfp \& \sim Hdp,$$

$$Hfp \supset \sim Hdp,$$

$$Hfp \supset \sim Gfp,$$

$$Hfp \supset \sim Gfp \& \sim Hdp,$$

$$Gdp \vee Hfp \supset \sim Gfp \& \sim Hdp,$$

$$Gdp \vee Hfp \supset \sim (Gfp \vee Hdp),$$

$$Ddp \equiv Gdp \vee Hfp,$$

$$Dfp \equiv Gfp \vee Hdp,$$

$$Ddp \supset \sim Dfp;$$

$$Gdp \supset \sim Gfp \& \sim Hdp,$$

$$Gdp \supset \sim (Gfp \vee Hdp),$$

$$Gdp \supset \sim Dfp;$$

$$Gdp \supset \sim Hdp,$$

$$Hdp \supset \sim Gdp,$$

$$Hdp \supset \sim Hfp,$$

$$Hdp \supset \sim Gdp \& \sim Hfp,$$

$$Hdp \supset \sim (Gdp \vee Hfp),$$

$$Hdp \supset \sim Ddp.$$

Формула

$$(Gdp \& Gdq) \vee (Hfp \& Hfq) \equiv (Gdp \vee Hfp) \& (Gdq \vee Hfq),$$

из которой могла бы быть получена эквивалентность

$$Gd(p \& q) \vee Hf(p \& q) \equiv (Gdp \vee Hfp) \& (Gdq \vee Hfq)$$

и затем

$$Dd(p \& q) \equiv Ddp \& Ddq$$

и

$$D(dp \& dq) \equiv Ddp \& Ddq,$$

не является доказуемой в **OG1—12**. Так как

$$(Gdp \vee Hfp) \& (Gdq \vee Hfq)$$

эквивалентно

$$(Gdp \& Gdq) \vee (Hfp \& Hfq) \vee (Gdp \& Hfq) \vee (Gdq \& Hfp),$$

то формула

$$(Gdp \& Gdq) \vee (Hfp \& Hfq) \supset (Gdp \& Gdq) \vee (Hfp \& Hfq) \vee (Gdp \& Hfq) \vee (Gdq \& Hfp)$$

и, следовательно, формула

$$D(dp \& dq) \supset Ddp \& Ddq$$

являются теоремами **OG1—12**. Для доказательства обратных импликаций нужна формула

$$Gdp \supset Hfp$$

или формула

$$Hfp \supset Gdp.$$

Это показывает, что если к расширению логики добра, содержащему в качестве своих теорем одну из формул

$$Gdp \supset Hfp,$$

$$Hfp \supset Gdp,$$

присоединить следующие определения D в терминах G и H :

$$Ddp =_{df} Gdp \vee Hfp,$$

$$Dfp =_{df} Gfp \vee Hdp,$$

то все теоремы логики долга или деонтической логики будут доказуемы в логике абсолютных оценок. Иначе говоря, логика норм содержится в логике абсолютных оценок, дополненной указанными определениями долга в терминах добра и зла. Сверх того, в логике абсолютных оценок доказуемы при этом (как и в

предыдущем случае определений D в терминах G и H) и теоремы, связывающие долг с добром и злом.

На этом мы закончим обсуждение проблемы определимости долга в терминах добра и зла.

В связи с проблемой определимости добра и зла в терминах долга отметим следующее. Для многих форм добра, и в частности для морального добра, неверно, что если нечто является добром, то его противоположность есть зло, или если нечто есть зло, то его противоположность есть добро, т. е. утверждения, выражаемые формулами

$$Gp \supset H \sim p$$

и

$$Hp \supset G \sim p,$$

не являются справедливыми в случае всякой формы добра. Если оцениваемыми вещами служат действия, то нельзя сказать в общем, случае, что если выполнение действия есть добро, то воздержание от него есть зло, или наоборот. Gdp не является в общем случае эквивалентным Hfp . В логике же норм запрещение и разрешение определимы в терминах обязанности. В силу этого аппарат логики норм обладает меньшей выразительной силой в том смысле, что он не позволяет проводить некоторые из различий, которые могли бы считаться аналогами различий, проводимых с помощью аппарата логики абсолютных оценок (мы имеем в виду используемую нами формулировку логики норм). Это усложняет проблему отыскания присмелемого определения добра и зла в терминах долга.

16. Рассмотрим, далее, понятия, определимые в терминах долга, добра и зла, а именно понятия правильного и ошибочного.

«Правильное» и «ошибочное» несомненно являются центральными этическими и в более общем случае моральными понятиями. Исследованию их формальных свойств не уделялось пока внимания, соразмерного с той ролью, какую эти понятия играют в моральном рассуждении. Одна из причин этого состоит, по-видимому, в том, что понятия правильного и ошибочного, несмотря на их употребительность в философии морали, не получили достаточно точных определений. Эти понятия употребляются разными философами морали в существенно различных смыслах, и затруднительно указать то общее, что имеется в многочисленных употреблениях этих двух понятий.

Аквист в [29, стр. 19] определяет деонтическое предложение как предложение, содержащее деонтический термин; термин считается им деонтическим, если и только если он идентичен с «моральным долгом», «морально правильным» или «морально ошибочным» или определим с помощью некоторых из этих терминов. Аквист относит, таким образом, правильное и ошибочное к тому, что связано с долгом.

В отличие от него мы будем связывать эти два понятия не только с тем, что должно быть сделано, но и с тем, что было бы добром сделать, т. е. рассматривать их как понятия, находящиеся между чисто нормативными и чисто оценочными понятиями.

Мы полагаем, сверх того, что правильное и ошибочное определимы в терминах добра, зла и долга. Предлагаемые нами определения таковы: выполнение действия является (морально) правильным в том и только том случае, когда выполнение этого действия является или добром, или долгом; воздержание от действия (морально) правильно тогда и только тогда, когда оно является или добром, или долгом; выполнение действия является (морально) ошибочным, если и только если оно или запрещено, или является злом; воздержание от действия (морально) ошибочно в том и только том случае, когда оно или запрещено, или является злом. Символически:

$$Rdp = DfGdp \vee Ddp,$$

$$Rfp = DfGfp \vee Dfp,$$

$$Wdp = DfHdp \vee Fdp,$$

$$Wfp = DfHfp \vee Ffp.$$

Так как F определимо в терминах D , правильное и ошибочное оказываются определимыми в терминах G , H и D . Присоединение этих определений к одной из OG -систем позволяет развить формальную теорию правильного и ошибочного. Рассмотрим некоторые теоремы, содержащие R и W .

«Если выполнение действия является моральным долгом, то оно морально правильно»,

$$Ddp \supset Rdp;$$

«если выполнение действия есть моральное добро, то выполнение этого действия морально правильно»,

$$Gdp \supset Rdp;$$

аналогично в случае воздержания от действия.

«Если выполнение действия является морально запрещенным, то оно морально ошибочно»,

$$Fdp \supset Wdp;$$

«если выполнение действия есть моральное зло, то выполнение этого действия является морально ошибочным»,

$$Hdp \supset Wdp;$$

аналогично в случае воздержания от действия.

«Если выполнение некоторого действия правильно, то неверно, что правильно воздержание от него»,

$$Rdp \supset \sim Rfp,$$

а также

$$Rfp \supset \sim Rdp;$$

«если выполнение действия ошибочно, то неверно, что ошибочно воздержание от него»,

$$Wdp \supset \sim Wfp,$$

а также

$$Wfp \supset \sim Wdp.$$

Согласно этим теоремам не могут быть вместе правильными или вместе ошибочными как выполнение некоторого действия, так и воздержание от него,

$$\sim (Rdp \& Rfp)$$

и

$$\sim (Wdp \& Wfp).$$

Rdp и Rfp , Wdp и Wfp являются, таким образом, контрарно противоположными, они не могут иметь место вместе. Они не являются, однако, контрадикторно противоположными. Неверно в общем случае, что если выполнение действия не является правильным, то правильно воздержание от этого действия. Формула

$$\sim Rdp \supset Rfp$$

не доказуема в системе **OG**; аналогично обстоит дело и с формулами

$$\sim Wdp \supset Wfp,$$

$$\sim Wfp \supset Wdp,$$

$$\sim Rfp \supset Rdp.$$

Правильное и ошибочное напоминают в этом отношении добро, зло и долг. Дальнейшее сходство между правильным и ошибочным, с одной стороны, и добром и злом, с другой, состоит в том, что Rdp не есть то же самое, что и Wfp , и Rfp не есть то же самое, что и Wdp , подобно тому как Gdp это не то же, что и Hfp , и Gfp не то же самое, что и Hdp . В случае же долга имеем, что Ddp есть то же, что и Ffp , и Dfp есть то же, что и Fdp .

Присоединение приведенных определений правильного и ошибочного к различным **OG**-системам дает различные множества теорем. В некоторых из **OG**-систем можно доказать, в частности, такие теоремы, как

$$R(dp \& dq) \equiv Rdp \& Rdq,$$

$$R(fp \& fq) \equiv Rfp \& Rfq,$$

$$W(dp \& dq) \equiv Wdp \& Wdq,$$

$$W(fp \& fq) \equiv Wfp \& Wfq.$$

В системе **OG**, а следовательно и во всех остальных **OG**-системах, могут быть доказаны формулы

$$Rdp \supset \sim Wdp,$$

$$Wdp \supset \sim Rdp,$$

$$Rfp \supset \sim Wfp,$$

$$Wfp \supset \sim Rfp.$$

Таким образом, **OG**-система, в которой являются теоремами

$$R(dp \& dq) \equiv Rdp \& Rdq$$

и

$$W(dp \& dq) \equiv Wdp \& Wdq,$$

даст логическую теорию правильного и ошибочного, структурно идентичную с теорией добра и зла. Этой системой не является, как мы указали, система **OG**. В **OG** доказуемы, однако, теоремы

$$Rdp \supset \sim Dfp$$

и

$$Wdp \supset \sim Ddp.$$

Формулы

$$Rdp \supset \sim Ddp$$

и

$$Wdp \supset \sim Dfp$$

не выводятся в **OG**. Это говорит о том, что правильное должно сопоставляться с добром, а неправильное со злом, а не наоборот.

Мы не будем подробно обсуждать вопрос о том, являются ли удачными принятые нами определения «правильного» и «ошибочного», согласуются ли эти понятия, определенные предложенным образом, с употреблением «правильного» и «ошибочного» в этической литературе и в обычном языке. Сошлемся лишь на анализ значений этих терминов, данный А. Сезонски (см. [162]).

Сезонски полагает, что предложения, содержащие слова «правильно», «добро» или «должен», в контексте морального рассуждения выражают всегда или оценку, или предписание. При этом во многих случаях выбор между «правильным», «должным» или некоторой формой «добра» для выражения той или иной касающейся морали мысли является вполне произвольным; одна и та же оценка или норма может быть обычно выражена

с помощью любого из этих трех центральных этических терминов. Многие утверждения, содержащие «хороший» или «наилучший», не изменяют своего значения в случае замены этих понятий на «правильный». «Было бы правильным сделать это» и «лучше всего было бы сделать это» означают обычно одно и то же. С другой стороны, большинство утверждений, содержащих «хороший» («являющийся добром»), или «правильный», заменимо утверждениями с «должный». Это справедливо не только для тех случаев, когда «хороший» и «правильный» взаимозаменяемы, но и для тех, когда «хороший» не может быть заменен без изменения смысла «правильным» и «правильный» «хорошим» [162, стр. 8—11].

С этим анализом обычного употребления «правильного», «хорошего» и «должного» хорошо согласуются наши определения. Они могут рассматриваться также как уточнение идеи, что «правильное» и «ошибочное» вместе с рядом иных этических или моральных понятий занимают промежуточную позицию между нормативными и оценочными понятиями.

Глава 7 ОЦЕНКИ И ФАКТЫ

1. С именем Юма связывается обычно утверждение, что от суждений со связкой «есть» невозможно с помощью логики перейти к суждениям со связкой «должен»¹. Основанием для установления этой связи является следующий отрывок из его «Трактата о человеческой природе»: «Я заметил, что в каждой этической теории, с которой мне до сих пор приходилось встречаться, автор устанавливает существование бога или излагает свои наблюдения относительно дел человеческих; и вдруг я, к своему удивлению, нахожу, что вместо обычной связки, употребляемой в предложениях, а именно *есть* или *не есть*, не встречаю ни одного предложения, в котором не было бы в качестве связки *должно* и *не должно*. Подмена эта происходит незаметно, но тем не менее она в высшей степени важна. Раз это *должно* или *не должно* выражает некоторое новое отношение или утверждение, последнее необходимо следует принять во внимание и объяснить, и в то же время должно быть указано основание того, что кажется совсем непонятным, а именно того, каким образом это новое отношение может быть дедукцией из других, совершенно отличных от него... Я уверен, что этот незначительный акт внимания опроверг бы все обычные этические системы и показал бы нам, что различие порока и добродетели не основано исключительно на отношениях между объектами и не познается разумом» [26, т. 1, стр. 618].

Этот отрывок из «Трактата» Юма очень популярен. Его нелегко, однако, истолковать правильно².

¹ Это утверждение в этической литературе называется обычно «принципом Юма» и иногда «принципом автономии» или «гильотинной Юма».

² Хотя принцип о невозможности логического перехода от фактических утверждений к утверждениям долженствования связывается обычно с именем Юма, вопрос о том, был ли сам Юм убежден в истинности этого принципа, до сих пор остается предметом оживленных споров. А. Макинтайр возражал в [113] против обычного истолкования приведенного выше отрывка из «Трактата» как первой ясной формулировки принципа автономии морали, принимавшегося самим Юмом. Но мысли Макинтайра, в этом отрывке Юм только поставил вопрос о выведении «должен» из «есть», ответил затем на него утвердительно своей этической теорией. Р. Эткинсон [35] и М. Скотт-Татгарт [160], согласившись с тем, что стандартная формулировка принципа автономии вряд ли была бы принята

Неясно, прежде всего, что имел в виду Юм под суждениями с «должен» — оценки или нормы. Философы и этики, полагающие, что основной и едва ли не единственной функцией деонтических предложений является выражение норм, превратили юмовское различие между суждениями долженствования и фактическими суждениями в различие между нормой и фактом. Но «должен» употребляется для формулировки оценок, вероятно, не менее часто, чем для формулировки норм. По-видимому, сам Юм, рассуждавший о морали, где оценочные и нормативные понятия связаны особенно тесно, под суждениями с «должен» имел в виду как нормы, так и оценки, не проводя между этими двумя вещами резкой грани. Те, кто видит в приведенном отрывке из «Трактата» указание только на существование пропасти между фактами и нормами, с самого начала сужают установленное Юмом различие, а именно различие между фактическими утверждениями, с одной стороны, и нормативными и оценочными, с другой³.

Юм не приводит, собственно, никаких доводов в поддержку идеи о невыводимости «должен» из «есть». Он ссылается на то, что было бы ошибочным вводить в заключение некоторое отношение или утверждение, отсутствующее в посылах, и указывает, что отношение или утверждение, выражаемое с помощью «должен» или «не должен», «явно отлично» от отношения или утверждения, выражаемого посредством «есть». М. Блэк правильно отмечает, что этот довод Юма не убедителен [42, стр. 166—167]. «Должен» отличается, конечно, от «есть», но если Юм думает, что этого достаточно для дисквалификации логического перехода от «есть» — посылок к «должен» — заключению, то он ошибается. Смысл, нужный для опровержения данного перехода, таков: термин *A* явно отличен от термина *B*, если и только если утверждение, содержащее *A*, не может быть выведено из посылок, содержащих *B* и не содержащих *A*, т. е. чтобы показать, что «должен» «явно отлично» от «есть», надо показать, что утверждение с «должен» не выводимо из утверждения с «есть». Но именно в этом состоит проблема,

безоговорочно Юмом, нашли вместе с тем, что предлагаемое Макнтайром истолкование отрывка из «Трактата» недостаточно ясно и неадекватно в нескольких пунктах. Эткинсон отметил, в частности, что положению об автономии морали придется два разных смысла: (1) моральные заключения не могут логически следовать из неморальных посылок и поэтому нельзя обосновывать моральные принципы, выходя за пределы самой морали, (2) фактические и моральные суждения не могут быть связаны не только логическим следованием, но и вообще любой логической связью. Второй из этих смыслов сильнее, чем первый. Подобно Макнтайру, Эткинсон согласился, что Юм был сторонником принципа автономии морали в смысле (1), но не в смысле (2). Против приписывания Юму утверждения о независимости морали от фактов, и в частности от фактов, касающихся чувств человека, высказывался также Д. Хантер [87], [88]. Мнение, что принцип автономии хорошо согласуется с духом всего «Трактата» Юма, отстаивали многие авторы, и в частности А. Флюй [65].

³ О том, что Юм в этом отрывке имеет в виду прежде всего оценки, говорит хотя бы тот факт, что в нем прямо упоминаются «порок» и «добродетель» и вообще не встречается слово «норма».

в качестве решения которой предлагается ссылка на «явное отличие» одной связки от другой⁴. Нетрудно привести примеры обоснованных умозаключений, в которых в заключение входит термин, кажущийся «явно отличающимся» от терминов, встречающихся в посылах («если лошадь есть животное, то голова лошади есть голова животного»).

Локк полагал, что этические утверждения могут быть обоснованы путем выведения их из исходных очевидных принципов и что этика может быть построена по образцу геометрии⁵. Существенное отличие Юма от Локка состоит в том, что Юм считал этику эмпирической наукой, утверждения которой должны обосновываться не ссылкой на очевидность первых принципов, а указанием эмпирических оснований этих утверждений. Вместе с тем Юм не допускал, как кажется, возможности логического перехода от фактических утверждений к этическим принципам. Многие современные авторы обвиняют его на этом основании в непоследовательности⁶. Это обвинение трудно поддержать. Приведенный отрывок из «Трактата» является единственным местом, в котором Юм обсуждает проблему логической связи «должен» — и «есть» — утверждений. При этом сам Юм не придает данному отрывку особого значения, называя его замечанием, которое, быть может, не является незаслуживающим внимания.

Неочевидно, далее, что Юм говорит о невыводимости «должен» — утверждений из любых фактических утверждений, а не о невыводимости их из фактических утверждений вполне определенного типа, например из «есть» — утверждений, не касающихся человеческих чувств.

2. Строго доказать невозможность логического перехода от «есть» к «должен» не удалось не только Юму, но и последующим авторам. Поэтому ссылка на принцип Юма, отвергающий данный переход, как на хорошо установленный логикой факт, является поспешной. И столь же поспешна попытка сделать на основе этого спорного принципа важные методологические заключения⁷.

⁴ П. Ноуэлл-Смит повторяет ошибку, сходную с ошибкой Юма. Он утверждает, что рассуждение, ведущее от фактических посылок к некоторому этическому заключению, не является логически законным, так как заключенное выведение не может содержать ничего отсутствующего в посылах, и в частности не может содержать не имеющегося в посылах «должен» [125, стр. 37].

⁵ Он оставлял, однако, читателя в неведении как относительно того, какой вид могла бы иметь такая дедуктивная этика, так и в отношении принципов, которые следует принять в качестве исходных.

⁶ М. Оссовская говорит, например, что Юму трудно было бы защищаться от упрека в том, что он сам не избежал ошибки, на которую он указывал другим, и сам «непонятным» образом перешел от наблюдения моральной жизни к ее кодификации [129, стр. 292].

⁷ К. Поппер пишет в [138, стр. 154]: «Наиболее простым, по-видимому, и наиболее важным результатом в области этики является чисто логический результат. Я имею в виду невозможность выведения неавтологических этических правил... из утверждений о фактах. Только учитывая это фундаментальное логическое положение, мы можем сформулировать реальные проблемы философии морали и оценить их трудность» (см. также [137]). Еще раньше А. Пуанкаре

Вместе с тем никому не удалось доказать и возможность логического перехода от «есть» к «должен». Были приведены многие примеры выводов, посылками которых являются, как кажется, фактические утверждения, а в заключение входит суждение с «должен»⁸. Более внимательный анализ показывает, однако, что в большинстве этих выводов или посылок не являются в действительности фактическими, а неявно содержат оценку или норму, или заключение не может быть отнесено ни к оценкам, ни к нормам. Другая часть приведенных в качестве контрпримеров к принципу Юма выводов использует те законы обычного пропозиционального исчисления, в консеквенты которых входят переменные, отсутствующие в их антецедентах.

Указывалось, что такие выводы являются практически бесполезными: вместо переменной, заменяемой суждением с «должен», может быть подставлено любое иное суждение, и в частности, суждение, говорящее о том, что требуемое действие выполняется (см. [6], [42], [165]). Например, закон «если p , то p или q » может быть использован не только для выведения «этического заключения» «или снег бел, или любите своих ближних» из фактического утверждения «снег бел», но и для выведения из этого же утверждения заключения «или снег бел или вы уже любите своих ближних». Очевидно, что практически бесполезно делать предметом нормы то, что выполняется и без всякой нормы.

Имеются, однако, более существенные возражения, связанные с этими последними выводами. Обычное пропозициональное исчисление не является адекватной формализацией отношения логического следования. Были предложены различные варианты сужения данного исчисления. В некоторых из них синтаксическим аналогом «связи по смыслу», считаемой характерной для суждений, связанных отношением следования, признается общность переменных, входящих в посылки и заключение. В частности, в теории сильного логического следования А. А. Зиновьева [8] являются обоснованными только те тезисы, в консеквенты которых не

таким, ставшим впоследствии знаменитым, аргументом пытался показать невозможность научного обоснования морали или этики: все научные предложения стоят в индикативном наклонении, а все моральные предложения являются императивными; из индикативных предложений с помощью логического вывода могут быть получены только индикативные предложения; следовательно, невозможно вывести моральное предложение из научных предложений [136, стр. 224—225].

⁸ Примеры выводов, не совместимых с принципом автономии, предлагали Д. Райнин [156], А. Прайор [142], М. Блэк [42], Д. Сизли [161], Д. Мэвролд [112] и др. Критическому анализу этих примеров посвящены работы [6], [34], [42], [54], [66], [82], [85], [86], [90], [100], [117], [118], [163], [164], [177], [182], [192]. Намерение расправиться с фегишизацией отношения между фактами и ценностями высказывал Д. Остин [37, стр. 150]; это намерение осталось, однако, невыполненным. Некоторые этики, признавая невозможность строго логического следования оценочных и нормативных высказываний из фактических, предлагали расширить понятие логической связи таким образом, чтобы об оценках и нормах можно было утверждать, что они связаны с фактами (см. [91], [95], [131], [132] и [183]).

входят переменные, отсутствующие в их антецедентах. Очевидно, что в рамках такой теории следования невозможны даже «практически бесполезные» выводы этических заключений из неэтических посылок.

С другой стороны, вместо переменных в законы пропозиционального исчисления могут подставляться только высказывания, являющиеся истинными или ложными. Например, в закон «если p , то p или q » не может быть вместо q подставлено императивное предложение «откройте окно!», так как оно ни истинно, ни ложно. И сходно, из того факта, что в обычном пропозициональном исчислении из противоречия следует все, что угодно, еще не вытекает, что из противоречивого фактического суждения логически следует не имеющий истинностного значения императив. Если моральным нормам отказывают в истинностном значении, то им отказывают тем самым и в праве подставляться в законы пропозициональной логики.

Этим аргументом отвергаются не только все те контрпримеры к принципу Юма, в которых используются тезисы пропозиционального исчисления, но и все иные контрпримеры к этому принципу. Логическое следование определяется в терминах истины, суждения с «должен» не являются обычно ни истинными, ни ложными. Поэтому, чтобы обосновать выводы таких суждений из фактических посылок, надо создать новую теорию обоснованности логического вывода, не использующую понятия истины. Такая теория пока отсутствует, и значит не может быть речи об опровержении принципа Юма.

Авторы, опровергающие данный принцип, упрощают свою задачу и в ином важном отношении. Они пытаются указать один отдельный вывод, не согласующийся с положением о невозможности перехода от «есть» к «должен». Действительно, в принципе достаточно одного контрпримера для показа необоснованности некоторого общего положения. Но этот искомый единственный контрпример сам должен быть обоснованным, т. е. его конструирование предполагает создание общей теории обоснованности, поддерживающей не только данный пример, но и бесконечное множество иных, сходных с ним. Обычно это не учитывается и полемика сторонников и противников принципа Юма имеет вид обсуждения изолированных примеров выводов, претендующих самое большее на интуитивную очевидность.

Проблема возможности логических связей оценочных и фактических утверждений пока не решена. Ее обсуждение в логике оценок заслуживает, без сомнения, самого пристального внимания этиков и философов⁹.

⁹ Из марксистских работ, в которых обсуждается проблема фактического обоснования моральных, политических и подобных им принципов, упомянем книгу М. Корнфорта «Марксизм и лингвистическая философия» [16, гл. IV] и книгу К. А. Шварцман и А. Ф. Шинкина «XX век и моральные ценности человечества» [25].

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Этика (к Никомаху). СПб., 1908.
2. Гуссерль Э. Логические исследования. Часть первая. Прологомены к чистой логике. СПб., 1909.
3. Дробницкий О. Г. Мир оживших предметов. М., Политиздат, 1967.
4. Дробницкий О. Г., Кузьмина Т. А. Критика современных буржуазных этических концепций. М., «Высшая школа», 1967.
5. Ермолаева В. Е. Этика и логика. «Вопросы философии», 1968, № 11.
6. Ермолаева В. Е. Гносеологическая природа этических суждений и проблема обоснования этики. Сб. «Гносеологические проблемы и достижения науки». Изд-во МГУ, 1968.
7. Зигварт Х. Логика. СПб., 1907.
8. Зиновьев А. А. Основы логической теории научных знаний. М., «Наука», 1967.
9. Ивин А. А. Деонтическая логика. «Вопросы философии», 1966, № 12.
10. Ивин А. А. Некоторые проблемы теории деонтических модальностей. Сб. «Логическая семантика и модальная логика». М., «Наука», 1967.
11. Ивин А. А. О логике оценок. «Вопросы философии», 1968, № 8.
12. Ивин А. А. Логические теории времени. «Вопросы философии», 1969, № 3.
13. Ивин А. А. О логическом анализе принципов детерминизма. «Вопросы философии», 1969, № 10.
14. Ивин А. А. Логика времени. Сб. «Неклассическая логика». М., «Наука» (в печати).
15. Ивин А. А. Определения алетических и деонтических модальных функторов в терминах материальной импликации и констант. Сб. «Неклассическая логика». М., «Наука» (в печати).
16. Корнфорт М. Марксизм и лингвистическая философия. М., «Прогресс», 1968.
17. Ленин В. И. Философские тетради. Полн. собр. соч., т. 29.
18. Локк Д. Избранные философские произведения. М., Соцэкгиз, 1960.
19. Лукасевич Я. Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики. М., ИЛ, 1959.
20. Моисеев М. Опыты. М.—Л., Соцэкгиз, 1958.
21. Платон. Сочинения в трех томах, т. 1. М., «Мысль», 1968.
22. Сб. «Проблема ценности в философии». М., «Наука», 1966.
23. Тугаринов В. П. Теория ценностей в марксизме. Изд-во ЛГУ, 1968.
24. Чёрч А. Введение в математическую логику. М., ИЛ, 1960.
25. Шпшкни А. Ф., Шварцман К. А. XX век и моральные ценности человечества. М., «Мысль», 1968.
26. Юм Д. Сочинения в двух томах. М., «Мысль», 1966.
27. Anderson A. R. A reduction of deontic logic to alethic modal logic. «Mind», 1958, v. 67, No. 265.
28. Anderson A. R. The logic of norms. «Logique et analyse», 1958, No. 2.
29. Aqvist L. The moral philosophy of Richard Price. Uppsala, 1960.

30. Aqvist L. A binary primitive in deontic logic. «Logique et analyse», 1962, No. 19.
31. Aqvist L. Deontic logic based on a logic of «better». «Acta philosophica fennica», 1963, fasc. 16.
32. Aqvist L. Vagueness and value. «Ratio» (Oxford), 1964, v. 6, No. 2.
33. Aqvist L. Interpretations of deontic logic. «Mind», 1964, v. 73, No. 290.
34. Atkinson R. F. The autonomy of morals. «Analysis», 1958, v. 18, No. 3.
35. Atkinson R. F. Hume on «is» and «ought». A reply to Mr. McIntyre. «Philosophical review», 1961, v. 70, No. 2.
36. Austin J. L. Sense and sensebililia. Oxford, 1962.
37. Austin J. L. How to do things with words. London, 1962.
38. Ayer A. J. Language, truth and logic. London, 1958.
39. Baier K. The moral point of view. New York, 1958.
40. Barcan-Marcus R. Iterated deontic modalities. «Mind», 1966, v. 75, No. 300.
41. Barnes W. H. F. A suggestion about value. «Analysis», 1934, v. 1, No. 3.
42. Black M. The gap between «is» and «should». «Philosophical review», 1964, v. 73, No. 2.
43. Burchill L. M. In defence of saints and heroes. «Philosophy», 1965, v. 40, No. 152.
44. Carnap R. The logical syntax of language. London, 1937.
45. Castañeda H. N. Nota sobre la lógica de los fines y medios. «Universidad de San Carlos (Guatemala)», 1956, 29.
46. Castañeda H. N. Imperative reasonings. «Philosophy and phenomenological research», 1960, v. 21, No. 1.
47. Castañeda H. N. Outline of a theory on the general logical structure of a language of action. «Theoria», 1960, v. 21, pt. 3.
48. Chisholm R. M. Supererogation and offence: a conceptual scheme for ethics. «Ratio», 1963, v. 5, No. 1.
49. Chisholm R. M. The ethics of requirement. «American philosophical quarterly», 1964, v. 1, No. 1.
50. Chisholm R. M., Sosa E. On the logic of «intrinsically better». «American philosophical quarterly», 1966, v. 3, No. 2.
51. Chisholm R. M., Sosa E. Intrinsic preferability and the problem of supererogation. «Synthese», 1966, v. 16, No. 3—4.
52. Chorpa Y. Professor Urmson on saints and heroes. «Philosophy», 1963, v. 38, No. 144.
53. Clifford J. E. Tense logic and the logic of change. «Logique et analyse», 1966, No. 34.
54. Cohen M. F. «Is» and «should». An unbridged gap. «Philosophical review», 1965, v. 74, No. 2.
55. Davidson D., McKinsey J. C. C. and Suppes P. Outlines of a formal theory of value. I. «Philosophy of science», 1955, v. 22, No. 2.
56. Dennis M. The beneficial and the harmful. «Analysis», 1967, v. 27, No. 5.
57. Dubislaw W. Zur Unbegründbarkeit der Forderungsätze. «Theoria», 1937, v. 3, pt. 1.
58. Elzenberg H. O różnicy między «pięknem» a «dobrem». «Przegląd filozoficzny», 1963, rocznik 36, zeszyt 4.
59. Ewing A. C. The definition of good. London and New York, 1947.
60. Ewing A. C. The relationship between value in general and the specific values. «XIII Congreso internacional de filosofia. Symposium sobre valor in genere y valores específicos». Universidad nacional autónoma de Mexico, 1963.
61. Feinberg J. Supererogation and rules. «Ethics», 1961, v. 71, No. 4.
62. Findlay J. N. Language, mind and value. Philosophical essays. New York, 1963.
63. Fitch F. B. Attribute and class. In: «Philosophie thought in France and the United States», ed. by M. Farber. Buffalo, 1950.

61. Fitch F. B. A logical analysis of some value concepts. «Journal of symbolic logic», 1963, v. 28, No. 2.

65. Flew A. On the interpretation of Hume. «Philosophy», 1963, v. 38, No. 144.

66. Flew A. On not deriving «ought» from «is». «Analysis», 1964, v. 25, No. 2.

67. Forman H. J. The story of prophecy. New York, 1939.

68. Fritzhand M. Zagadnienie prawdy w etyce. «Studia filozoficzne», 1966, No. 2 (45).

69. Goble L. F. The iteration of deontic modalities. «Logique et analyse», 1966, No. 34.

70. Grice G. R. The grounds of moral judgment. New York, 1967.

71. Grue-Sørensen K. Imperativsätze und Logik. «Theoria», 1939, v. 5, pt. 3.

72. Hägerström A. Inquires into the nature of law and morals. Uppsala, 1953.

73. Hall E. W. A categorical analysis of value. «Philosophy of science», 1947, v. 14, No. 4.

74. Hall E. W. Our knowledge of fact and value. University of North Carolina press, 1961.

75. Hallidén S. Emotive propositions. A study of value. Uppsala, 1954.

76. Hallidén S. On the logic of «better». Lund and Copenhagen, 1957.

77. Hallidén S. Preference logic and theory choice. «Synthese», 1966, v. 16, No. 3—4.

78. Hare R. M. Imperative sentences. «Mind», 1949, v. 58, No. 229.

79. Hare R. M. Language of morals. Oxford, 1952.

80. Hare R. M. Freedom and reason. Oxford, 1963.

81. Hartman R. S. The structure of value. Foundations of scientific axiology. Southern Illinois university press, 1967.

82. Henderson T. Y. The gap between good strategy and right action. «Philosophy», 1966, v. 41, No. 157.

83. Holstadter A., McKinsey J. C. C. On the logic of imperatives. «Philosophy of science», 1939, v. 6, No. 4.

84. Houthakker H. S. On the logic of preference and choice. In: «Contributions to logic and methodology of I. M. Bohenski», ed. by A.-T. Tymieniecka. Amsterdam, 1965.

85. Hudson W. D. The «is—ought» controversy. «Analysis», 1965, v. 25, No. 6.

86. Humbert E. R. The «ought» and the «is». «Mind», 1963, v. 72, No. 4.

87. Hunter G. Hume on «is» and «ought». «Philosophy», 1962, v. 37, No. 140.

88. Hunter G. A reply to professor Fley. «Philosophy», 1963, v. 38, No. 144.

89. Husserl E. Formale und transzendente Logik. Halle, 1929.

90. Jobe E. K. On deriving «ought» from «is». «Analysis», 1965, v. 25, No. 5.

91. Jørgensen C. The relation is—ought. «Theoria», 1962, v. 28, pt. 1.

92. Jørgensen J. Imperatives and logic. «Erkenntnis», 1938, Bd. 7, Hft. 4.

93. Kalinowski J. Teoria poznania praktycznego. Lublin, 1960.

94. Kalinowski G. La logique des valeurs d'Edmond Husserl. «Archives de philosophie du droit», 1968, t. XIII.

95. Kattsoff L. O. Obligation and existence. «Philosophy and phenomenological research», 1958, v. 18, No. 4.

96. Katz J. J. Semantic theory and the meaning of «good». «Journal of philosophy», 1964, v. 61, No. 23.

97. Kenny A. Practical inference. «Analysis», 1966, v. 26, No. 3.

98. Kmita J. Problem wartości logicznej ocen. «Studia filozoficzne», 1964, No. 1 (36).

99. Kneale W. Objectivity in morals. «Philosophy», 1950, v. 25, No. 93.

100. Komisar P. B., McClellan J. On deriving «ought» from «is». «Analysis», 1964, v. 25, No. 2.

101. Kotarbińska J. Controversy on the applicability limits of logical methods. «Logique et analyse», 1965, No. 29.

102. Kotarbiński T. Elementy teorii poznania, logiki formalnej i metodologii nauk. Lvów, 1929.

103. Ladd J. The structure of a moral code. Cambridge, Mass., 1957.

104. Lazari-Pawłowska I. O rodzajach relatywizmu etycznego. «Studia filozoficzne», 1965, No. 4 (43).

105. Lemmon E. J. and Nowell-Smith P. H. Escapism: the logical basis of ethics. «Mind», 1960, v. 69, No. 275.

106. Lemmon E. J. Deontic logic and the logic of imperatives. «Logique et analyse», 1965, No. 29.

107. Lewis C. I. An analysis of knowledge and valuation. La Salle, Illinois, 1946.

108. Luce R. D. Semioorders and a theory of utility discrimination. «Econometrica», 1956, v. 24, No. 2.

109. Mace C. A. Representation and expression. «Analysis», 1934, v. 1, No. 3.

110. Martin R. M. Towards a systematic pragmatics. Amsterdam, 1959.

111. Martin R. M. Intension and decision. Englewood Cliffs, 1963.

112. Mayrodes G. I. «Is» and «ought». «Analysis», 1964, v. 25, No. 2.

113. McIntyre A. Hume on «is» and «ought». «Philosophical review», 1959, v. 68, No. 4.

114. Meinong A. Psychologisch-ethische Untersuchungen zur Werththeorie. Graz, 1894.

115. Menger K. A logic of the doubtful. On optative and imperative logic. «Reports of a mathematical colloquium» (Notre Dame university press), 2nd series, issue 1, 1939.

116. Michalos A. C. Postulates of rational preference. «Philosophy of science», 1967, v. 34, No. 1.

117. Montague R. «Ought» from «is». «Australasian journal of philosophy», 1965, v. 43, No. 2.

118. Montague R. «Is» to «ought». «Analysis», 1966, v. 26, No. 3.

119. Moore G. E. Principia ethica. Cambridge, 1903.

120. Moore G. E. Ethics. London, 1912.

121. Moore G. E. The nature of moral philosophy. In: «Philosophical studies», New York, 1922.

122. Myrdal G. An american dilemma. Appendix II. A methodological note on facts and valuation in social science. London and New York, 1944.

123. Nelson L. System of ethics. New Haven, 1956.

124. Neumann J. von, Morgenstern O. Theory of games and economic behaviour. Princeton, 1947.

125. Nowell-Smith P. H. Ethics. London, 1954.

126. Ogden C. K., Richards I. A. The meaning of the meaning. New York, 1956.

127. Ossowska M. O dwóch rodzajach ocen. «Kwartalnik filozoficzny», 1946, t. 16.

128. Ossowska M. Podstawy nauki o moralności. Wydanie drugie. Warszawa, 1957.

129. Ossowska M. Myśl moralna Oświeceniści angielskiego. Warszawa, 1966.

130. Ossowska M. Rola ocen w kształtowaniu pojęć. «Fragmenty filozoficzne. Seria trzecia». Warszawa, 1967.

131. Perelman C. and Olbrechts-Tyteca L. Act and person in argument. «Ethics», 1951, v. 61, No. 4.

132. Perelman C. How do we apply reason to values? «Journal of philosophy», 1953, v. 52, No. 26.

133. Perry R. B. General theory of value. Its meaning and basic principles construed in terms of interest. New York, 1926.

134. Phillips D. Z. The possibility of moral advice. «Analysis», 1964, v. 25, No. 2.

135. «Philosophy of G. E. Moore». Ed. by P. A. Schilpp. Evanston, Illinois, 1942.
136. Poincaré H. La morale et la science. «Dernières pensées», Paris, 1913.
137. Popper K. The open society and its enemies. London, 1945.
138. Popper K. What can logic do for philosophy? «Aristotelian society. Proceedings», 1948, v. 22 (supplementary).
139. Prior A. N. Logic and the basis of ethics. Oxford, 1949.
140. Prior A. N. A note on the logic of obligation. «Revue philosophique de Louvain», 1956, v. 54, No. 41.
141. Prior A. N. The autonomy of ethics. «Australasian journal of philosophy», 1960, v. 38, No. 3.
143. Prior A. N. Formal logic. Oxford, 1962.
144. Prior A. N. Past, present and future. Oxford, 1967.
145. Rand R. The logic of demand-sentences. «Synthese», 1962, v. 14, No. 4.
146. Reichenbach H. The rise of scientific philosophy. Berkeley and Los Angeles, 1951.
147. Rescher N. Recent developments and trends in logic. «Logique et analyse», 1966, No. 35—36.
148. Rescher N. The logic of commands. London, 1966.
149. Rescher N. Practical reasoning and values. «Philosophical quarterly», 1966, v. 16, No. 63.
150. Rice P. B. Toward a syntax of valuation. «Journal of philosophy», 1944, v. 41, No. 12.
151. Ross A. Imperatives and logic. «Philosophy of science», 1944, v. 11, No. 1.
152. Ross G. R. T. Relativity in ethics. «Philosophy», 1933, v. 8, No. 30.
153. Ross W. D. The right and the good. Oxford, 1930.
154. Roth A. Edmund Husserls ethische Untersuchungen. Den Haag, 1960.
155. Russell B. Religion and science. London and New York, 1953.
156. Rynin D. The autonomy of morals. «Mind», 1957, v. 66, No. 263.
157. Schlick M. Problems of ethics. New York, 1939.
158. Schuh E. Deontic and atheoretical logic. «Mind», 1967, v. 74, No. 301.
159. Schwarz E. Über den Wert, das Soll, und das richtige Werthalten. Graz, 1934.
160. Scott-Taggart M. J. MacIntyre's Hume. «Philosophical review», 1961, v. 70, No. 2.
161. Searle J. R. How to derive «ought» from «is». «Philosophical review», 1964, v. 73, No. 1.
162. Seseonske A. Value and obligation. The foundation of an empiricist ethical theory. Berkeley and Los Angeles, 1957.
163. Shaw P. D. Ought and can. «Analysis», 1965, v. 25, No. 6.
164. Shaw P. D. On the validity of arguments from fact to value-judgment. «Philosophical quarterly», 1968, v. 18, No. 72.
165. Shorter J. M. Professor Prior on the autonomy of ethics. «Australasian journal of philosophy», 1961, v. 39, No. 3.
166. Słupecki J., Bryll G., Prucnal T. Some remarks on three-valued logic of J. Łukasiewicz. «Studia logica», 1967, t. 21.
167. Smiley T. J. Relative necessity. «Journal of symbolic logic», 1963, v. 28, No. 2.
168. Smiley T. J. The logical basis of ethics. «Acta philosophica fennica», 1963, fasc. 16.
169. Sosa E. The semantics of imperatives. «American philosophical quarterly», 1967, v. 4, No. 1.
170. Stahl G. Review of H. Castañeda's «Nota sobre la lógica de los fines y medios» («Universidad de San Carlos», Guatemala, 1956, 29). «Journal of symbolic logic», 1959, v. 24, No. 1.
171. Stenius E. Definitions of the concept «value-judgement». «Theoria», 1955, v. 21, pt. 2—3.

172. Stenius E. The principles of a logic of normative systems. «Acta philosophica fennica», 1963, fasc. 16.
173. Stevenson C. L. Ethics and language. New Haven, 1944.
174. Stevenson C. L. Facts and values. New Haven, 1963.
175. Stocker M. Professor Chisholm on supererogation and offence. «Philosophical studies», 1967, v. 18, No. 5.
176. Storer T. The logic of value imperatives. «Philosophy of science», 1946, v. 13, No. 1.
177. Summers R. S. «Is» and «ought» in legal philosophy. «Philosophical quarterly», 1963, v. 13, No. 51.
178. Suppes P. Introduction to logic. New York, 1957.
179. Szewczyk J. Zagadnienie zależności wzajemnej ocen i norm. «Studia filozoficzne», 1964, No. 4 (39).
180. Taylor P. W. Prescribing and evaluating. «Mind», 1962, v. 71, No. 282.
181. Thomas A. L. Facts and rudeness. «Mind», 1965, v. 74, No. 295.
182. Thomson J. and Thomson J. How not to derive «ought» from «is». «Philosophical review», 1964, v. 73, No. 4.
183. Toulmin S. E. An examination of the place of reason in ethics. Cambridge, 1958.
184. Urmson J. O. On grading. «Mind», 1950, v. 59, No. 234.
185. Urmson J. O. Saints and heroes. In: «Essays in moral philosophy», ed. by A. I. Melden. Seattle, 1958.
186. Vendler Z. Linguistics in philosophy. Ithaca, 1967.
187. Vetulani J. Wartość logiczna zdań wartosciujacych. «Studia filozoficzne», 1966, No. 2 (45).
188. Watts I. Logick. London, 1740.
189. Wellman C. The language of ethics. Cambridge, 1961.
190. Westermarck E. The origin and development of the moral ideas. London, 1906—1908, v. I—II.
191. Whitehead A. N. Remarks. «Philosophical review», 1937, v. 46, No. 2.
192. Wilcox J. T. From «is» to «ought» via psychology. «Review of metaphysics», 1964, v. 18, No. 2.
193. Wittgenstein L. A lecture on ethics. «Philosophical review», 1965, v. 74, No. 1.
194. Wright G. H. von. Deontic logic. «Mind», 1951, v. 60, No. 239.
195. Wright G. H. von. An essay in modal logic. Amsterdam, 1951.
196. Wright G. H. von. Norm and action. A logical enquiry. New York and London, 1963.
197. Wright G. H. von. The varieties of goodness. New York and London, 1963.
198. Wright G. H. von. The logic of preference. Edinburg, 1963.
199. Wright G. H. von. Practical inference. «Philosophical review», 1963, v. 72, No. 2.
200. Wright G. H. von. «And next». «Acta philosophica fennica», 1965, fasc. 18.
201. Wright G. H. von. «And then». «Societas scientiarum fennica. Commentationes physico-mathematicae», 1966, v. 32, No. 7.
202. Wright G. H. von. Deontic logics. «American philosophical quarterly», 1967, v. 4, No. 2.
203. Ziemiński Z. Logika praktyczna. Warszawa, 1963.
204. Ziff P. Semantic analysis. New York, 1960.
205. Zimmerman M. The «is—ought»: an unnecessary dualism. «Mind», 1962, v. 71, No. 281.
206. Znamierowski C. Podstawowe pojęcia teorii prawa. Poznań, 1934.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Общая характеристика логики оценок	7
Глава 2. Структура оценок	21
Глава 3. Семантика оценочного рассуждения	35
Глава 4. Логика абсолютных оценок	52
Глава 5. Логика утилитарных оценок	137
Глава 6. Оценки и нормы	169
Глава 7. Оценки и факты	219
Литература	224

Ивин Александр Архипович

ОСНОВАНИЯ ЛОГИКИ ОЦЕНОК

Тематический план 1970 г. № 10

Редактор Э. Г. Храстецкий
Переплет художника И. З. Казакевича
Технический редактор Е. Д. Захарова
Корректоры М. И. Эльмус,
Л. А. Костылева

Сдано в набор 12/VI 1970 г.
Подписано к печати 12/XI 1970 г.
Л-107604   Формат 60×90^{1/16}
Бумага тип. № 2   Физ. печ. л. 14,5
Уч.-изд. л. 15,21   Изд. № 1042
Заказ 700   Тираж 6000 экз.
Цена 1 р. 06 к.

Издательство
Московского университета
Москва, К-9, ул. Герцена, 5/7.
Типография Изд-ва МГУ.
Москва, Ленинские горы